

ЦЕХИ ОГНЕНЫХ ЛЕТ

СБОРНИК ОЧЕРКОВ
И ВОСПОМИНАНИЙ

ЧЕКИСТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОГНЕННЫХ ЛЕТ

**СБОРНИК
ОЧЕРКОВ
И ВОСПО-
МИНАНИЙ**

„КЫРГЫЗСТАН“ ФРУНЗЕ 1976

Ч 34 **Чекисты** огненных лет. Ф., «Кыргызстан», 1976

©

188 с.

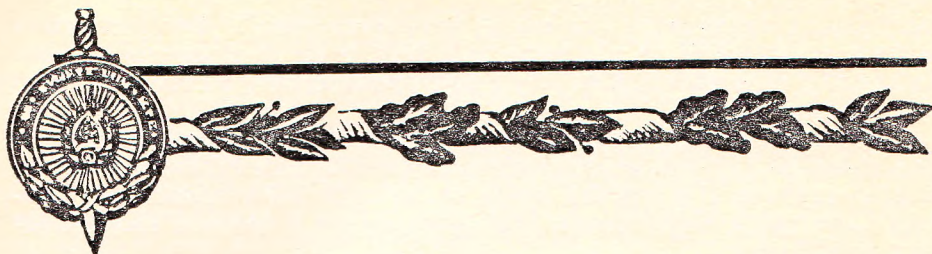
На обороте тит. л. сост.: Г. А. Мальцев.

Эта книга рассказывает о становлении чекистских органов Киргизии и чекистах республики, о их самоотверженной работе по пресечению происков внутренней и внешней контрреволюции, агентов империалистических государств в годы гражданской войны и в период коллективизации.

34С33сб.

$\frac{1-12-2}{М 451 (17)-76}$ 86—75

Составитель *Г. А. Мальцев*
Под общей редакцией *Д. А. Асанкулова*
Литературный редактор *В. Олиянчук*

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

В октябре 1974 года в обстановке высокого трудового и политического подъема трудящиеся республики отметили славный полувековой юбилей Киргизской ССР и Коммунистической партии Киргизии. 50 лет назад киргизский народ, один из древнейших на территории Средней Азии, впервые за всю свою многовековую историю обрел национальную государственность.

«Образование Киргизской ССР, как и других советских республик,— говорится в постановлении ЦК КП Киргизии,— является закономерным результатом победы Великой Октябрьской социалистической революции, оно неразрывно связано с именем Владимира Ильича Ленина и олицетворяет великие достижения ленинской национальной политики Коммунистической партии»¹. Киргизский народ в братском содружестве со всеми народами Страны Советов под руководством Коммунистической партии прошел героический путь борьбы за светлое будущее. Нелегко был этот путь. Предстояло от патриархально-феодалных отношений, минуя мучительную капиталистическую стадию развития, приступить к построению социалистического общества. Мешали не только вековая отсталость, темнота и забитость народа. Пытались затормозить движение к социальному прогрессу всевозможные враждебные элементы, внутренние и внешняя контрреволюция. Саботаж, диверсии врагов революции и противников социализма требовали организованной борьбы народа. Для защиты завоеваний Октября нужен был специальный орган диктатуры пролетариата, способный подавить сопротивление классового врага.

По указанию В. И. Ленина, решением Совнаркома 7(20) декабря 1917 года создается Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. «Без такого учреждения,— писал В. И. Ленин,— власть трудящихся существовать не может

¹ О 50-лети Киргизской Советской социалистической республики и Коммунистической партии Киргизии. Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Киргизии от 22 января 1974 года. Фрунзе, 1974, стр. 35—36.

пока будут существовать на свете эксплуататоры»¹. Возглавляемая твердым ленинцем Ф. Э. Дзержинским ВЧК и ее организации на местах активно включились в борьбу с контрреволюцией, с поисками вражеских разведок.

Советские органы государственной безопасности, руководимые Коммунистической партией, зарекомендовали себя верным стражем диктатуры пролетариата. И в успехах, достигнутых за 50 лет исторического развития Советского Киргизстана, есть доля заслуг и органов госбезопасности республики.

Возникновение первых чекистских аппаратов на территории Киргизии относится к декабрю 1918 года. Оно явилось ответом Советской власти на выступления баев, манасов, кулаков, белогвардейцев, басмачества, поддерживаемых открытой иностранной интервенцией и тайными агентами зарубежных стран. В жестокой борьбе трудящихся Киргизии против внутренних и внешних врагов немалую роль сыграли чекистские органы, самоотверженные подвиги чекистов, которые незримо несли свою вахту, вписав славную страницу в героическую борьбу народа за интересы трудящихся страны. Существенную помощь чекистские органы Киргизии оказали Красной Армии при ликвидации басмачества на юге республики. Басмачество — это вооруженное националистическое движение, форма проявления классовой борьбы феодалов, баев, мулл против Советской власти — ставило своей целью отделение Туркестана от Советского государства, уничтожение Советской власти, восстановление эксплуататорского строя.

В сложной и упорной борьбе с басмачеством органы государственной безопасности опирались на широкую поддержку трудящихся масс. Из русских, киргизских, украинских, узбекских рабочих и крестьян создавались добровольческие отряды, которые явились хорошей школой интернационального воспитания и боевой подготовки первых командиров Красной Армии и чекистов. В добротрядах прошли закалку и проявили героизм и первые чекисты — русские и киргизы, казахи и татары, украинцы и латыши, узбеки и таджики. Арстаналы Осмонбеков, Култай Исабаев, Козубай Шамсутдинов, Нуркул Орозалиев, Данкай Исангалиев, Кутан Торгоев и другие были награждены первым советским военным орденом Красного Знамени. Немало героев отдало свою жизнь за правое дело народа. Среди них Андрей Сидоров, Яков Бердников, Валерий Свищевский, Иван Ватник, Владимир Охупкин, Николай Жуков, Иосиф Шаган, Николай Удилов и другие. Светлая память о них навсегда сохранится в памяти народа.

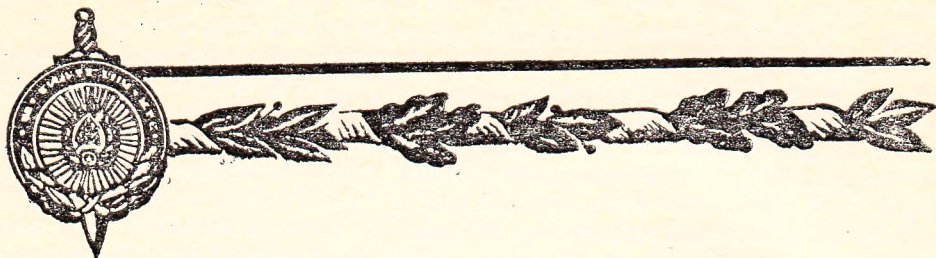
С образованием киргизской советской государственности происходит 10 декабря 1924 года организационное оформление чекистских организаций на территории Киргизии в областной отдел ГПУ. Прошло 50 лет, в течение которых органам госбезопасности Советского Киргизстана приходилось решать немало сложных задач. Отмечая славный полувековой юбилей Киргизской ССР и Коммунистической партии Кир-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 328.

тизии, свое пятидесятилетие, работники Комитета госбезопасности республики полны решимости и впредь верно служить нашей великой Родине и советскому народу, неуклонно проводить в жизнь генеральную линию Коммунистической партии Советского Союза, отдать все свои силы великому делу борьбы за коммунизм.

В предлагаемый вниманию читателей сборник вошли воспоминания, рассказы, очерки о чекистах Киргизстана, самоотверженно боровшихся с врагами революции в 1918—1932 годах (к 1933 году с организованным бандитизмом на территории республики было покончено). Авторами — бывшими чекистами, учеными-историками, журналистами использованы воспоминания ветеранов, архивные материалы. Надеемся, что выход книги привлечет внимание всех, кто интересуется героическими страницами борьбы за упрочение Советской власти в республике.

Дж. Асанкулов,
генерал-майор

Г. Мальцев

ХРОНИКА БОРЬБЫ И ПОБЕД

Самарканд. 27 октября 1917 года там была получена телеграмма от делегатов Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов: в Петрограде победила социалистическая революция! Волнующая весть быстро распространилась по всему Туркестану. И уже 1 ноября в Ташкенте власть перешла в руки трудящихся. В первой половине ноября — в Сулюкте, в конце месяца — в Кызыл-Кия, в декабре — в Джалал-Абадской волости, а во второй половине января 1918 года и в Ошском уезде власть также перешла к Советам солдатских, рабочих и мусульманских депутатов.

В большинстве северных районов Киргизии Советская власть установилась несколько позднее. Это объяснялось тем, что территория нынешней республики не представляла единого целого, а распределялась между разными областями Туркестана. Так, Пишпекский и Пржевальский уезды с Нарынским участком входили в состав Семиреченской области, населенные пункты Таласской долины — в Сыр-Дарьинскую, Ошский уезд был частью Ферганской области, а район Сулюкты — Самаркандской. Различным было и экономическое развитие районов, что накладывало свой отпечаток на классовую расстановку сил. И несмотря на малочисленность рабочего класса, он, возглавляемый большевиками, явился ведущей силой в борьбе за власть Советов.

Нарастает революционная активность масс в северных районах Киргизии. В первых числах февраля 1918 года произошел переворот в Пишпеке¹ и власть в городе и уезде взял Совет рабочих и крестьянских депутатов. Пишпек был первым городом в области, где восторжествовала Советская власть. 8 апреля в Нарынском участке, а в мае — июне 1918 года в Пржевальске вся полнота власти также перешла в руки трудового народа. Так постепенно, район за районом, власть трудящихся распространилась на всю Киргизию.

¹ Пишпек в 1926 году переименован в г. Фрунзе по имени пролетарского полководца, родившегося в этом городе.

Однако приход Советской власти еще не означал полной ее победы. Контрреволюция в лице местных промышленников и капиталистов, баев и манапов, реакционно настроенное духовенство упорно препятствовали укреплению новой жизни. Враждебно настроенная часть офицерства и казачества формирует боевые отряды для борьбы с новой властью. Контрреволюционные элементы в Пишпек навязывают населению идею присоединения города к белогвардейской Сибири.

На юге серьезную попытку свергнуть Советскую власть предприняли буржуазные националисты. Антинародные силы проявляли активность в Ташкенте, Верном, Ашхабаде и других городах Туркестана, опираясь на широкую поддержку со стороны империалистических разведок, и в первую очередь англо-американской. Из Китая и Афганистана, Ирана и Турции поползла вражеская агентура, направляемая для руководства контрреволюцией, организаций мятежей, убийств, саботажа. В руки врагов хлынул из-за кордона поток оружия, денег, снаряжения, появились иностранные «инструкторы». Классовая борьба все более и более обостряется.

Правительство молодой Советской республики понимало, что переход власти в руки трудящихся на далеких окраинах бывшей Российской империи встретит отчаянное сопротивление реакции. Об этом свидетельствовал опыт защиты завоеваний Октябрьской революции в Центральной России. Необходимо было и в Туркестане создать боевую организацию для защиты завоеваний трудового народа.

18 января 1918 года в Ташкентском Совете рабочих и солдатских депутатов была получена телеграмма Председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Ф. Э. Дзержинского: «Обнаглевшая контрреволюция готовит заговор против Советской власти и покушение на видных деятелей революции. Ею мобилизованы все контрреволюционные силы — ударники, юнкера, офицеры — каледины и корниловцы, белая гвардия — голодные, развращенные элементы подонков общества. Заговор организуется во всероссийском размахе. Для беспощадной и самой решительной и быстрой ликвидации контрреволюционного заговора ВЧК по борьбе с контрреволюцией при СНК предлагает всем Советам и Комитетам немедленно создать отделы борьбы с контрреволюцией и немедленно же прислать своих представителей за получением инструкций и секретных данных в отдел борьбы с контрреволюцией»¹.

В Ташкенте немедленно приступили к организации Ревтрибунала и следственных комиссий по борьбе с контрреволюцией, мародерством и спекуляцией. Однако большевики натолкнулись на противодействие со стороны левых эсеров и меньшевиков, которые вместе с большевиками в тот период входили в советские и партийные органы. Неоднократные попытки Ташкентского Совдепа придать организационные формы комиссии успеха не имели.

¹ См. *Р. Арипов, Н. Мильштейн*. Из истории органов госбезопасности Узбекистана, стр. 35—36.

23 января 1918 года в Ташкенте состоялось первое совместное заседание обеих следственных комиссий Ташкентского Совета, на котором намечаются меры по налаживанию работы ЧСК. В трудных условиях приходилось начинать работу, не хватало всего: квалифицированных кадров, документов, регламентирующих правовые нормы работы членов комиссий, отсутствовал надежный, слаженный аппарат.

В начале марта 1918 года Наркомюст Туркестанского края предлагает Совдепам Верного, Пишпека, Токмака, Пржевальска, Копала, Джаркента и Урджара немедленно создать ревтрибуналы и следственные комиссии: одну — по борьбе с контрреволюцией, другую — по борьбе с мародерством и спекуляцией. Но процесс их создания на местах затянулся на несколько месяцев. 20 июня постановлением Ташкентского Совета обе комиссии объединяются в одну и во главе ее становится большевик Александр Сергеевич Сидоров, впоследствии первый председатель ТуркЧК.

В Москве в середине июня 1918 года состоялась I Всероссийская конференция Чрезвычайных Комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. На ней была принята резолюция о необходимости организации на всей территории Советской России Чрезвычайных Комиссий, которые бы взяли на себя всю тяжесть заботы по охране революционного порядка и беспощадной борьбы с контрреволюцией и другими преступлениями. «Конференция, — говорилось в резолюции, — считает своим долгом указать, что переживаемое нами исключительное время требует от нас организовать именно такие боевые органы при Совдепах в лице Чрезвычайных Комиссий, которые бы охраняли Советскую власть и дали бы возможность Советам налаживать экономическую, продовольственную и культурную области страны».

На заседании исполкома Ташкентского Совета 26 июля обсуждаются конкретные предложения А. Сидорова по созданию ЧК. И вновь против выступили левые эсеры, все более открыто скатывавшиеся на позиции врагов Советской власти. Они признавали, что претворение в жизнь мероприятий по созданию Чрезвычайной Комиссии и, в частности, оперативно-розыскного аппарата непременно ударит по ним и их тайным замыслам. Им удалось добиться такого решения, по которому создание Чрезвычайной Комиссии откладывалось на неопределенное время.

Обстановка же в Туркестане продолжала накаляться. В Закаспии поднялись эсеры, меньшевики, белое офицерство и при активной помощи со стороны английских империалистов захватили власть в Ашхабаде и почти по всей Закаспийской области. На город Верный двинулось восставшее зажиточное семиреченское казачество. В Оренбурге хозяйничал атаман Дутов. Враждебно к Советскому Туркестану были настроены Бухарский эмират и ханская Хива. В Ферганской долине ширился разгул басмачества. Советский Туркестан практически был отрезан от Центральной России. Стала ощущаться острая нехватка продовольствия, над рядом районов нависла угроза голода. Не хватало предметов первой необходимости. Вспыхнули очаги холеры и тифа.

Эти тревожные обстоятельства, чреватые тяжелыми последствиями для революционных завоеваний трудового народа Туркестана, требовали решительных и неотложных действий. И большевики вновь и вновь поднимают вопрос о немедленной организации ЧК. 5 сентября 1918 года ТуркЦИК и Совнарком Туркеспублики принимают постановление об учреждении Чрезвычайной следственной комиссии республики по борьбе с контрреволюцией и мародерством с самыми широкими полномочиями, а 9 сентября создание ЧСК было узаконено приказом ТуркЦИКа. Свои полномочия Чрезвычайная следственная комиссия распространила на всю территорию Туркестана. Соответствующие телеграммы были немедленно направлены в областные центры. Организация ЧСК начинается на местах. 17 октября объединенное заседание членов Семиреченского областного исполнительного комитета и областных народных комиссаров в городе Верном решает организовать ЧСК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и мародерством. В декабре того же года в Пишпекке, согласно предписанию Семиреченского областного отдела юстиции, была упразднена уездная Следственная комиссия и учреждена Чрезвычайная следственная комиссия, функции и состав которой определялись приказом № 35 ТуркЦИКа. Первым Председателем Пишпекской уездной ЧСК стал Илья Макарович Никитенко, членами комиссии Олейников, Струев, Прядко¹.

4 марта 1919 года Ревизионная комиссия, проводившая проверку работы ЧСК при Ревтрибунале, докладывала Пишпекскому уездному съезду Советов: «...Общее впечатление о деятельности следственной комиссии считаем самым наилучшим. Председатель тов. Никитенко при хороших работниках, членах комиссии и штате служащих достаточно поработал на поприще следственной власти. Кроме благодарности, составу следственной комиссии сказать ничего нельзя»².

Органы ЧСК продолжают совершенствоваться.

В мае 1919 года в Ташкенте принято «Положение о Чрезвычайных Комиссиях», впервые определившее организационную структуру всех звеньев ЧК; Чрезвычайные следственные комиссии переименовываются в отделы ЧК. После этого Чрезвычайные Комиссии создаются еще в ряде городов Туркестана. К сентябрю 1919 года местные отделы их имелись уже в Пишпекке, Токмаке, Пржевальске. В начале апреля 1920 года ТуркЦИК учреждает пять областных Чрезвычайных Комиссий: Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую, Ферганскую, Семиреченскую и Закаспийскую. В том же месяце создается специальный координирующий орган — Полномочное Представительство ВЧК на территории Туркестана (ПП ВЧК). Первым полномочным представителем ВЧК в Туркестане назначается старый большевик Глеб Иванович Бокий, которого в августе 1920 года сменил заместитель Председателя ВЧК Яков Христович Петерс.

Чрезвычайные Комиссии Туркестана, находясь на переднем крае классовой борьбы, вписали немало славных страниц в историю органов

¹ ЦГА Кирг. ССР, ф. 1345 с, оп. 4, д. 5, стр. 3, 62.

² Там же, ф. 188 с, оп. 1, д. 3, стр. 83—85 (дано в сокращении).

государственной безопасности. Многочисленные заговоры внутренних и происки внешних врагов, басмачество, террор, диверсии и саботаж неизменно патыкались на острие меча ЧК.

Во второй половине 1918 года ЧСК сорвала крупный контрреволюционный заговор так называемой ТВО — Туркестанской военной организации, деятельность которой направлялась английской разведкой. Это был первый ощутимый удар ТуркЧК по замыслам империалистов. В 1919 и последующие годы ТуркЧК обезвредила ряд заговорщицких контрреволюционных групп, содействовавших басмачам и всеми возможными способами противодействовавших мероприятиям Советской власти. Чекисты проникали в басмаческие банды, где проводили кропотливую и опасную работу по их разложению, склонению курбашей к добровольной сдаче советским властям, выявляли каналы поступления в банды оружия и его поставщиков, пособников курбашей, сообщали военному командованию о местах сосредоточения и путях движения банд, способствуя их разгрому.

Летом 1920 года была ликвидирована разветвленная, хорошо налаженная шпионская сеть, которой руководили агенты английской разведки, бывшие царские офицеры Соколов, Челпанов, Вербов, Перфильев и Жуков.

В конце 1920 — начале 1921 годов Семиреченская ОблЧК под непосредственным руководством ее председателя Федора Ивановича Эйхманса выявила и в кратчайший срок разгромила глубоко законспирированное контрреволюционное подполье, ядро которого составляло кулачество и белогвардейщина, осевшая в Семиречье после разгрома Анненкова и Дутова. Деятельность подполья направлялась английской разведкой из Китая. Оно располагало в большом количестве оружием и боеприпасами, имело план свержения Советской власти на местах. Частью этого плана явился мятеж в Нарыне 6 ноября 1920 года, разгромленный силами ЧК и военного командования¹.

С момента образования ТуркЧК решительно боролась со спекуляцией. В то тяжелое время было немало различного рода дельцов, пытавшихся нажиться на нехватке самого необходимого: продовольствия, промышленных товаров, медикаментов. К виновным применялись суровые меры наказания.

Несмотря на происки внутренних и внешних врагов, мирное строительство набирало темпы. Исходя из волеизъявления народов Туркестана, 14 октября 1924 года вторая сессия ВЦИК, а 27 октября сессия ЦИК СССР приняли постановление о национально-государственном размежевании Средней Азии. Были образованы Узбекская и Туркменская ССР, Таджикская АССР и Киргизская автономная область, вошедшая в состав РСФСР. Руководствуясь постановлением ВЦИК, полномочный представитель ОГПУ в Средней Азии 9 декабря 1924 года издал приказ об образовании областного отдела Государственного политиче-

¹ Подробнее об этом см. *Р. Арипов, Н. Мильштейн. Из истории органов госбезопасности Узбекистана*, стр. 104—113.

ского управления Киргизской автономной области с центром в городе Пишпеке. Во исполнение этого приказа начальник областного отдела ГПУ Киргизской автономной области Покровский П. П. с приказа № 1 от 10 декабря 1924 года начал организацию отдела.

В непрерывной борьбе с классовым врагом крепили и совершенствовались органы госбезопасности Туркестана. Много славных сынов и дочерей, беззаветно преданных делу революции, погибло в этой борьбе, но память о них и их мужественных делах навсегда останется в сердцах чекистов, продолжающих нести трудную, но почетную службу.

Ю. Нисловский

ГРАНИЦУ НА ЗАМОК

Разрабатывая теорию социалистического государства, В. И. Ленин считал, что существование республики Советов будет немислимо без надежной охраны границ. Необходимо было вести борьбу не только с иностранной агентурой, шпионами и диверсантами, но и с контрабандой, с попытками вывезти за границу государственные документы, золото и драгоценности.

О доверии к пограничной страже дореволюционного времени, среди которой процветали взяточничество, злоупотребления, не могло идти и речи. Совершенно новую пограничную службу пришлось создавать в сложных условиях начавшейся гражданской войны и иностранной интервенции. 28 мая 1918 года В. И. Ленин подписал декрет о создании пограничной охраны. С 1918 по 1923 год Политбюро ЦК РКП(б), Совнарком и Совет Обороны РСФСР приняли около двадцати постановлений, касающихся охраны государственных границ и укрепления пограничных войск.

Коммунистическая партия и Советское правительство во главе с Лениным особое значение придавали охране границ в Советском Туркестане. Гражданская война проходила здесь в условиях сложных национальных взаимоотношений, остатков патриархального строя и малочисленности рабочего класса. Обстановка обострялась происками иностранных империалистов, которые, опираясь на свои базы в Афганистане, Китае и Иране, намеревались отторгнуть районы Средней Азии и Казахстана от Советской России и использовать их для борьбы против Страны Советов.

Трудящиеся Средней Азии и Казахстана совместно с трудящимися всей страны встали на защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. В жестоких боях части Красной Армии Туркестанского фронта в феврале 1920 года разгромили интервентов и белогвардейцев на Закаспийском фронте и восстановили границу с Ираном. К началу этого же года восстановлена граница с Китаем. В августе—сентябре они вышли и на границу с Афганистаном. Началось восстанов-

ление промышленных предприятий, железнодорожного транспорта, нефтяных промыслов. Но внутренние силы контрреволюции при прямой помощи и содействии империалистов Англии, США стремились помешать хозяйственной деятельности в этих важных районах. Они пытались сорвать добычу нефти, производство хлопка и хлеба. В пограничной полосе создавались банды басмачей, для оснащения которых через границу переправлялись снаряжение и боеприпасы.

Важнейшим условием пресечения действий иностранной агентуры и разгрома басмачей было создание пограничной охраны. Реввоенсовет Туркестанского фронта выделил значительную часть войск для охраны государственной границы. В Семиречье к охране границ были привлечены подразделения 9-й и 76-й бригад 3-й Туркестанской стрелковой дивизии.

Так началась планомерная работа по организации охраны границ в Средней Азии и Казахстане. Кроме привлечения частей Красной Армии, создаются специальные части и подразделения пограничников, которые на первых порах входили в подчинение соединений Красной Армии Туркестанского фронта. 14 апреля 1920 года приказом Реввоенсовета Туркестанского фронта за подписью М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева был утвержден временный штат Отдельной Туркестанской дивизии пограничной охраны. В пограничных районах началось формирование пограничных частей.

Пограничные войска как специальный вооруженный отряд социалистического государства создавались на тех же основных принципах, что и Красная Армия. В политической сводке 1-го пограничного полка Отдельной Туркестанской дивизии за май 1920 года сообщалось, что в составе полка имеется русских 258, поляков 12, немцев 15, армян 22, представителей коренных народов Средней Азии и Казахстана 100 человек.

Создание пограничной охраны в Семиречье неразрывно связано с деятельностью уполномоченного Реввоенсовета Туркестанского фронта Д. А. Фурманова, который прибыл в г. Верный в апреле 1920 года. Пограничные посты в Семиречье состояли в основном из пограничной стражи дореволюционного времени. Численность её была невелика, средства передвижения отсутствовали. Поэтому с первых дней прибытия в Семиречье Д. А. Фурманов ставит вопрос перед Реввоенсоветом Туркфронта о направлении в Семиречье частей пограничной охраны. «...Положение требует возможно быстрой организации пограничной охраны — имеющиеся части совершенно непригодны», — телеграфировал он в Ташкент.

9 мая 1920 года Д. А. Фурманов в телеграмме члену Реввоенсовета Туркестанского фронта В. В. Куйбышеву вновь подчеркивает слабость охраны границы, из-за чего продолжается перегон скота, срывается закупка лошадей и верблюдов для формирующихся частей Красной Армии, а также продовольствия.

Принимались меры и на местах. Приказом от 29 апреля 1920 года в г. Верном и окрестностях воспрещалась частная торговля лошадьми

и верблюдами. Контроль за исполнением возлагался на органы милиции и пограничные посты. Местные партийные и советские органы усилили внимание к вопросам формирования войск. В связи с тем, что 5-й пограничный полк (создание которого началось на основании приказа Реввоенсовета Туркфронта от 14 апреля 1920 года) ещё не был сформирован, а обстановка требовала немедленного усиления охраны границы, приказом уполномоченного Реввоенсовета Туркестанского фронта № 39 от 27 мая 1920 года в пограничных пунктах Семиреченской области были сформированы три конных эскадрона по 120 человек каждый и стрелковая рота в 240 человек. Эти подразделения состояли из добровольцев — лучших представителей трудящегося населения из числа русских, украинцев, казахов и киргизов.

Пограничные подразделения, сформированные в этих местах, организационно вошли в 5-й пограничный полк. Командиром полка был назначен Мухин, военным комиссаром — Бугаев. Была сформирована и 37-я Алма-Атинская пограничная бригада, которая впоследствии отличалась высокой боеспособностью, стойкостью. В бригаде имелось несколько рот и взводов, состоящих из коммунистов местных партийных организаций.

При создании частей пограничной охраны большое внимание уделялось укомплектованию их политработниками. Ещё в октябре 1919 года Туркестанский военный комиссариат телеграфно запросил военные комиссариаты о наличии политических руководителей на пограничных постах. Выяснилось, что ощущается острая нужда в политработниках пограничных подразделений Пишпека, Токмака, Нарына, Джаркента и других мест. О недостатке политработников и важности политико-воспитательной работы в апреле 1920 года докладывалось военному Отдельной Туркестанской дивизии пограничной охраны.

Постоянно оказывали помощь Туркестанскому фронту коммунисты и политработники ЦК РКП(б) и Политуправление Реввоенсовета республики. Только к 1 сентября 1919 года в распоряжение Туркфронта из центра было направлено 8911 мобилизованных коммунистов и сочувствующих, а также 987 политработников. В октябре 1919 года Политуправление откомандировало на Туркфронт ещё 227 политработников. Многие из прибывших получили назначения в части и подразделения пограничной охраны.

На посты и в подразделения пограничной охраны направлялись в первую очередь коммунисты из воинских частей Красной Армии. Наряду с этим принимаются меры к открытию политических курсов и партийных школ. В мае 1920 года политические курсы начали функционировать при политотделе 3-й Туркестанской дивизии. Их состав комплектовался из коммунистов Гавриловской партийной организации и частей 9-й бригады. Для 8-й бригады политработники готовились в Семипалатинской партийной школе, где в мае 1920 года обучалось 20 коммунистов-красноармейцев.

Большое внимание подготовке работников и политическому просвещению красноармейцев в частях Красной Армии и пограничной охране уделял Д. А. Фурманов. Когда стало известно, что из частей Красной Армии наряду с беспартийными красноармейцами демобилизуются и коммунисты, он издал приказ, согласно которому коммунисты, подлежащие демобилизации, должны стоять на своих постах впредь до особого на то распоряжения.

По предложению Д. А. Фурманова, в Верном были открыты партийная школа для подготовки политических работников и партийные курсы для воинов, не знающих русского языка. Обучение проходило на родном языке курсантов. На этих курсах в 1920 году обучалось более 200 человек из числа казахов, киргизов и представителей других национальностей. В мусульманской партийной школе при штабе Туркфронта обучалось ещё 72 курсанта. Политработники, прошедшие курс обучения, направлялись в подразделения Красной Армии и пограничной охраны, где проводили работу по политическому воспитанию красноармейцев из местного населения.

В части прибывали и коммунисты, призванные по партийной мобилизации. Так, в распоряжение политотдела Туркестанской стрелковой дивизии с 1 по 7 мая 1920 года прибыло 24 политработника. Серьёзной трудностью при создании пограничной охраны и формировании частей Красной Армии явилось отсутствие подготовленного и надежного командного состава. По указанию В. И. Ленина, в мае 1919 года в Москве были открыты командные курсы по подготовке командиров-пограничников.

Курсы эти, естественно, не могли в короткое время обеспечить кадрами все границы Страны Советов. Тем более, что проблема командных кадров погранвойск в отдельных районах встала гораздо раньше. В Семиречье она возникла ещё летом 1918 года.

В 1923 году для подготовки высококвалифицированных командиров и политработников пограничной охраны была создана Высшая пограничная школа имени Ф. Э. Дзержинского.

Командующий войсками Семиреченской области Л. П. Емелев в докладе областному исполнительному комитету и военному комиссару Туркестанской республики о формировании частей Красной Армии в начале 1919 года писал, что вопрос о командном составе может быть разрешен двумя путями: усилением подготовки на курсах красных командиров и привлечением на службу в Красную Армию «граждан, имеющих боевой опыт», т. е. офицеров старой армии.

Курсы по подготовке пролетарского командного состава были открыты ещё в конце 1918 года в Ташкенте, Верном и других городах. Специальных курсов для пограничных войск не было, поэтому кандидаты от пограничных полков направлялись на действующие курсы Туркестанского фронта. Так, в октябре 1920 года на Верненские кавалерийские курсы были направлены пограничники из 4-го пограничного полка и Советского Самаркандского пограничного полка.

В конце 1920 года для подготовки младших командиров-пограничников создаются дивизионные и бригадные школы комсостава при управлениях дивизий и штабах бригад. В начале 1921 года в школе младших командиров 2-й Отдельной пограничной бригады ВЧК обучалось 45 курсантов. Такая же школа имелась и при 14-й Отдельной пограничной бригаде ВЧК в Полторацке (Ашхабад).

Таким образом, подготовка командиров-пограничников осуществлялась как на общевоинских курсах командного состава, так и в специальных школах при пограничных частях и соединениях.

Коммунистическая партия, Советское правительство постоянно заботились об укреплении пограничных войск, оснащении их всем необходимым. В годы гражданской войны, по распоряжению В. И. Ленина, пограничным войскам неоднократно выделялись машины, оружие и боеприпасы.

В январе 1923 года, по решению Совета Труда и Оборона, была создана специальная правительственная комиссия для решения вопроса об улучшении материального положения пограничников. Большую помощь и поддержку пограничным войскам в охране государственной границы оказывали местные партийные организации приграничных районов. Так, в начале 1922 года, по инициативе Сыр-Дарьинского обкома партии, из местного населения были организованы пограничные группы (отряды), которые совместно с пограничниками вели борьбу с бандами басмачей.

В ноябре 1922 года исполнительное бюро Джетысуйского обкома партии заслушало доклад начальника политсекретариата погранполка Суровцева о состоянии политработы среди пограничников. По предложению бюро, Суровцев был избран членом обкома. Бюро дало указание Каракольскому, Джаркентскому и Лепсинскому уездным и городским комитетам о включении в свой состав военкомов погранэскадронов и об улучшении политико-воспитательной работы с пограничниками.

Благодаря неустанному руководству и заботе Коммунистической партии и Советского государства пограничники бдительно охраняли священные рубежи своей Родины, мужественно вели борьбу с многочисленными врагами Советской власти. Жизнь и боевая деятельность пограничников Средней Азии и Казахстана богата примерами героизма и доблести в борьбе с контрреволюцией и происками вражеской агентуры. Много подвигов совершили пограничники Семиречья. Наряду с охраной государственной границы они вели напряженные боевые действия по ликвидации басмачества и других контрреволюционных банд.

Когда в ноябре 1920 года под воздействием ферганского басмачества в Нарынском уезде вспыхнуло антисоветское восстание, на его подавление был направлен, кроме особого полка и мобилизованных коммунистов Пишпекской партийной организации, пограничный полк во главе с Васильевым. В жестокой схватке с врагом под Кочкоркой пограничники разгромили мятежников, одержав блестящую победу.

Крупную банду басмачей в Пограничной волости в августе 1921 года разгромили подразделения 220-го батальона 37-й Алма-Атинской пограничной бригады совместно с Сазинским отрядом коммунистов.

Весной 1924 года на аулы Барлыкского аулсовета Лепсинского уезда стали нападать бандиты Калена Кусайнова. Немногочисленные отряды милиции не смогли справиться с бандой. Осенью борьба с бандитами была возложена на сводную группу погранотряда под руководством начальника заставы Александра Алексеева. Группа образцово выполнила задачу. В октябре банда Кусайнова была разгромлена. Один из пограничных отрядов, охранявший юго-восточную границу, только в 1924 году провел 36 боевых операций, совершил 140 задержаний контрабанды.

В марте 1930 года на 13 молодых пограничников во главе с командиром отделения И. И. Слесаревым в поселке Кызыл-Агач неожиданно напала банда в несколько сот человек. Шесть суток вели неравный бой пограничники и на седьмые сутки вместе с подошедшим подкреплением разгромили бандитов. Не на жизнь, а на смерть стояли пограничники, возглавляемые И. Головиным в горах Тянь-Шаньского Алатау. Они громили банды Дара Садыкова, Чулыка Имамбекова и других врагов Советской власти.

Многочисленные подвиги пограничников в те годы не раз отмечались командованием. В приказе уполномоченного ОГПУ в Казахстане от 26 ноября 1932 года высоко оценивались действия группы пограничников под командованием начальника заставы Колоева и помкоманданта Сарыджасской комендатуры Пемурова. Благодаря решительным и умелым действиям пограничников крупная группа бандитов, прорвавшаяся из Китая в Каракольский район, была разгромлена. За умелое руководство Н. М. Пемурову была объявлена благодарность.

Исключительное мужество, стойкость и преданность Родине проявили пограничники поста Кашка-Су Алай-Гульчинской комендатуры Среднеазиатского округа. Окруженные басмачами, они погибли в неравной борьбе, до конца выполнив свой долг перед народом. Пограничники вели бой с мыслью о Родине, о партии, о светлом будущем своей страны. На щитке своего пулемета они написали: «Да здравствует коммунизм!»

Умело действовали солдаты Калифской погранкомендатуры по разгрому крупной банды басмачей, пытавшейся увезти за границу пшеницу и угнать скот. Четверо суток вела бой с бандой басмачей группа пограничников под командованием коменданта Соколова. По сыпучим пескам она преследовала банду до полного её разгрома.

На границах Семиречья, в горах Кольджата и Бурхана, в песках Каринала и зарослях реки Или в те годы гремели выстрелы и сверкали острые кавалерийские клинки пограничников, которые разгромили не одну банду в жестоких и скоротечных боях.

Прошли годы. Многое забылось, но боевые подвиги пограничников не забыты. Случайные прохожие и местные жители, проходя мимо скромного памятника погибшим, склоняют головы перед теми, кто отдал свою жизнь за их счастливое будущее. Часто можно видеть у могил героев школьников, возлагающих венки, слышать их торжественную клятву — умножать боевые традиции комсомольцев двадцатых годов.

Кто же те, чьи имена вошли в летопись боевой славы пограничников?

До сих пор некоторые старожилы Алма-Атинской области помнят начальника пограничной заставы Андрея Яковлевича Онопко. Он начал службу молодым бойцом 84-го отдельного дивизиона войск ОГПУ в г. Джаркенте в 1924 году и вскоре стал начальником пограничной заставы.

Не один бой выиграли пограничники под командой А. Я. Онопко. Но не только героизм пограничников способствовал успеху. А. Я. Онопко за короткое время изучил казахский язык и быстро сблизился с местным населением. Даже сдобородые аксакалы прислушивались к молодому командиру-пограничнику. И это не случайно. Пограничники постоянно оказывали помощь колхозникам в весеннем севе, уборке урожая и строительстве, защищали жителей сёл от налета бандитов.

Когда в августе 1930 года прорвавшаяся из-за границы банда учинила расправу над местным населением, сожгла постройки и пыталась угнать скот, группа пограничников во главе с Онопко вступила с ними в бой. Начальник заставы принял решение отрезать пути к отходу банды за кордон и уничтожить её. Преследуя врага, пятеро пограничников, несмотря на сильный огонь противника, атаковали бандитов и совместно с подошедшим подкреплением более сорока уничтожили и около двадцати взяли в плен. В этой неравной схватке героически погиб начальник пограничной заставы Андрей Яковлевич Онопко.

И ныне, в мирные дни, правофланговая заставы, которая носит его имя, на боевом расчете торжественно произносит: «Начальник заставы Андрей Яковлевич Онопко погиб смертью героя при защите государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!»

А разве можно забыть подвиг младшего командира-пограничника Василия Васильевича Кондюрина, верного защитника священных рубежей нашей Родины!

Выполняя боевую задачу по охране государственной границы, пограничник обнаружил следы банды, прорвавшейся в наш тыл. Кондюрин принял решение: не допустить ухода бандитов за кордон. Не теряя ни минуты, он двинулся по их следу и вскоре вступил с ними в бой. Один против тридцати. Но мужество не покидало пограничника, вскоре подошло подкрепление, и враг был уничтожен. Так, благодаря отваге Кондюрина удалось ликвидировать крупную банду анненковского офицера Толстоухова.

Погиб В. В. Кондюрин 13 сентября 1930 года на боевом посту, охраняя границу вместе с красноармейцем Петровым. Во время преследования пятерых бандитов двое были убиты, но вражеской пулей в голову был сражен Петров и тяжело ранен Кондюрин. Потерявшего сознание пограничника схватили бандиты, а когда он пришел в себя, зверски надругались над ним: выкололи глаза, отрезали уши, а на груди вырезали пятиконечную звезду.

Так погиб славный пограничник. Его бессмертный подвиг — пример беззаветного служения своей Родине и советскому народу.

Никогда не померкнет в памяти советских людей и подвиг Андрея Бесценного — парторга одной из пограничных застав Советской Киргизии.

Ноябрьским вечером 1931 года группа советских пограничников на горном перевале вступила в бой с шайкой басмачей Айтмерека. В бою погиб заместитель начальника заставы Максимов. Командование пограничниками принял младший командир А. Бесценный. Бандиты численно превосходили пограничников, но горсточка мужественных бойцов неоднократно отражала атаки басмачей. Не один десяток врагов был уничтожен меткими выстрелами пограничников, но редели и их ряды. Когда их осталось только трое, басмачи вновь перешли в атаку. Бросив последнюю гранату, А. Бесценный упал, сраженный огнем бандитов. Подошедшая с заставы группа пограничников отомстила за смерть товарищей. Банда была разгромлена.

Примеров героических подвигов пограничников не перечесать. Имена многих из них золотыми буквами вписаны в боевую историю пограничных войск.

Именами героев-пограничников А. Онопко, А. Бесценного, Г. Мезенцева, В. Кондюрина, Д. Ярошевского и многих других названы пограничные заставы в Казахстане и Средней Азии. Целые пограничные подразделения и части удостоены высоких наград за боевые подвиги в борьбе с басмачами и за заслуги в охране границ.

Созданные под руководством В. И. Ленина, воспитанные и закаленные Коммунистической партией, пограничные войска имеют богатые боевые традиции. И сегодня, как и в первые годы Советской власти, они несут свою боевую вахту, бдительно оберегают священные рубежи нашей Родины, решительно пресекают попытки империалистических разведок нарушить мирный созидательный труд советских людей, строящих коммунизм.

В. Лебедев

РАЗГРОМ ДЖАЛАЛ-АБАДСКОЙ АВАНТЮРЫ

В ноябре 1917 года меня избрали председателем солдатского комитета военного госпиталя № 280 в Петрограде. В январе 1918 года, ввиду наступления немцев, госпиталь был эвакуирован в город Пермь, где в феврале 1918 года я вступил в 1-й сводный полк Красной Гвардии, в котором был избран начальником команды разведчиков и членом полкового комитета. В марте 1918 года наш полк, переименованный в мае в 8-й Уральский стрелковый, вел бои против белоказаков атамана Дутова в районе Троицк — Верхне-Уральск. Соединившись с отрядами В. К. Блюхера, мы вели многочисленные бои с белоказаками и заняли город Оренбург. Однако в июле 1918 года под давлением превосходящих сил противника город пришлось оставить и отойти к Актюбинску. В одном из боев в сентябре того же года я был ранен и эвакуирован в военный госпиталь города Ташкента. Поправившись от ранения, вернулся в строй и в ноябре 1918 года был избран на I-й съезд Красной Армии и Красной Гвардии Туркестанской республики, где был избран членом Военного совета Туркеспублики.

По указанию председателя Совнаркома Туркестанской республики Фигельского и председателя ТуркЦИКа Вотинцева¹, вместе с председателем крайкома партии большевиков Солькиным в конце декабря 1918 года выехал в город Скобелев².

1 февраля 1919 года в Скобелеве состоялся II съезд Красной Армии и Красной Гвардии Ферганской области, избравший меня председателем съезда, а затем председателем оперативного штаба войск Ферганской области. На съезде присутствовали представители частей Красной Армии и Красной Гвардии всех отрядов и гарнизонов Ферганской области, в том числе командующий так называемой «крестьянской» армией Монстров, поднявший мятеж против Советской власти в августе

¹ Оба расстреляны предателем Осиповым в январе 1919 года.

² Ныне город Фергана.

1919 года. С организацией штаба Ферганского фронта я перешел на работу в особый отдел ВЧК и был назначен начальником пункта особого отдела ВЧК Ошского уезда.

Еще при отъезде в декабре 1918 года из Ташкента в Ферганскую область товарищ Фигельский обратил мое внимание на важность организации военного контроля над коммуникациями Туркестан — Памир — Китай и предложил особо присмотреться к охране Памира, через который осуществлялось проникновение к нам английских разведчиков.

Где-то в конце мая 1919 года я приехал в город Ош. Советскую власть здесь осуществляли в то время председатель ревкома Владимир Коробицын, председатель уездкома РКП(б) Николай Кондратьев, начальник милиции Кочевского района Александр Добрынин, начальник милиции Оседлого района Людвиг Зигмунчик, председатель уездной ЧК Алексей Румянцев. Позже председателем ревкома назначили фельдшера Михайличенко. В особом отделе моим заместителем был Тимофей Лашин, шифровальщиком — комсомолец Дмитрий Чураков, ординарцем — узбек Сулейман Дадабаев. В особом отделе служили бойцы Умарали Юнусов, Хамид Шамсутдинов и другие.

Военные силы города Оша состояли из партийной дружины и отряда Красной Гвардии под командой Александра Добрынина общей численностью 60—70 человек и гарнизона крепости, насчитывавшего несколько десятков человек. Партийная организация большевиков была малочисленна и насчитывала 25—30 человек. Среди членов РКП(б) было несколько бывших левых эсеров: Лысенко, Румянцев, Михайличенко и еще несколько человек.

Особенности работы особого отдела требовали от нас привлечения новых людей из местного населения, преданных Советской власти. К нам на помощь пришли молодые ребята, позже ставшие костяком Ленинского комсомола в Ошском уезде: Митя Чураков, Борис Нестеренко, Володя Голубев, Миша Михайличенко, Хамид Шамсутдинов, Джурра Зайнабетдинов, Умарали Юнусов, Володя Земсков, Ваня Малышев, Юсупджан Садыков, Даниил Кордуб и многие другие. Все они проявили стойкость и отвагу в боях за укрепление молодой Советской власти.

Деятельное участие первых комсомольцев Оша в борьбе с контрреволюцией принесло свои плоды. С их помощью у контрреволюционно настроенных торговцев, чиновников, кулаков было отобрано много оружия, патронов, продовольствия, ценностей. Комсомольцы помогали партийной организации города Оша выявлять пособников и участников басмаческих и белогвардейских банд, пробравшихся в советские организации и стремившихся подорвать изнутри ненавистную им Советскую власть. Безграничную смелость и находчивость проявляли комсомольцы, уничтожая басмачей, нападавших на трудовое население. Защищая мирный труд советских людей, героически погибли в боях с контрреволюцией Володя Голубев, Ваня Малышев, Миша Михайличенко, Володя Земсков и многие другие.

Обстановка в Ошском уезде оставалась напряженной: там хозяйничали многочисленные банды басмачей Мадамин-бека, Хал-Ходжи, Курширмата и других. С Андижаном нас связывала дорога через Кашгар-Кишлак, однако проехать можно было только вооруженному отряду, способному отразить нападение басмачей.

Телефонную связь с Андижаном басмачи часто выводили из строя. Почти ежедневно партийная дружина, бойцы и работники особого отдела выезжали на операции против басмачей в кишлаки, а также устраивали засады в старом Оше, куда по ночам, а то и днем пробирались группы басмачей.

Необходимо учесть, что в то время мелкие шайки басмачей насчитывали сотни людей, а у Мадамин-бека порой банды насчитывали 3—4 тысячи человек, и нам, горсточке советских людей, приходилось не только защищаться, но и наступать на более сильного врага. В незабываемое время, когда основные наши задачи заключались в вооруженной борьбе за укрепление Советской власти, решался вопрос: «Мы или они».

Командующим войсками Ошского района был бывший офицер Ситняковский, которого назначил на этот пост командующий войсками Ферганского фронта Сафонов, несмотря на протесты уездной партийной организации. Алексей Ситняковский, белогвардеец, эсер, ничего общего не имевший с революцией, в сентябре, 1919 года сдал окруженный Ош белым. Брат этого Ситняковского — Борис, подполковник царской армии, также пробрался на должность помощника начальника штаба Андижанского района и во время осады белыми Андижана перебежал на их сторону.

Приблизительно в июне 1919 года в городе Оше стояли вновь сформированные части Памирского отряда, следовавшие через Ош — Гульчу на Памир. Личный состав Памирского отряда в основном состоял из бывших офицеров и выходцев из буржуазных семей. По достоверным данным стало известно, что многие из них поступали в отряд с целью перебраться за границу. Памирцы держали себя в Оше вызывающе, открыто подчеркивая свою ненависть к Советской власти, особенно к большевикам и работникам особого отдела.

Уездная партийная организация и особый отдел по своей линии неоднократно доводили до сведения штаба Ферганского фронта и лично комвойсками Сафонова о ненадежности личного состава Памирского отряда и о том, что с ним мы не сможем охранять границу, а только через него снабжаем и вооружаем антисоветски настроенных людей. Сафонов не счел нужным посчитаться с мнением руководителей партийной организации города Оша и не реагировал на наши доводы. Начальник особого отдела Ферганской области Новгородский согласился с нашим мнением и разрешил мне сделать проверку и, в случае необходимости, разоружить части Памирского отряда. Окончательно установив ненадежность памирцев, приняли решение разоружить его.

В один из августовских дней 1919 года я с группой работников особого отдела и партийной дружины после обеда вошел в помещение, занимаемое памирцами. Внезапность нашего появления дала нам воз-

возможность завладеть винтовками и пулеметами. С гранатами в руках мы принудили памирцев к повиновению, наши бойцы вынесли винтовки и пулеметы и таким образом обезоружили отряд.

В операции по разоружению памирцев участвовали начальник партбрунины Александр Добрынин, большевики Тихон Попов, Николай Чеботарев, Людвиг Зигмунчик, работники особого отдела: Тимофей Лашин, Дмитрий Чураков, Сулейман Дадабаев, Чеботько.

Узнав о разоружении памирцев, Сафонов приказал мне явиться к прямому проводу и, несмотря на мои объяснения, распорядился вернуть оружие памирцам. Так, в силу близорукости командующего войсками Ферганского фронта Сафонов мы вернули оружие Памирскому отряду, который в сентябре 1919 года почти целиком перешел на сторону белогвардейцев и вместе с ними осаждал Советский Андижан.

* * *

Продовольственное положение Туркестанской республики в 1919 году было тяжелым. Враги Советской власти всячески старались усугубить недостатки и трудности молодой Советской власти. В начале августа 1919 года штаб Ферганского фронта сообщил нам, что шайка белогвардейцев и басмачей, воспользовавшись слабой охраной в районе Узгена, отбила свыше десяти тысяч овец государственного стада и пытается перегнать их в Китай. Приказ был коротким: не допустить угона овец за границу.

К Узгену были брошены все наличные силы Ошского гарнизона во главе с Ситняковским и Лашиным. Из Гульчи с отрядом был вызван Добрынин. А в это время банда белогвардейцев и басмачей под начальством генерала Муханова продвигалась вверх по реке Кара-Дарья. Отряд Ситняковского первым пришел в Узген и вместо того, чтобы немедленно двигаться вдогонку за бандой, расположился на отдых с расчетом возобновить преследование на следующий день.

Добрынин, прибывший с отрядом в Узген вслед за Ситняковским, застал его в пьяной компании. Посоветовавшись с Лашиным, Добрынин потребовал немедленного выступления обоих отрядов в погоню за бандой, угонявшей овец. Ситняковский отказался, заявив, что он командир всех отрядов и что ему должны подчиняться, у него, дескать, есть свой план действий. Конечно, план у него был — дать возможность генералу Муханову угнать овец за границу. Но Добрынин потребовал от него немедленно начать погоню. Спор мог закончиться кровопролитием, но Лашин помешал Добрынину пристрелить Ситняковского. Острота инцидента протрезвила последнего, и он дал команду части его отряда выступить вместе с Добрыниным.

Я приехал к переправе через речку тогда, когда уже наши бойцы вновь начали преследовать басмачей. Двигаясь по крутым берегам Кара-Дарьи, мы шли по верному следу — по обочинам дороги то там,

то здесь лежали десятки обессилевших овец. Это говорило о том, что овцы не выдержат такого быстрого передвижения. Тем более, что впереди предстояло еще преодолеть горные кручи.

Двое суток шли мы по пятам банды и, наконец, достигли отар. Ранно утром проводники обратили наше внимание на виднеющиеся на горах точки — это были овцы. Оставив пастухов со стадом, генерал Муханов ушел от преследования. Нам понадобилось еще два дня, чтобы отары овец, отдохнув, смогли двигаться обратно.

Задание правительства было выполнено.

* * *

В середине 1919 года тяжело жилось в городах рабочим и служащим. Хлеб нужен был Красной Армии, но кулаки и баи не хотели давать его молодой Советской власти, мечтая выиграть на разрухе и голоде. А хлеба, по нашим данным, в Ошском уезде у кулаков было много.

Ошский уком РКП(б) в соответствии с указанием штаба Ферганского фронта решил послать отряд в село Куршаб, чтобы установить излишки хлеба у кулаков и изъять его, одновременно арестовать главарей, сопротивляющихся сдаче хлеба государству.

Бойцы особого отдела и партийной дружины общей численностью до 40 человек двинулись в Куршаб. Не доезжая до Куршаба, нас встретила цепь вооруженных кулаков, потребовавшая возвращения нашего отряда в Ош. Мы были удивлены такой осведомленностью кулаков. Позже стало известно, что о нашем прибытии кулаки были предупреждены пробравшимся в особый отдел сотрудником Тырсиным, впоследствии перебежавшим к белым.

Посоветовавшись с товарищами, я решил вступить в переговоры с противником. Перебросив карабин через плечо, вместе с бойцом таджиком Каримовым подошел к цепи кулаков и заявил, что мы едем в Куршаб по приказу советских органов, крестьянам нас бояться нечего, никого мы не тронем, а нам нужны только кулаки, не подчиняющиеся приказам Советской власти.

На несчастье, мои слова были обращены к зачинщику и организатору саботажа сдачи хлеба кулаку Жукову, который с криком: «Это христопродавец Лебедев!» приставил к моему лбу наган, а его подкулачники сорвали у меня с пояса пистолет-кольт и кинжал, с плеча — карабин. В спину получил удар прикладом... Кулак Жуков приказал вести меня и бойца в штаб в Куршаб. Судя по всему, дальнейшая моя судьба была незавидной.

В разорванной гимнастерке, пешком, под охраной четырех конных конвоиров, медленно иду, мысль напряженно работает, не все потеряно: у меня в заднем кармане брюк не был обнаружен кулаками маленький браунинг — подарок Добрынина. Подходим к предместью Кур-

шаба — Семихаткам. Между домами узкий проход, дальше кукуруза, где пасутся оседланные лошади кулаков. Секунды решают все: бросаюсь в узкий проход между домами (верховой только шагом, наклонив голову, может тут проехать, рискуя головой задеть крышу). С ходу очутился на чужой лошади, которая от неожиданности сразу бросается в галоп, а сзади беспорядочные выстрелы. Чтобы скорее добраться до своих, посылаю лошадь в карьер через арыки, кукурузу. Вдруг на встречу выехал вооруженный всадник. Увидев меня, он начал снимать с плеча винтовку. Без долгих размышлений я выхватил из кармана браунинг и в упор выстрелил в него...

Бойцы нашего отряда с радостью встретили меня, они наблюдали за моим пленением и не рассчитывали так скоро встретиться. Нам стало ясно — кулацкое восстание началось. О своих предположениях, обоснованных фактами, мы сообщили в штаб Ферганского фронта и попросили прислать в Ош воинскую часть. Однако подкрепления мы так и не дождались: в конце августа связь с Андижаном была прервана, и Ош оказался отрезанным.

7 сентября 1919 года в 6 часов утра ко мне на квартиру прибежал сотрудник особого отдела Сулейман Дадабаев и сообщил, что кулаки и басмачи одновременно появились на окраинах города, а члены ревкома и работники советских учреждений укрылись в крепости.

Уничтожив секретные документы и забрав из сейфа все необходимое, в том числе три гранаты, два нагана, поскакали с Дадабаевым в крепость. Но по дороге наткнулись на группу кулаков, встретивших нас выстрелами. Выручила меня казачья лошадь, которую поднял на дыбы, бросил гранату и повернул назад.

Взвесив все «за» и «против», решили пробиваться в Андижан, так как на серьезное сопротивление врагу малочисленным защитникам города рассчитывать было трудно, особенно имея во главе обороны Ситняковского и контрреволюционно настроенный Памирский отряд. Городу нужна была помощь.

Басмачи и кулаки подошли к Ошу со стороны Андижана, Куршаба, Кара-Су, отрезав тем самым путь нашего отхода и помощи со стороны Ферганы. Направили с Дадабаевым своих лошадей по направлению Гульчи, в противоположную сторону от Андижана, где не рассчитывали встретить крупных вражеских заслонов. Выезжая из Оша, я надел халат и войлочный малахай, постарался приобзреть местную верховую посадку. Проехав в сторону Гульчи несколько километров, свернули вправо, уходя от большой дороги через поля, арыки. Но вот впереди показалась группа всадников, человек десять. Враги или друзья? На всякий случай снимаю под халатом кольцо с гранаты. Но все обошлось благополучно — верховые оказались связистами из Андижана, выехавшие на линию восстанавливать связь с Ошом. Пришлось возвратить товарищей обратно.

Благополучно добравшись до Андижана, пошли в штаб района, председателем которого был тов. Г. М. Бильдин (председатель УК

РКП(б). Рассказав ему об обстановке в Оше, попросили послать в помощь Ошу отряд. Но, к сожалению, в Андижане был небольшой гарнизон, и при создавшемся положении необходимо было принимать меры к обороне города. Штаб Андижанского района назначил меня комендантом города. Энергичный Г. М. Бильдин принял на себя руководство обороной Андижана.

Мобилизовали гражданское население для рытья окопов вокруг города и внутри него, улицы перегородили баррикадами из тюков хлопка. Малочисленная Красная Гвардия, красноармейцы небольших отрядов и крепости, мобилизованные граждане общим числом до трех тысяч человек и составили гарнизон Андижана.

Кольцо басмачей, кулаков и изменников из Памирского отряда сужалось вокруг Андижана. Связь со Скобелевым осуществлялась по железной дороге, которую наши отряды бдительно охраняли. Главарь кулацкого восстания Монстров подсылал лазутчиков с листовками, в которых обещал населению «золотые горы» и требовал выдачи нескольких руководителей обороны Андижана. Мы со своей стороны, посылая для переговоров парламентариев, призывали обманутых крестьян вернуться в села к мирному труду. Переговоры, длившиеся несколько дней, дали возможность укрепить город и подойти подкреплениям в Андижан.

В старом городе ежедневно шли перестрелки наших бойцов с басмачами. В одном из таких столкновений был убит председатель Андижанского укома РКП(б) Бильдин. По ночам, взяв несколько бойцов, мне приходилось проверять наши посты и оборону. В один из таких обходов встретили помощника начальника штаба Бориса Ситняковского, который сказал мне, что тоже проверяет оборону; мы разъехались в разные стороны — в эту ночь Ситняковский перебежал к белым. К сожалению, тогда об измене его брата Алексея, командующего Ошским районом, мы еще не знали.

23 сентября 1919 года в Андижан прибыл Казанский полк Красной Армии, вместе с ним приехал председатель штаба Ферганского фронта Дмитрий Спасибов. Приняли решение нанести контрудар. Я с группой разведчиков, держа наготове гранаты, двинулся вдоль дувалов к окраине. Около чайханы увидели несколько кулаков, не ожидавших нашего столь раннего посещения. Одна брошенная граната — и остатки вражеского дозора подняли руки вверх. В образовавшуюся брешь ворвались кавалеристы Казанского полка, но цепи кулаков и изменников-памирцев встретили нас винтовочным огнем. В это утро пал смертью храбрых председатель штаба Ферганского фронта оренбургский казак Дмитрий Спасибов.

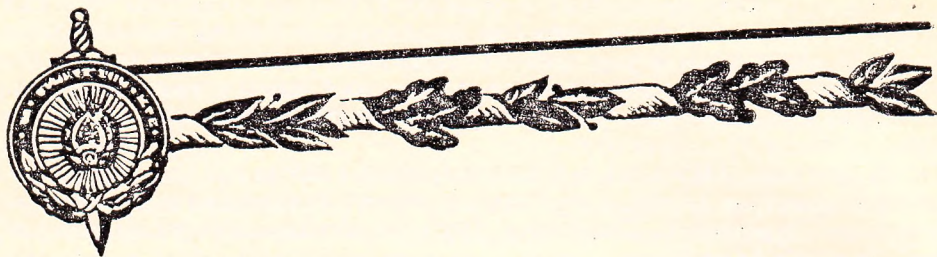
Наши части, сбивая отступающие цепи противника, зашли ему в тыл. Белогвардейцы кинулись в бегство, бросая оружие и оставляя пленных. К вечеру 24 сентября остатки банды Монстрова и Мадаминбека бежали. В плен было захвачено около сотни изменников-памирцев и много крестьян. Памирцы были расстреляны в крепости Андижана, а большинство крестьян отпущено домой, что окончательно разложило «крестьянскую» армию.

Позже в своем приказе от 4 октября 1919 года Монстров упрекал бойцов своей армии за то, что они поддались агитации большевиков, поверили обещаниям и упустили почти завершенную победу под Андижаном. Но большевистская правда дошла до сердец и умов крестьян, и никакие призывы Монстрова не смогли повернуть крестьян юга Киргизии вновь на путь авантюры.

26 сентября 1919 года я с пятью бойцами выехал в Ош, но, не доезжая километров десяти, был встречен своими товарищами по отделу — Лашиным, Чураковым, Лысенко и другими, выехавшими навстречу частям Красной Армии.

Приехав в Ош, наша группа была радостно встречена населением, которое незадолго до этого, узнав о разгроме белых под Андижаном, освободило из тюрьмы Добрынина, Румянцева и других товарищей. Объявив собравшимся гражданам, что мы передовой разъезд, а за нами движется отряд Красной Армии, оказались свидетелями неподдельной радости населения.

Кулацкое восстание, не найдя поддержки ни в крестьянской среде, ни у трудящихся киргизов и узбеков, бесславно закончилось.

Д. Чуранов

В СТАРОМ ОШЕ

В конце 1917 года в Оше сформировалась большевистская группа. Ядро ее составили старые революционеры-подпольщики, сосланные полицейско-жандармскими властями царской России. Это под их воздействием были изгнаны из руководства Ошского Совета солдатских и мусульманских депутатов пробравшиеся туда эсеры, кадеты, меньшевики и буржуазные националисты. Возглавили Совет большевики тов. Аношин, до этого работавший пекарем у владельца булочного заведения Гречкина, и тов. Сретенский, телеграфист почтово-телеграфного отделения.

Развернулась напряженная борьба за становление Советской власти как в городе, так и в аилах и кишлаках. Басмаческое движение началось в Ошском уезде зимой с 1918 на 1919 год. Бежавший из тюрьмы уголовный преступник Хал-Ходжа организовал шайку, численность которой возросла с 60 до 800 бандитов. Появились отряды головорезов Саиб-Кары, Мадамин-бека, Курширмата, Ахунджана и других.

Для защиты завоеваний Октября и борьбы с басмачеством был создан Ошский партизанский отряд, который возглавил начальник уездной милиции, большевик Александр Константинович Добрынин. В начале 1919 года семнадцатилетним юношей я вступил в Коммунистический Союз Молодежи и, не раздумывая, записался в партизанский отряд, где мне оказали высокое доверие — быть разведчиком.

Первая комсомольская ячейка в городе Оше возникла при следующих обстоятельствах. По инициативе уездного комитета партии большевиков, в один из солнечных дней 1919 года молодежь города была приглашена на собрание. Явилось около тридцати человек. Председатель укома партии тов. Кондратьев, обращаясь к нам, сказал, что из Ферганского обкома комсомола прибыли товарищи для создания комсомольской организации. Нам предстояло решить: создавать или не создавать в городе ячейку. С докладом о задачах Союза молодежи, об Уставе и Программе РКСМ выступил представитель обкома комсомола

Владимир Четвертаков, призвавший нас в заключение вступить в ряды комсомола.

Предложение тов. Четвертакова было встречено одобрительно. Однако в перерыве кое-кто стал нашептывать о том, что «обстановка крайне туманная», что «Советы вряд ли долго продержатся и поэтому не надо спешить со вступлением в комсомол». Но агитация этих молодчиков не возымела успеха. После собрания больше половины присутствующих записались в Коммунистический Союз Молодежи.

В числе первых комсомольцев Оша были братья Михаил и Степан Михайличенко, Федя Шпак, Кудайберген Ниязов, Алимджан Юсупов, Даниил Кордуб, Вася Бабенко, Борис Нестеренко, Александра Чуракова, Ваня Малышев и автор этих строк. Несколько позднее к нам присоединились Хамид Шамсутдинов, Джура Зайнабитдинов, Муйдин Максимов, Рашид Ишанханов и Володя Голубев.

Собрания на первых порах мы проводили в помещении почтово-дилижанской станции. Затем уком партии выделил комсомольской ячейке одну из комнат бывшего магазина Шукина (потом — здание городской конторы связи). На собраниях засиживались допоздна, говорили много, со свойственной юношеству пылкостью, спорили горячо, вносили свои предложения, отстаивали свою правоту.

Практическая деятельность ошских комсомольцев проходила под непосредственным руководством укома партии, направлявшего наши усилия на решение различных задач. Мы проводили антирелигиозную пропаганду, оказывали помощь местным органам Советской власти в борьбе со спекуляцией и саботажем, выявляли враждебно настроенных лиц. Искали скрываемый баями, кулаками и спекулянтами хлеб, помогали разрешать продовольственные затруднения участием в работе «Опродкомпродрая» (Особая продовольственная комиссия Ошского продовольственного района). В практическую деятельность ошских комсомольцев входило непосредственное участие каждого из нас в охране социалистической собственности.

Лично мне, владевшему местными языками (киргизским и узбекским), комсомол поручил проведение разъяснительной работы среди молодежи коренной национальности в старом и новом городе. Вообще нам, комсомольцам, давались тогда весьма серьезные поручения. Мы выявляли активных пособников басмаческой шайки Хал-Ходжи, орудовавшей вблизи Оша. Эти пособники, скупщики оружия и патронов для бандитов, передавались нами следственным органам, которые проводили по отношению к врагам жесткую карательную политику. С помощью комсомольцев Ошский особый отдел ЧК в марте—апреле 1919 года совершил несколько удачных операций, обезвредил немало контрреволюционных басмаческо-повстанческих элементов и тех, кто их поддерживал и направлял.

Летом комсомольская организация направила меня на работу в Ошский пункт особого отдела ЧК Туркеспублики, который возглавлял бывший начальник штаба Ферганского фронта, член Военного Совета Туркеспублики, смелый и волевой чекист Валерий Андреевич Лебедев.

Мне довелось принять участие в пятнадцати крупных боях против басмачей в составе партийно-партизанской дружины и отряда особого назначения. Не раз приходилось нам отбивать яростный натиск басмачей на малочисленный гарнизон города Оша, защитники которого, и в первую очередь коммунисты и комсомольцы, проявляли беззаветную храбрость и героизм.

В начале сентября 1919 года контрреволюционная повстанческая организация, которую возглавили крупный кулак Монстров и царский генерал Муханов в союзе с басмаческой шайкой Мадамин-бека, осадили ошскую городскую крепость. Малочисленный гарнизон крепости, состоящий из 150 бойцов, вместе с вооруженными горожанами в течение суток героически защищал осажденную бандитами крепость. Наши попытки связаться по телефону с Андижанским гарнизоном ни к чему не привели, так как бандиты успели нарушить связь.

Начальник особого отдела ЧК тов. Лебедев в эти тяжелые минуты принял рискованное решение: прорваться сквозь цепи бандитов и привести помощь из Андижана. Переодевшись в узбекский халат, намотав на голову чалму, он со своим джигитом-порученцем Сулейманом Дадабаевым, вооружившись боевыми гранатами, помчался по дороге, ведущей в Андижан. Вскоре мы слышали оглушительные взрывы гранат и беспорядочную винтовочную трескотню. Позже мы узнали, что басмачи, не ожидавшие этого смелого поступка, растерялись, и Лебедеву и Дадабаеву удалось прорваться.

Свыше трех тысяч бандитов осаждали крепость, не раз они бросались в атаку, но защитники заставляли их откатываться назад. Тогда басмачи решили затопить город и крепость. Оросительный канал Каирма, протекавший в верхней части Оша, был перегорожен, и вода пущена на город. Но не это помогло врагам...

Совершенно неожиданным для нас было предательское решение командующего боевым районом Ситняковского, который утром 10 сентября сдал крепость, послав к бандитам своих парламентариев с белым флагом.

После падения Оша и его крепости бандиты произвели арест руководства ревкома. В тюрьму были посажены почти все не успевшие скрыться коммунисты и работники ЧК.

Несколько дней в Оше продолжался пьяный разгул басмачей курбаши Мадамин-бека и контрреволюционеров из так называемой «крестьянской» армии Монстрова. Бандиты, упоенные «победой», решили захватить и город Андижан. Однако эта затея контрреволюционеров закончилась их поражением: они были разбиты подоспевшим на помощь андижанскому гарнизону сводным Казанским полком, переброшенным из Закаспия, которым командовал тов. Соколов.

Вскоре в городе был наведен революционный порядок. В Ош вступили части Красной Армии, радушно встреченные горожанами и всем населением прилегающих окрестностей.

В апреле 1920 года город Ош посетил выдающийся полководец Красной Армии Михаил Васильевич Фрунзе. На бронепоезде М. В. Фрунзе

прибыл на ст. Андижан, оттуда, сопровождаемый отрядом, проследовал в Ош.

В крепости города на площади состоялся многолюдный митинг, на котором выступил М. В. Фрунзе. В своей пламенной речи он рассказал о тяжелой обстановке, сложившейся в молодой Советской республике в связи с военной интервенцией и гражданской войной в России. Товарищ Фрунзе подробно остановился на создавшемся положении в Туркестанской республике, рассказал, что военная комиссия прибыла из Москвы по прямому указанию Председателя Совета Народных Комиссаров товарища Ленина с целью подавления внутренней контрреволюции и оказания помощи населению Туркестана. Он призвал всех трудящихся города и уезда оказать поддержку военно-революционному комитету и движущимся из России регулярным частям Красной Армии, имеющим цель подавить басмаческое движение. Вечером того же дня М. В. Фрунзе выступил на собрании партийного актива города.

В конце 1920 года в жизни комсомольцев юга Киргизии произошло знаменательное событие: собрался Первый съезд рабоче-крестьянской молодежи Ошского уезда. Почти все прибывшие делегаты были вооружены винтовками, охотничьими ружьями, гранатами. Без оружия тогда нельзя было ступить и шагу.

С большим докладом о текущем моменте, о положении в Туркестанской республике и задачах комсомола выступил представитель Ферганского обкома комсомола. Он ярко обрисовал то тяжелое положение, в котором тогда находилась Туркесреспублика, и в частности Ферганская область, отметил огромные усилия молодежи по восстановлению сожженных басмачами хлопкоочистительных заводов, школ, больниц.

Выступившие делегаты съезда говорили о крайне сложных условиях работы комсомольских ячеек, отмечали, что часть молодежи, особенно девушки коренной национальности, боятся идти в союз из-за репрессивных мер кулаков.

Многих моих товарищей и сверстников — свидетелей и участников тех незабываемых событий — давно уже нет в живых. В боях с басмачами они отдали свою прекрасную жизнь за счастье народа, за будущее, за социализм. Вот их имена.

Миша Михайличенко, Володя Земсков, секретарь Ошской комсомольской ячейки, — оба они погибли в 1921 году при исполнении служебных обязанностей. В одном из пригородных кишлаков они были выданы баями басмаческому главарю Сатыбаю, налетевшему на селение.

Героические подвиги совершили комсомольцы Володя Голубев и Ваня Малышев. Голубев погиб, отвлекая на себя внимание басмачей, дав тем самым возможность отряду зайти с тыла и разгромить банду. Ваня Малышев, смелый юноша, погиб в 1921 году в бою с басмаческой шайкой Муэтдина под Иски-Наукатом. Я был свидетелем гибели героя-комсомольца. Бой с бандой Муэтдина был неравным, противник в несколько раз превосходил по силам наш отряд, которым командовал Василий Тюгаев. Настигнув банду и отбив награбленный у населения

скот, мы продолжали преследование басмачей. Ваня Малышев вырвался на коне вперед, настиг двух басмачей, зарубил их, но сам налетел на засаду и был смертельно ранен.

Вплоть до 1924 года пришлось нам вести вооруженную борьбу с басмачеством. В эти годы росла, закалялась и крепла пролетарская интернациональная дружба. В боях с басмачами плечом к плечу сражались русские Беспилухин и Аканин, украинцы Манзуренко и Борис Приходько с сыном Александром, белорус Николай Казак, киргиз Хасан Булатов, узбеки Дадабаев, Юнусов, Алимджанов, армяне Арамаис Петросянц, Кокоянц Сергей и Дмитрий, литовец Виктор Маргайтис и многие другие комсомольцы, коммунисты и чекисты.

Всех нас объединяла единая цель отстоять молодую республику Советов от посягательства врагов, навсегда покончить с эксплуатацией, принести народу желанную свободу и мир.

Н. Норейко

ПУТЬ К ГРАНИЦЕ

Память не всегда бывает услужливой: наступает время, когда из нее и маковой росинки не выжмешь. Дневников мы не вели, не до того было, да многие из нас и грамоте-то учились в боях. Сейчас даже в литературе о тех днях все реже встречается слово «ликбез». Да это и понятно, теперь неграмотных нет. Нынешней молодежи оно мало о чем говорит, а в дни нашей юности его с уважением произносили наряду с такими словами, как винтовка, патроны, хлеб, вода. Как свидетельствует М. В. Фрунзе, среди призванных в Красную Армию бойцов рождения 1901 года грамотных было не более 20 процентов.

А время неумолимо. Все меньше остается тех, кто полвека назад участвовал в событиях самого крупного перелома истории. И все меньше остается возможностей заполнить ее белые пятна с достоверностью, подтвержденной живыми свидетелями. Оставшиеся в живых не должны унести с собой ничего из того, что они помнят о тех днях. Мы обязаны об этом рассказать по мандату долга.

На обломках царской России поднималась Россия Советская. Внутренняя и внешняя контрреволюция терпела крах. Англо-американские империалисты особенно страшились утверждения Советской власти на бывших окраинах Российской империи. Еще бы! Они знали, что означает победа идей Октября. Ведь рядом Индия — жемчужина в британской короне, рядом Иран, откуда британо-американские кампании вместе с нефтью десятилетия сосут кровь народа, превращая ее в груды золота.

Нет такой подлости, коварства, низости, которые не были бы использованы врагами для отторжения территорий Средней Азии и Казахстана от Советского государства. Они действовали по принципу: «Для достижения цели все средства хороши». Они прикрыли бы от пролетарской революции свой колониальный Восток, ограбили бы богатейшие природные ресурсы новых территорий, закабалили бы еще несколько народов.

А обстановка к этому располагала. Огромный край, долгое время оторванный от центра России фронтами гражданской войны, к описываемому периоду почти не имел связей даже с центрами Советского Туркестана. В труднодоступных горных пространствах Тянь-Шаня, Памира, Копет-Дага, в пустынях Каракум и Кызылкум владычествовали ханы и беки, родовые сердары, хакимы, мюхердары, амлекдары, муллы и ишаны. В своих владениях они были полными властителями и безнаказанно распоряжались жизнью, имуществом, женами и дочерьми простых людей.

Трудящиеся массы — дехкане и скотоводы-кочевники — жили в средневековом угнетении. Грамотных, по официальной статистике, было не более одного процента, да и этот процент падал на духовенство. Всякая живая мысль подавлялась установками корана, адата, шариата.

В этих условиях руками местных феодальных реакционеров и духовенства, люто ненавидевших Советскую власть, американо-английской агентуре и зависевшим от империализма реакционным кругам Турции, Ирана, Афганистана, сравнительно легко удалось спровоцировать басмачей к выступлению.

Потерпев сокрушительное поражение в открытой интервенции, враги ничего не жалели для поддержания басмачей. Щедрой рукой они слали деньги, оружие, инструкторов и военных руководителей. Делать черное дело врагам помогало и то обстоятельство, что государственная граница с Ираном, Афганистаном и Китаем, протяженностью в тысячи километров, не охранялась. Выполнявшая эту обязанность царская пограничная стража частично была разгромлена, а в большинстве своем разбежалась, как и царская армия.

С первых дней Советская власть ничего не могла выделить для охраны далеких и тяжелых участков границы. Все силы отнимали фронты гражданской войны и иностранная интервенция.

К 1921 году положение молодой социалистической республики в центральных районах России, да и в городах Средней Азии стало достаточно прочным, и настало время взяться за полную ликвидацию басмачества. Для этого необходимо было, прежде всего, закрыть границы, потому что главной питательной средой басмачества были внешние империалистические силы. В гуще народных масс оно уже стало терять доверие, а притягательные идеи Советской власти все больше и больше овладевали умами людей даже в самых глухих, труднодоступных уголках края.

После организации штабов войск ВЧК мы начали формирование пограничных частей, которые создавались из войск внутренней службы, частей и соединений из состава РККА.

Весной 1921 года решено было в первую очередь закрыть Ферганский участок границы с Китаем, чтобы изолировать басмачество этого района от прямой английской помощи из Синьцзяна (Кашгара) и из Афганистана и Индии через Памир.

Я в то время был инспектором штаба войск ВЧК и в качестве его представителя принимал от полевых частей 9-ю бригаду Красных Ком-

жунаров. Из этой бригады сформированы 2-я Отдельная пограничная бригада и отдельный Памирский отряд. Командиром бригады был назначен В. Г. Гостев — член партии, бывший офицер старой пограничной стражи.

Назначение на должность комбрига Василия Георгиевича Гостева, светлая память о котором навсегда сохранится в сердцах ветеранов, его соратников, было большой удачей. Беспредельно преданный Советской власти, мужественный, он был ценен и своим опытом несения пограничной службы, которого многие из нас тогда еще не имели. Под его умелым руководством были проведены все операции по восстановлению границы на этом участке; он много потрудился над разработкой службы пограничной охраны и не случайно позднее был одним из авторов первого устава пограничной службы.

Формирование первых пограничных частей в Ферганской долине проходило в исключительно сложной политической обстановке и затянулось далеко за середину лета.

Жемчужина Средней Азии — Ферганская долина — с давних пор была предметом особых вожделений английских империалистов. Крушение надежд на Кокандскую автономию, разгромленную революцией, не охладило пыла захватчиков. Еще более озлобленные враги делают ставку на басмачество, пытаясь выдать его за движение народное, чисто внутреннее, стремящееся освободиться от большевизма. Вытаскивается на свет затрепанное зеленое знамя «газават». Создаются многочисленные басмаческие банды — от пятисот до тысячи всадников. Командуют ими курбаши — бывшие феодалы, придворная ханская знать, а часто и самые обыкновенные разбойники.

В районе городов Ош, Андижан, Джалал-Абад в те дни бесчинствовали крупные банды курбашей Юнусали, Казакбая, Ахмат-палвана, Юлчи, Парпи, Тюряджана и многих других.

Как ни скрывай, а долго в секрете целей наших приготовлений не удержишь, потому что выполнить намеченное без участия местного населения, конечно же, не представлялось возможным, а у главарей шаек в городах и селениях находились свои люди. Формирование 2-ой бригады и Памирского отряда проходило в условиях изнурительной борьбы.

В нашей литературе, особенно художественной, борьба с басмачеством нередко изображается как непрерывная серия кавалерийских атак незначительных по численности красноармейских отрядов на огромные банды басмачей. Иные авторы с упоением описывают, как красные конники на бешеном галопе атакуют, а бесчисленные массы басмачей в полосатых халатах, посеченные шашками, падают или сдаются.

Нет, не так просто и легко давались победы. Мы вторгались в этот старый мир, как новое, непонятное для отдельной части населения. Люди, круг понятий и желаний которых заключался в тесные рамки окружающего, еще шли на поводу у своих коварных и безжалостных «авторитетов». Вечная борьба с нуждой, голодом, холодом наложила на них, казалось, неизгладимую печать апатии, безразличия. Слепая вера и преданность обычаям, установкам шариата делала простых людей

послушным орудием в руках курбашей. И пока они не разобрались, что к чему, трудно нам было...

У курбашей не было недостатков в военных инструкторах. При них находились и набившие руку на войне бывшие белогвардейские офицеры, и английские эмиссары. А рядовой басмач... Что же, пока у него не открылись глаза и он не повернул карабина против своего курбаши, дрался упорно, а подчас и умело.

...А для бешеных кавалерийских атак в горных условиях и места мало. Правда, друзей с каждым часом у нас становилось все больше, но в условиях жесточайшего террора они не всегда могли помочь нам.

...Главной базой формирования Ферганской группы пограничных войск был избран небольшой в то время городок Ош. Выбор пал на него не случайно. Взгляните на карту: город стоит как бы в центре орлиной ноги, пальцы которой долинами протянулись к горным хребтам и когтями уцепились за их вершины. В городе высоченная Сулейман-гора — идеальнейшая позиция для обороны и самой природой устроенный наблюдательный пункт. Беда состояла в том, что железная дорога тогда доходила только до станции Кара-Су. Снаряжение, оружие, боеприпасы и продукты питания доставлялись с этой станции в Ош гужевым транспортом. Басмаческие банды в своем стремлении помешать нам, а при возможности и захватить город (такие попытки предпринимались не раз, и были случаи, когда нам приходилось отстреливаться из помещенных штаба бригады) держали нас под постоянным наблюдением.

Поездка из города на станцию и возвращение назад проводились как самые настоящие боевые операции. Составлялись «оказии», как в лермонтовские времена на Кавказе. Два раза в неделю на площади собирались все, кому требовалось ехать на станцию Кара-Су. Формировался караван, выделялись прикрытие, разведка, головная и тыловая походные заставы, боковые охранения, и «оказия» двигалась в путь.

Двадцать два километра надо было пройти засветло. На полпути, у Кашкар-кишлака, как правило, начиналась перестрелка, переходившая иногда в бой. Дойдя до станции Кара-Су, отряд сопровождения совместно с гарнизоном станции обеспечивал охранение и погрузку в поезд, а затем организовывал колонну людей, прибывших с поездом, и грузов для следования в Ош. На обратном пути все повторялось вновь. И так из месяца в месяц, по два раза в неделю. Часто возвращение в Ош завершалось похоронами командиров, бойцов и мирных жителей, погибших от рук бандитов.

Формирование отрядов проходило с невероятными трудностями, но надо было спешить: надвигалась суровая зима, которая, как это водится в горах, поставила бы перед нами новые сложные задачи.

Наконец, где-то в начале августа первая советская Памирская экспедиция двинулась в путь... Горы литературы написано, различные исследования проведены о многих путешествиях в пустыни Центральной Азии и другие места. Мы отдаем дань глубокого уважения первопроходцам — Пржевальскому, Семенову-Тянь-Шанскому, супругам Федченко, Северцеву. В успешном завершении нашего похода есть и их заслуга.

Но, поверьте, нам было не легче, а может быть, трудней. Значение нашей экспедиции особое. Первопроходцы изучали и описывали край, его природу, а мы шли туда переделывать жизнь. А старая жизнь не хотела уходить добровольно, она огрызалась, стреляла в нас, разрушала мосты, словом, делала все, чтобы мы не смогли пройти. А в остальном Памир оставался таким же, каким его впервые видели Федченко и Северцев. Ни ханская, ни царская власти палец о палец не ударили для улучшения там жизни людей.

Памирский отряд в 300 человек, разбившись на заставы, со всеми припасами на годичный срок должен был пробиться и остаться на Памире, чтобы прикрыть границу. Через Алайский и Заалайский хребты до самого Памира его с боями провели два кавалерийских полка полевых частей и усиленный отдельный батальон войск ВЧК (860 штыков).

Отряд прошел через Гульчу, кишлак Суфи-Курган и далее к границе, оставив в ряде мест пограничные заставы, создав тем самым преграды на путях движения басмаческих шаек и лишив их возможности беспрепятственного ухода за кордон и прорыва оттуда. Эти мероприятия способствовали ликвидации басмачества.

Правительством было принято решение создать прочную, регулярную пограничную охрану. Выполнение этой почетной, но очень сложной и трудной задачи партия и правительство возложили на ВЧК — орган пролетарской диктатуры, острейший меч революции. Уже тогда эти три согласные буквы вызвали чувство страха у всех врагов Советской власти. Много неотразимых ударов нанесли по ним чекисты.

Еще и сейчас империалистическая пропаганда пытается пугать неискушенных людей ВЧК, ГПУ, Лубянкой, хотя давно уже эти органы называются иначе, давно нет и Лубянки, а есть площадь имени славного сына нашей партии Ф. Э. Дзержинского, первого руководителя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Ну, что ж, коль так долго помнят враги ЧК и чекистов, значит, долг свой мы выполнили хорошо, значит, правильно партия поступила, доверив нам святая святых — государственную границу первой в мире социалистической державы.

В ожесточенных боях под Кызыл-Коргоном, перевалом Талдык и у Ольгина луга нашим отрядам удалось нанести басмачам столь значительный удар, что они оказались как бы парализованными и большого организованного сопротивления не смогли оказать. Поэтому дальнейший переход через Алайскую долину и Заалайский хребет был менее трудным.

По Памиру пограничный отряд двигался уже без сопровождения. 300 героев-чекистов впервые в истории встали на охрану государственной границы на самом сложном и важном участке в Средней Азии. Встали там, где им было приказано, стояло стойко, насмерть.

Первая советская Памирская экспедиция сыграла исключительно большую роль в дальнейших событиях и особенно в становлении Советской власти в этом крае.

Население края впервые весомо и зримо ощутило, что такое Советская власть. Быстро стала спадать темная пелена с глаз, исчезла рабская покорность перед извечными угнетателями. Быстро росли ряды друзей Советской власти, они увидели силу, которая сумела пробиться в эти, считавшиеся недоступными, районы и сбить с них оковы. Это главный политический результат экспедиции.

Не менее важен и ее военный итог. Памирский участок государственной границы впервые был занят и закрыт советской пограничной охраной. А с этим не могли не считаться правительства соседних нам государств и обязаны были поумерить свой пыл по оказанию помощи басмачам. А это затрудняло прямые и косвенные связи басмачей с англичанами.

Успешный поход через Алай и Заалай привел к расколу киргизского басмачества. Значительная часть киргизов, возглавляемая Кадырбеком Камчибековым и Джамшитом Карабековым, не только безоговорочно перешла на сторону Советской власти, но и вступила в вооруженную борьбу с басмаческими главарями — Муэтдин-беком и Джаныбеком. Это также сыграло немаловажную роль в развертывании последующих событий.

Таковы только некоторые итоги первой Памирской экспедиции. Она вколыхнула край, кроме этого, вызвала много других, на первый взгляд, побочных явлений, которые, в конце концов, слившись воедино, привели к полной окончательной победе Советской власти.

Несмотря на успешное занятие Памира, общая обстановка в Ферганской долине была все еще напряженной и сложной. Открытая государственная граница с Китаем на Нарынском направлении означала, что продолжалось беспрепятственное снабжение басмаческих банд, занимавших предгорные районы долины, оружием, боеприпасами и прочими предметами военной необходимости. Все чаще среди трофеев, добытых нами в боях, стали встречаться новенькие одиннадцатизарядные винтовки Ли-Энфильда, немецкие маузеры.

Для того чтобы занять и остальные участки Ферганской границы, надо было разгромить басмаческие банды в предгорных районах, так как выставлять пограничные посты и заставы в басмаческом окружении означало посылать их на верную гибель.

В горах все сообщения проходят по долинам рек, ущельям, перевалам. Владеющий этими коммуникациями господствует и над всей окружающей местностью. Было решено овладеть важнейшими коммуникациями предгорий, разместить там усиленные отряды, а затем разгромить басмаческие банды и очистить от них всю Ферганскую долину. Решение это со знанием дела, настойчиво и быстро начали претворять в жизнь. И результаты наших действий сказались довольно быстро. Свобода действий басмаческих шаек была значительно стеснена, они часто стали попадать под совместные удары отрядов, занимавших коммуникации, мельчали, разбегались.

Большим ударом для басмачества явился декрет правительства об амнистии добровольно сдавшихся. Его мы старались довести до сведе-

ния всех рядовых басмачей через наших агитаторов, через членов семей басмачей в кишлаках. Действие декрета не замедлило сказаться. Началась сдача сначала небольших групп, а затем и целых отрядов и банд.

Борьба с приграничным басмачеством была частью общей борьбы Советской власти и ее вооруженных сил в Туркестане, Бухарской и Хивинской народных республиках. Единому плану, объединению всех усилий уделялось огромное внимание правительством Туркесреспублики. С этой целью в Ферганскую долину приезжает главнокомандующий С. С. Каменев. С этого времени нажим на басмачей еще более усиливается.

Экспедиция в горы Тянь-Шаня под руководством известного в те годы в Фергане командира бригады товарища Кужело, чеха по национальности, дала замечательный результат. Объединив под своим командованием киргизские отряды Джамшита Карабекова и Кадырбека Камчибекова, т. Кужело зажал многочисленную банду курбаши Муэтдинбека в Кичик-Алае. Не имея выхода, пытаюсь соединиться с долинными отрядами курбашей, Муэтдин-бек спустился с гор в район Науката и попал в подготовленный для него капкан. В жестоких боях он был окончательно разбит и с остатками шайки сдался. Другой крупный феодал Джаныбек Казы не стал дожидаться своей очереди и со всей своей бандой откочевал в Синьцзян.

Так, к 1923 году была получена возможность окончательно закрыть и этот участок государственной границы. Все крупные банды в Ферганской долине были разгромлены.

Как и везде, огромную роль в борьбе с басмачеством в этом районе сыграли органы ВЧК. Особый отдел города Ош под руководством тов. Колосова развернул активную работу среди населения прилегающей части Ферганской долины и многих горных районов. В результате умелых, мужественных действий чекистов органы власти имели своевременное и ясное представление о составе басмаческих шаек, их пособниках, связях и намерениях. Хорошо были известны и использованы противоречия внутри шаек и между ними, что помогало вести работу по их разложению.

Еще несколько лет продолжалась борьба с закордонными шайками — осколками разгромленного басмачества и белогвардейщины. Понеся сокрушительное поражение в своей ставке на эти силы контрреволюции, английские империалисты не отказались от своих целей уничтожения Советской власти, по крайней мере, хотя бы на Востоке. Они продолжали поддерживать все антисоветские элементы. Только теперь переходить границу было уже не так просто. Все меньше и меньше было желающих подставлять свою голову под пули и клинки красных пограничников.

...Закончив порученное мне дело к концу 1922 года, я снова вернулся в штаб войск ВЧК.

Одновременно с разгромом басмачей в долине и на Алае крупные

операции проводились в Восточной Бухаре. Тысячные банды Ибрагимбека, муллы Абдукахара, Устанбека и других, неся большие потери под ударами наших полевых частей, тоже начали мельчать. Настало время закрыть государственную границу и по Аму-Дарье и Пянджу.

Командование войск ВЧК Туркеспублики, учитывая, что 2-я Отдельная пограничная бригада на Ферганском участке свою главную задачу выполнила, решило перебросить ее на афганскую границу. Весь состав 2-й Отдельной пограничной бригады, получив на усиление 1-й Оренбургский отдельный кавалерийский дивизион и 13-й Отдельный кавалерийский эскадрон, был переведен в город Термез. Командование поручило мне снова включиться в боевую жизнь бригады, помочь ее реорганизации и занятию нового участка границы.

Здесь нам было легче в том смысле, что мы накопили богатый опыт в борьбе с басмачеством в Ферганской долине. Но перед командиром бригады В. Г. Гостевым и его соратниками жизнь ставила много вопросов, связанных с организацией пограничной охраны, снабжения, установления контактов с местными советскими органами и населением. Не решив их, нельзя было выезжать на границу.

На совещании договорились, что В. Г. Гостев останется в Термезе, а я во главе отряда в составе 1-го отдельного Оренбургского кавалерийского дивизиона и 13-го отдельного кавэскадрона пройду вдоль государственной границы.

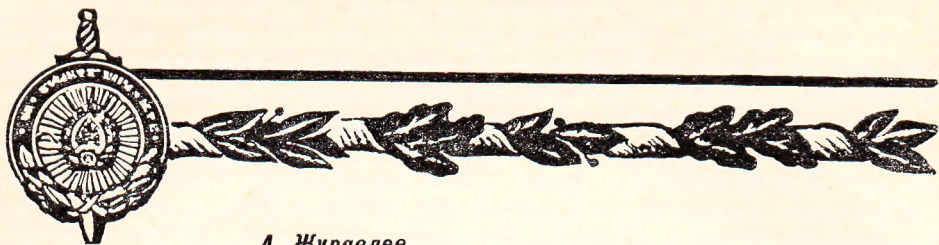
И снова поход. Марш за маршем в юниньское и июльское пекло, в густых тучах желтой пыли двигались мы вперед. В непрерывных стычках с басмачами обследуем местность, стоянки царских пограничных страж. Находим только одни развалины. Заросли бурьяном и тугаями когда-то цветущие поля дехкан, разрушены кишлаки.

Трудно было, очень трудно. Но задачу надо выполнять. На местах старых пограничных страж оставляем посты силою до взвода. Идем дальше. По численности отряд уменьшается, а наскоки басмачей продолжают. Но идти надо. Однако много раз проученные нами, они начинают нас бояться, пытаются кусать исподтишка и издалека. В такой обстановке мы дошли до кишлака Пархор, где должны были обосноваться штаб и ядро отряда. Таким образом, до стыка с Памирским отрядом не занятой нами границы оставалось 250 километров по высокогорной, труднодоступной местности. Но поставленная перед нами задача — закрыть государственную границу и на этом участке — была выполнена, басмачество было отрезано от своих баз за рубежом.

В это время полевые части начали окончательный разгром басмачества во всей Восточной Бухаре. Шайки их по старой памяти пытались укрыться и отсидеться за рубежом, но на границе их теперь встречали огнем чекисты-пограничники. Шли почти ежедневные бои с превосходящими силами противника. Тяжелым был этот первый год службы на границе. Половина людей страдала от малярии, но сражались не только здоровые, но и больные, и раненые.

В почти непрерывных боях, в сторожевой службе выковывались у бойцов и командиров суровый характер, решительность и смелость, наблюдательность и бдительность, боевая дружба, взаимная выручка и преданность Родине. На героических делах первых бойцов-пограничников стали складываться боевые традиции погранохраны.

С границей я так и не расстался. Еще 35 лет прослужил в погранвойсках Средней Азии. На моих глазах развивались и крепили боевые традиции, закладывавшиеся в первые дни и годы, вырабатывались опыт, пограничная доблесть, выковывались чудесные кадры. Из рядовых пограничников вышло много офицеров и генералов, некоторые в ходе Великой Отечественной войны доблестно командовали полками и дивизиями. Сегодня дети их и внуки стоят на страже рубежей Отчизны.

А. Журавлев

ВТОРАЯ ПАМИРСКАЯ

На Памир мне довелось попасть в составе второго экспедиционно-го отряда войск ВЧК в 1922 году. Мы шли на смену тем тремстам чекистам, которые в составе первой советской экспедиции во главе с начальником особого отдела Дьяковым отправились туда год назад. Шли и не знали, жив ли кто из них, а, может быть, придется только склонить головы над их могилами. Связи с Памиром не было. Что сталося с нашими товарищами? Ведь они уже там целый год. И какой год! Продолжалась кровопролитная и трудная борьба с басмачеством. И если в Ферганской долине бандиты еще имели достаточно сил, чтобы совершать налеты на города Ош, Андижан, Джалал-Абад, то что же перенесли триста отважных на Памире — в далеком глухом и диком уголке?

В июне на Ош совершила зверский налет банда Муэтдин-бека. Воспользовавшись тем, что стоявший в городе отряд чекистов вышел на боевые операции в горные районы, озверевшие бандиты на рассвете ворвались в город, убили много мирных жителей, в том числе больных и медперсонал больницы. Вскоре банда Муэтдин-бека была полностью разгромлена сводным отрядом чекистов под командованием т. Кужело. Сам Муэтдин-бек и его «штаб» — восемь главных головорезов — были взяты в плен и отданы в руки правосудия. Вскоре в Оше состоялся показательный процесс революционного трибунала, по приговору которого изверги были расстреляны.

Поэтому понятным было то нетерпение, с которым мы рвались в поход на Памир, на выручку своим товарищам. Но как мы не спешили, экспедиция завершила подготовку только к середине лета. Много времени отнимали постоянные стычки с басмачами, в частности, ликвидация банды Муэтдин-бека, да и немало следовало предусмотреть. Колесных дорог на Памир не было, все на вьюках. Это сейчас иначе, говорят, шоферы даже песенку сложили: «От Хорога и до Оша, ох, дорога хороша!» С собой надо было брать все — от сапожной мази, пуговиц, боеприпасов, оружия и продовольствия до фуража для лошадей.

...Переливчатый звук горна разорвал предутреннюю тишину. К нему присоединились людской гомон, ржание лошадей, рев верблюдов. Отряд выступил. Миновали скрипящий деревянный мост через Акбуру, узенькие кривые улочки старого города, и перед нами открылась желтая степь, а где-то далеко, в туманной дымке, едва проступал контур гор — Алайский хребет, ближайшая цель путешествия. Когда вышли за город и караван растянулся в степи, стало видно, какой он длинный и как его трудно будет охранять от наскоков басмачей, переправлять через бурные, горные реки. Мы знали, что последний целый мост — это через Акбуру, другие мосты на нашем пути басмачи постарались уничтожить. Итак, на попечении нашего сравнительно небольшого отряда — двести пятьдесят груженных верблюдов, столько же груженных ишаков, а впереди — около пятисот верст пути. Да, такие экспедиции географические общества различных стран готовят годами, а потом годы о них пишут. Ну, что ж, то в мирные дни, а мы делали пролетарскую революцию, мы — большевики, чекисты. То, что раньше считалось невозможным, наши товарищи из первой экспедиции уже совершили: они с боями прошли весь Памир и заняли посты на государственной границе. Совершим и мы, нам легче — ведь тропки уже проторены.

Организовали боевое охранение. Первый эскадрон выдвинулся несколько вперед. Идем. Когда солнце поднялось довольно высоко и осушило утреннюю росу, враги попытались нам нанести первый удар: подожгли степь. Кавалеристам этот пожар был не страшен, можно было от него уйти, но большая беда грозила малоподвижному каравану. Пламя, пожирая густой ковыль, быстро приближалось. Не растерялся комэск Мартынов. Спешив конников, он приказал на пути пожара клинками расчистить от сухой травы полосу, огораживая ею караван. Тяжелая это была работа. Под палящим солнцем, задыхаясь в пыли и дыму, бойцы работали шашками, как в настоящем сражении. Победили, пожар обошел караван стороной. Можно было продолжать путь.

В первое горное ущелье мы вошли уже затемно. Здесь, на берегу ручья, заночевали и сделали внеплановую дневку: надо было ликвидировать последствия пожара — подремонтировать пострадавшее в борьбе с огнем обмундирование, снаряжение, отточить клинки...

До выставленного в прошлом году первого пограничного поста на берегу реки Гульча мы добрались без особых происшествий. Я говорю без особых, потому что происшествия все же были. На крутом спуске с перевала Чийирчик, при переправе через горный поток, сбило с ног коня со станковым пулеметом на вьюках и понесло вниз. Перебравшийся одним из первых на противоположный берег проводник-таджик (как жаль, что не помню его имени) бесстрашно бросился в бурлящую воду, настиг погибающего коня, ловко перерезал подпруги, освобождая его от груза, и помог выбраться на берег. Затем он же вытащил со дна потока затонувшее вьючное седло со станковым пулеметом.

Встреча с бойцами гульчинского поста была незабываемой. За прошедший год они много пережили, много воевали, так как должны были держать в постоянном напряжении басмаческие банды на путях в Алай-

скую долину, на Памир и в предгорья Тянь-Шаня. Этим они во многом способствовали разгрому басмачества в Ферганской долине, в том числе и банды кровавого Муэтдин-бека. В боях понесли потери: мы горестно склонили головы над могилами павших товарищей...

От гульчинского поста до Алайской долины прошли сравнительно спокойно, а главное — без потерь. Были стычки с мелкими бандами, но они, постреляв, предпочитали не подпускать к себе близко конников, бежали без оглядки. Многому научили их чекисты за минувшее время. Делали дневку на Ольгином лугу. По рассказам местных жителей, «Ольгиным» он назван русским первопроходцем этих мест, путешественником Федченко. Ему, как и нам, когда-то пришлось здесь сделать остановку, этот день совпал с днем рождения его жены и соратника Ольги.

В Суфи-Кургане нам стало известно о трагической гибели от рук басмачей всех первых пограничников-чекистов на китайской границе, на посту Иркештам. Трудно с достоверностью сказать, что здесь случилось. По отрывочным сведениям можно судить, что, воспользовавшись излишней доверчивостью молодых, малоопытных ребят, несколько басмачей под видом местных жителей — сторонников Советской власти предательски проникли на заставу и открыли путь остальной банде. Известно также, что очень дорого обошлась эта операция врагам: пограничники сражались до последнего. Узнав об их гибели, мы на траурном митинге поклялись жестоко мстить всем врагам Советской власти, повышать революционную бдительность.

У подножия перевала Талдык напоили коней, пили и сами хрустально чистую воду из маленького, едва заметно струившегося среди валунов ручейка. Ручеек этот — начало главной водной артерии Ферганской долины Кара-Дарьи, которая затем, слившись с Нарыном, образует полноводную Сыр-Дарью. Перевалив через Катын-Арт, в сумерках спустились в Алайскую долину и остановились на ночь у кишлака Сары-Таш. От кишлака, правда, остались одни развалины, басмачи уничтожили это прибежище всех путников на древнем, труднопроходимом торговом пути из Кокандского ханства в Афганистан и Индию. Утром, как зачарованные, мы любовались открывшейся под яркими лучами солнца панорамой. Несмотря на уже заметное приближение осени — а здесь, в горах, зима наступает значительно раньше, — Алайская долина искрилась покрытым росой изумрудным альпийским разнотравьем. Всеми цветами радуги сверкали заснеженная цепь гор, ледник Федченко, алмазные вершины и среди них — самая высокая, позднее названная пиком имени В. И. Ленина.

Тишина. Мир. Покой. Жить бы да жить... Но мы пришли не любоваться этой чудесной картиной. Необходимо идти вперед. Ни на минуту не покидает мысль: а живы ли они? Не случилось ли с ними того же, что и с пограничниками в Иркештаме? Надо спешить.

Идем вдоль почти натурально красного потока. Здесь он называется рекой Кызыл-Су, ниже, в таджикской части Памира, — Сурхаб. То и другое на русский язык переводится одинаково — Красная вода. Нам предстоит переправа. Брода нет, мост, который с большим, наверное,

трудом воздвигли наши товарищи в прошлом году, басмачи рузрушили. Из архевника, предусмотрительно захваченного из предгорий Алая — здесь деревья не растут, — строили утлый мост. Вьюки переносили на себе, животных тоже чуть ли не на себе перетаскивали на арканах. Померкли краски природы, да и погода испортилась. Сначала пошел дождь, затем что-то вроде града, а потом и снег.

Переправились, погрузились и — дальше. А погода, будто смеясь над нами, разведрилась, опять засветило солнце, все засверкало. Таков уж Памир. Здесь тебя в один и тот же день и солнцем обожжет, и дождем помочит, и снегом припорошит. Позади Алайская долина, впереди «Крыша мира». Все круче тропинки, все выше поднимается наша экспедиция. Трудно дается нам перевал Кызыл-Арт. Холодно, вынуждены одеть шинели. Воздух разрежен. Дышится тяжело. Достаем сахар, чеснок, посасываем — и вроде легче. Многие страдают горной болезнью. Наш экспедиционный доктор товарищ Петухов успокаивает, говорит, что это с непривычки, скоро организм акклиматизируется, привыкнет и все пройдет. И на самом деле, скоро или не скоро, но организм «приработался» — болеть мы перестали. За Кызыл-Артом — Маркан-Су. Мрачнейшую картину представляет эта долина. Обрамленная грязно-серыми и красно-бурыми скалами, покрытая мелкой щебенкой, она навеивает грустные мысли. Так и думается, что свои пейзажи для ада и чистилища суровый Данте писал с этой долины.

Спешим пересечь долину, небезопасную для путников. Здесь очень часты смерчи. Они поднимают в воздух тучи щебенки и тогда — берегись! У высокогорного озера Кара-Куль мы очутились приблизительно через месяц пути. Высота над уровнем моря — четыре тысячи сто метров. По мнению тех, кто бывал на Памире, это самое тяжелое для новичков место. Вода в озере кажется мертвой, дно покрыто вечным льдом. Но его почему-то для своего гнездования избрали серые гуси. Стоит немолчный шум, на многочисленных островах множество птиц. Они готовятся к отлету.

У Кара-Куля мы ночевали, и здесь нас застала зима. Утром пришлось выбираться из-под полуметрового снега. Дорога дальше стала еще труднее, надо было пробиваться через снежные заносы. Но все же мы проделали первый, главный этап пути к нашей цели и вышли на Памирский пост. Радостной была встреча с первыми пограничниками, ждавшими смены. Но здесь нам пришлось склонить головы над могилами павших товарищей. Погибли 13 бойцов разъезда, которых басмачи заманили в хитро подстроенную ловушку. Они пытались уничтожить и Памирский пост, не без успеха прибегнув к коварному приему. Басмаческие агенты доставили на пост сообщение о том, что границу собираются пересечь контрабандисты. Не зная еще о гибели своих тринадцати товарищей, командир выслал разъезд из семи человек, который также погиб. Только после этого на посту стало известно о случившемся. Наученные горьким опытом, пограничники подготовили бандитам должную встречу. Немало врагов полегло от ружейно-пулеметного огня чекистов. Но басмачей было много. Не сумев застать наших врасплох,

бандиты обложили пост со всех сторон. Осада длилась около месяца. Не было воды и ее по ночам, под прикрытием пулеметного огня, носили с реки Мургаб.

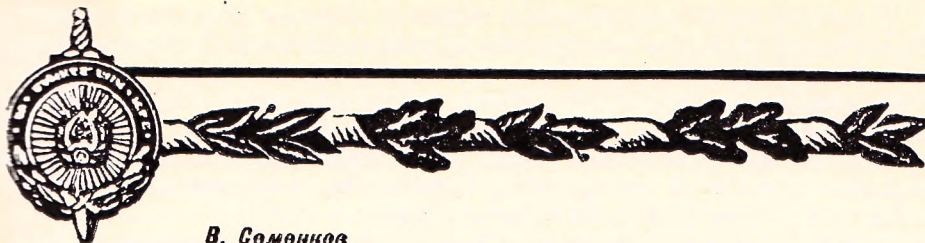
Пост выручили товарищи из Хорога. Извещенные киргизом, другом Советской власти, о грозящей Памирскому посту опасности, они поспешили на помощь. Совместными усилиями банду разгромили, а остатки ее изгнали из этого района.

О коварстве басмачей мы были наслышаны. Многие знали, как в прошлом, здесь же, была уничтожена царская стража. История ее гибели описана в книге Павла Лукницкого «Всадники и пешеходы». Под видом друзей в пограничное укрепление проникла банда Амин Кувата. За пиршественным столом, в разгар веселья, бандиты вонзили ножи в спины ничего не подозревавших солдат и командиров стражи. Вырезали всех. Трусами забросали колодец.

Основательно отдохнув, выслушав все рассказы о зимовке, оставив часть отряда и вьючного транспорта, значительно облегченная экспедиция двинулась на Хорог. Мне с частью всадников, без верблюдов, пришлось свернуть в сторону Лянгара к советско-афганской границе, куда я был назначен начальником погранпоста. На Памире я пробыл до октября 1923 года.

Вторая советская экспедиция на Памир выполняла те же задачи, что и первая. Мы усилили охрану государственных границ, продолжили советизацию края. Государство крепло, мы были лучше оснащены. С экспедицией прибыли несколько первых советских учителей. На берегу реки Гунт в Хороге пограничники построили первую в крае школу. Врачи нашей экспедиции Дьяков и Петухов стали первыми медиками и самыми уважаемыми людьми на Памире. Так, советские чекисты, проливая кровь, несли в этот край дикости и феодального варварства свет новой, свободной жизни.

Много лет пришлось мне служить на государственной границе в Средней Азии. Много было боевых дел — всего не перескажешь. А самой яркой страницей в памяти осталась Памирская экспедиция и дни, проведенные в поднебесье.

В. Соменков

НА ЛИНИИ ОГНЯ

Шел огневой восемнадцатый год. В первых числах марта в Богородске состоялось расширенное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, представителей районных Советов, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов. После всестороннего обсуждения внутреннего и международного положения Совет принял решение «немедленно организовать отдел по формированию отрядов Красной Гвардии и Красной Армии». На заводе «Электросталь», где работал большевик Жукеев-Пудовкин, была создана партийно-добровольческая дружина. В ее составе в конце марта 1918 года он выехал в Саратов на подавление кулацких выступлений в Поволжье.

25 мая начался мятеж чехословацкого корпуса, подготовленный империалистами Антанты. Опираясь на контрреволюционные выступления кулачества и белогвардейцев, белочехи в короткий срок захватили большую часть Поволжья, Урала и Сибири. Открытая военная интервенция и обострение в связи с этим гражданской войны создали опасное положение для Советской России. Восточный фронт летом 1918 года стал главным фронтом страны. На нем решалась судьба социалистической революции. Центральный Комитет Коммунистической партии в качестве первоочередной задачи по укреплению Восточного фронта решил провести массовую мобилизацию коммунистов, укрепить армию партийными работниками, усилить политическое и военное воспитание бойцов. Партийные организации на местах горячо откликнулись на призыв Центрального Комитета. За три с половиной месяца в действующую армию было направлено около 5 тысяч коммунистов, большая часть которых ушла на Восточный фронт.

Тавалды Жукеева-Пудовкина откомандировали из добровольческой дружины в распоряжение штаба 4-й армии, которая создавалась в районе Саратова. После семидневных боев его назначили военно-политическим сотрудником политотдела 4-й армии. Небольшая передышка — и снова в огонь сражений.

В августе 1918 года, во время тяжелых боев на Восточном фронте, в Поволжье и на Урале разгорелись кулацкие мятежи. Для выкорчевывания контрреволюционных элементов нужны были стойкие и беспредельно преданные делу пролетарской революции люди. По рекомендации политотдела штаба 4-й армии, Жукеева-Пудовкина, утверждают сотрудником секретно-политической части Чрезвычайной Комиссии по Уральской области. В течение года Тавалды вел непримиримую борьбу против врагов Советской власти на юге Урала.

Начало 1919 года знаменовало собой успешное наступление красноармейских частей Восточного фронта. 4-я армия Уральского направления за короткий промежуток времени очистила от белогвардейцев значительную часть территории области. 11 июля 1919 года советские войска освободили от белоказахской блокады Уральск. 14 июля был освобожден Екатеринбург (Свердловск).

Напряженная обстановка сложилась на Южном фронте. В районе между Камышином и Воронежем шли с переменным успехом ожесточенные бои. Политуправление Реввоенсовета республики в июле—августе 1919 года направило на этот фронт 869 политработников. В числе их был и наш земляк Жукеев-Пудовкин. Его назначили политкомиссаром в 197-й стрелковый мусульманский полк 22-й стрелковой дивизии 9-й армии, которая в это время находилась в районе города Балашова. Прибыл в полк Жукеев-Пудовкин 24 августа 1919 года вместе с новым помощником командира полка, членом Федерации иностранных коммунистов Андреем Бауэром. Командир полка А. Степанов в тот же день ввел товарищей в круг своих забот.

Подразделения полка были укомплектованы не полностью. После недавних ожесточенных боев под Уральском в некоторых батальонах осталось не более ста человек. Не хватало вооружения и боеприпасов. Для более подробного ознакомления с историей полка Пудовкин просмотрел материалы штаба. Из них ему стало известно, что полк начал формироваться в июле 1918 года в районе Уральска, где в то время Жукеев-Пудовкин вел борьбу с уральскими белоказаками. Основой для создания части стали Алтатанский, Осино-Гайский и Верховозовский отряды партизан. Полк состоял из трех батальонов, одной пулькоманды, кавсотни, хозчасти, трехдвоймовой батареи и 4-орудийного состава и команды связи. Численность к концу формирования была доведена с 500 до 1000 человек. Боевое крещение состоялось под хутором Красная речка. Особенно отличились бойцы в боях за хутора Логашкино и Постбав, отразив наступление девяти полков белоказаков. В дальнейшем, по р. Уралу полк продвигался к Гурьеву. Затем вместе с 25-й стрелковой дивизией В. И. Чапаева принимал участие в освобождении от белоказков Уральска, а в конце июля 1919 года был переброшен на Южный фронт.

Новому военкому хотелось ближе познакомиться с бойцами, командирами и партийным активом политотдела. Но первый же день показал, что осуществить это не так-то просто. Дело в том, что в полк поступало пополнение, и Тавалды все внимание сосредоточил на доводках. Сотруд-

ники политотдела полка А. Усманов и И. Аникин, побывавшие в жестоких боях, вначале думали, что Пудовкин, раз он прибыл из штаба, дальше митингов и собраний не пойдет. Но вскоре увидели, что перед ними стойкий большевик-ленинец, с железной волей, большим самообладанием и неугасимой энергией, который не только вел задушевные беседы с бойцами, но и водил их в бой.

Требовательный к себе, Тавалды не терпел расхлябанности среди подчиненных. Чуткость и забота о человеке лежали в основе всей его боевой работы. Проникнувшись уважением к комиссару, Усманов и Аникин стали не только его помощниками, но и друзьями.

Совместно с конным корпусом Буденного, 1-й и 4-й армиями полк был направлен на ликвидацию мятежа Миронова, бывшего казачьего полковника, перешедшего с первых дней революции на сторону Советской власти. Во время борьбы с Деникиным ему было поручено сформировать в районе Саранска Пензенской губернии конный корпус. Но под влиянием успехов Деникина и усилившихся колебаний среди донских и кубанских казаков, которых немало было в созданном корпусе, Миронов поднял мятеж против Советской власти. Сняв формировавшиеся части, он двинул их по направлению к фронту.

Перед выступлением 197-го полка из хутора Малый-Орешкин на левый берег р. Медведицы в хутор Глижницы была направлена конная разведка. Получив сообщение о том, что Миронов с остатками разбитой Буденными части движется к хуторам Попову и Солонному, полк вышел навстречу мироновцам в хутор Тишенск. Не доходя до Тишенска, Миронов с отрядом в 600 человек изменил маршрут и попал в окружение 4-й дивизии.

Конный корпус С. М. Буденного после подавления мироновского мятежа был направлен в район гор. Новохоперска против Мамонтова, а на его место был введен 197-й мусульманский полк Пудовкина в составе 22-й дивизии. Вместе с дивизией полк освободил от белоказачков хутора Остроуховский, Девкин и Андрианова. 24 сентября подошел к хутору Салонцовскому и занял оборонительный рубеж. На следующий день от командира 2-го батальона поступило донесение о том, что с юго-западной стороны появился противник силой в 300 сабель. По указанию командования, на помощь 2-му батальону был выслан 3-й батальон М. Пименова с артиллерией. Подпустив белогвардейцев на 600—700 метров, прямой наводкой открыла огонь батарея. Противник отступил. Через некоторое время атака повторилась, но снова была отбита.

26 сентября командир 198-го стрелкового полка сообщил, что на стыке с 197-м полком ведут наступление белогвардейцы в составе полка кавалерии и полка пехоты. Учитывая невыгодность позиций для боя с превосходящим в силе противником, комдив дал указание, сдерживая наступление белоказачков, отойти к хуторам Гаврилину и Бязному. Отбивая атаки, 196-й, 197-й и 198-й полки отошли на выгодный рубеж, чтобы нанести ответный удар.

197-й расположился на высотах от хутора Махового до Гаврилина, образовав сплошную цепь: справа от него — 196-й полк и слева — 198-й.

Степанов вызвал к себе Пудовкина:

— Как думаешь, комиссар, встречать противника?

— Огнем, товарищ комполка, — ответил ему военком.

— Что огнем и клинком — это ясно. Но меня другое волнует: правый фланг у нас слабоват, — сказал Степанов.

— Разрешите мне взять из резерва кавсотию на этот фланг, и, я думаю, белоказаки там не прорвутся.

— Я знал, что ты это предложишь. Действуй!

В 7 часов утра 27 сентября белоказаки атакующей лавой двинулись на позиции 197-го полка. Определив главное направление удара противника, Пудовкин отдал приказ комбату В. Цепоеву как можно ближе подпустить врага.

— Постарайтесь раньше времени не дать обнаружить себя, — предупредил его военком. — С сотней Абдурашитова я ударю с левого фланга.

Спустившись в ложину, где его поджидал ординарец, Пудовкин передал ему устное донесение командиру полка об обстановке и планах боя.

— Так и скажи командиру — настроение у бойцов бодрое! — сказал Пудовкин, вскакивая на дончака. Не успел он отъехать и двухсот метров от позиций батальона Цепоева, как с правого фланга послышалось цоканье «максима». «Ну, кажется, началось», — подумал военком, прижимая шпоры к поджарым бокам коня.

Кавсотия выходила на исходные позиции, когда к ней прискакал Пудовкин.

— К бою готовы, товарищ военком! — отдал короткий рапорт лихой наездник и рубака Хамидулла Абдурашитов.

Объяснив бойцам в нескольких словах цель флангового удара, Пудовкин поднялся на наблюдательный пункт. Бой шел по всей линии обороны полка. Белоказаки несколько раз бросались в атаки, откатывались назад и снова рвались вперед.

— Ну, братцы, наступил и наш черед! — сказал политкомиссар. Блеснули клинки, взметнулась земля из-под копыт лошадей. Все ближе и ближе белоказачьи цепи. Поредевшие ряды батальона Цепоева и его соседа Пименова, увидев своих конников, прекратили стрельбу и с криком «Ура!» начали выскакивать из окопов.

Пудовкин с Абдурашитовым врезались в гущу белоказачков. Военкома с тыла прикрыл его помощник и друг Иван Аникин. Отбиваясь от двух белоказачков, он заметил, как на Пудовкина направил своего коня широкоплечий казак. Подняв рысака в стойку, Аникин выпадам в сторону рванулся на выручку комиссара. Окровавленное тело врага свесилось с седла. Но в этот миг он почувствовал тяжелый удар вдоль плеча. На подмогу подскочил Абдурашитов, но было поздно... Накал боя достиг высшей точки. Пудовкин, увлеченный боем, кроша белоказачков слева и справа, вначале не почувствовал боли в боку. Но потеря крови вскоре дала себя знать, правая рука уже не поднималась для удара. Силы оставляли военкома. Но и враг уже был не в состоянии продолжать

бой. Не выдержав стремительного удара с фланга, остатки белоказаков ретировались бегством.

— Победа! — кричали бойцы, обнимая друг друга. Победа, но какой ценой, какими жертвами она досталась. Смертью героя погиб политический сотрудник полка Иван Аникин, до последнего дыхания бился комбат Василий Цепоев. Сложили свои головы под хутором Маховым и Гаврилиным командир 8-й роты Абдулла Еникеев, красноармейцы И. Касымов, И. Серов, Ф. Пономарев, Н. Парфенов. Перестало биться сердце пулеметчика — шахтера из Донбасса Матвея Левашова. Не слышат больше бойцы голос запева кавсотни, командира отделения Амира Мизелеева. Не поведет уже в бой 5-ю роту Ишмухамедов... Временно вышли из строя помощник командира полка Андрей Бауэр и военно-политический комиссар Пудовкин. Отдав прощальный салют над свежим холмом братской могилы боевых друзей, они уезжали в далекий армейский госпиталь.

Терзаемый плохо заживающей раной, Пудовкин вынужден был три месяца находиться в госпиталях. И только накануне нового года возвратился в родной полк, который, по приказу командарма 9-й армии А. Степина, вместе с другими частями готовился к переправе через Северный Донец. Преследуя отступающую Донскую армию, части 9-й армии стремительно двигались вперед. За семь дней боев 197-й мусульманский полк прошел хутора Демин, Скобелев, Поляков, Рязанский, Быстрянский, Ковылкин и Шарпаевский. 7 января 1920 года 9-я армия заняла город Новочеркасск. Через два дня был взят войсками Первой конной и 8-й армии город Ростов-на-Дону. Разбитые части белых были отброшены за Дон. Командующий 9-й армией Александр Карлович Степин и Реввоенсовет армии обратились к своим войскам с приветственной телеграммой.

Вскоре комбат Кириллов доставил в штаб пленного, из допроса которого командованию полка стало известно, что в станице Константиновской идут бои белоказаков с 3-й кавбригадой 14-й дивизии.

— Надо помочь товарищам, — обратился Пудовкин к командиру полка. — Наш удар с тыла сохранит десятки жизней красных конников и закроет белоказакам отступление к основным силам.

16 января полк пошел в наступление и к исходу дня вышел к станице Константиновской. Только небольшой группе белоказаков удалось уйти из «мешка» и прорваться к своим. А восемь дней спустя Пудовкин с двумя батальонами очистил Орловку, куда перебазировался весь полк. В связи с завершением разгрома Донской армии Юго-Восточный фронт был переименован в Кавказский.

Несмотря на успехи, 9-я армия в это время испытывала большие трудности, несколько месяцев не получая пополнений. Состав некоторых частей уменьшился больше, чем наполовину. Ко всему еще свирепствовал тиф.

На пути к Кавказу росло сопротивление белых. Отступив за Дон, Мамыч и Деникин собрали на небольшом участке фронта крупные силы,

дополнительно мобилизовав казаков по хуторам и станицам. Попытки наступления некоторых наших частей потерпели неудачу.

Но временные неудачи не остановили наступательный порыв наших бойцов. 22-я дивизия под командованием С. П. Захарова, в составе которой мужественно сражался 197-й мусульманский полк, совместно со сводным конным корпусом Д. П. Жлобы первой вступила в Краснодар. В битве за город противник потерял 20 тысяч пленными и большое количество военной техники и снаряжения. За три месяца полк Пудовкина прошел более тысячи километров. Все испытал за это время военком: и радость успеха, и горечь поражения.

— Ох и здоров же ты, как я посмотрю,— говорил Пудовкину командир полка,— откуда у тебя только силы берутся!

— Я их десять лет по тюрьмам матушки-России копил,— улыбаясь одними глазами, отвечал ему военком,— чтобы потом отдавать их сполна. Я верил и знал, что это время наступит. И, как видишь, не ошибся...

28 марта полк Пудовкина вошел в Геленджик, а 1 апреля перебазировался в город Новороссийск. Но в связи с бандитскими налетами на Геленджик и его окрестные станицы белоказачков, укрывшихся в горах, полк вынужден был вернуться в Геленджик для борьбы с ними и охраны в этом районе морских границ. Пудовкин приказом по дивизии был назначен военно-политическим комиссаром Геленджикского гарнизона, но вскоре был отозван в распоряжение штаба Кавказского фронта. Около года Тавалды с Частями особого назначения (ЧОН) громил контрреволюционные банды на Кавказе и в Крыму, вылавливал иностранную агентуру и контрабандистов. Много сил и труда он вложил в восстановление и упрочение Советской власти в районах Черноморского побережья. На какой бы пост ни направляла Жукеева-Пудовкина партия и командование, он везде с честью оправдывал доверие.

В мае 1921 года Жукеев-Пудовкин прибыл в разведывательное управление Туркестанского фронта, которое направило его в Алма-Атинское разведотделение для борьбы с контрреволюцией в пограничной полосе.

После разгрома белой армии Анненкова, июньского антисоветского мятежа в 1920 году в городе Верном и ноябрьского в городе Нарыне остатки белогвардейцев бежали в Китай. В провинции Синьцзян они начали формировать воинское соединение. Главари их разработали план вооруженного вторжения на советскую территорию. В выпускаемых листовках белогвардейцы призывали к походу против Советской России. Основные силы враги намеревались бросить на Чугучак для захвата там складов оружия и боеприпасов, а затем, соединившись с бандами Кульджинского района, начать наступательные операции против Советского Семиречья.

Долгие переговоры с китайскими властями завершились 16 мая 1921 года соглашением о проведении совместной операции по уничтожению белогвардейских банд на территории провинции Синьцзян. В стан белогвардейцев были направлены мужественные большевики для разложе-

ния контрреволюционных банд изнутри и подготовки мероприятий для их уничтожения. В числе верных сынов Коммунистической партии, оказавшихся со специальным заданием в Синьцзяне, был и чекист Тавалды Жукеев.

Почти четыре года вел он ответственную, сопряженную с риском для жизни работу среди белогвардейцев. Остатки соединений Дутова, Анненкова, Бакича и некоторых других царских генералов все еще представляли серьезную опасность для восточных границ Киргизии и Казахстана. Вылазки небольших банд на нашу территорию сопровождались грабежами и убийствами. Необходимо было заблаговременно узнавать о замыслах белогвардейского командования, предупреждать возможные удары из-за угла. И здесь, среди злобствующих и ненавидящих Советскую власть врагов, Тавалды находил себе надежных помощников. Нелегкое это было дело, ежечасно грозившее провалом. Но он выстоял. И не раз предупрежденные разведчиком пограничники встречали огнем бандитские группы, пытавшиеся прорваться на нашу территорию.

Возвращение Жукеева на родину совпало со знаменательным событием в жизни киргизского народа: созданием автономной области, непосредственно вошедшей в состав РСФСР. Киргизский народ впервые в своей многовековой истории обрел государственную самостоятельность. Трудящиеся были благодарны Коммунистической партии и Советскому правительству за заботу. Но баи, манапы, кулаки, буржуазные националисты и великодержавные шовинисты злобно встретили важную для народа весть и попытались использовать автономию в своих враждебных целях. Пробравшись в состав Ревкома и его органы на местах, скрытые враги начали саботировать мероприятия партии и правительства, разжигать национальный антагонизм, заниматься вредительством.

Меч революции не дрогнул в руках чекиста Тавалды Жукеева. Он со всей беспощадностью обрушился на врагов Советской власти и наносил им удары там, где они их меньше всего ожидали. А с августа 1929 года и по день смерти Жукеев-Пудовкин являлся заведующим Государственной земельной инспекцией Нарынского кантона.

Революционная борьба, десятилетие в царской тюрьме, годы гражданской войны и борьба с контрреволюцией отразились на здоровье большевика Жукеева. В 1930 году после длительной тяжелой болезни Тавалды Жукеев — Александр Александрович Пудовкин (псевдоним революционера-подпольщика) скончался. Было ему 48 лет.

Киргизский народ свято чтит память первого революционера-большевика и чекиста, вся жизнь которого — горение во имя светлого будущего великой многонациональной социалистической Родины.

В. Семенов

В ТЕ ДАЛЕКИЕ ГОДЫ

Пожелтевший лист архивного дела двадцатых годов. Читаем: «Товарищ Касымбеков с первых дней Октябрьской социалистической революции в Туркестане принял активное участие в борьбе с контрреволюцией и басмачеством. Он работал как в Красной Гвардии, так и на ответственных партийных и советских постах. Через всю его деятельность красной нитью проходят революционные заслуги перед Советской властью и народом».

Санжар Касымбеков родился в 1902 году в городе Оше в семье учителя. Его отец Фазылбек был высокоэрудированным человеком. Наряду с киргизским, узбекским, туркменским он хорошо владел русским и турецким языками. В 1896 году он в качестве проводника и переводчика члена Российского географического общества полковника Грушевского посетил Афганистан и Турцию. Его дом был открыт для бедняков всех национальностей.

— У Фазыла, — вспоминали старики, — всегда можно было угоститься душистым чаем и свежей лепешкой, найти сочувствие и добрый совет.

Свои демократические взгляды на жизнь, на необходимость просвещения народных масс Фазылбек старался привить и сыну. На его квартире часто собиралась передовая молодежь Оша. Обсуждали насущные вопросы дня, ставили импровизированные скетчи, высмеивавшие местные нравы.

Закончив Ошскую русско-туземную школу, Санжар поступил в Андижанское реальное училище. Четырнадцатилетний юноша принял участие в выступлении дехкан и ремесленников города против царского указа от 25 июля 1916 года о мобилизации коренного населения на тыловые работы. В пятнадцать лет, после победы Февральской буржуазно-демократической революции, Санжар Касымбеков активно включился в революционную борьбу за власть Советов.

При его непосредственном участии в начале мая 1917 года создается общество учащихся города Андижана. А в конце месяца в доме сво-

его отца он проводит организационное собрание учеников города Оша: принимается решение об организации общества, утверждается устав и программа, избирается руководящий комитет. Основной задачей ставилось объединение учащихся и учителей без различия национальности для пропаганды в массах революционных идей. Это общество было первой молодежной организацией на юге Киргизии, оно предварило возникновение в крае коммунистических союзов молодежи.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Санжар принял участие в создании комсомольских ячеек и профессиональных союзов, возглавлял уездный комитет помощи голодающим «Айкап», выполнял поручения уездно-городского комитета партии. Знаменательное событие в жизни Санжара произошло 2 июля 1918 года. В этот день на общем собрании старгородской организации он был принят в члены Российской Коммунистической партии (большевиков). Безусый шестнадцатилетний парень встал в один строй с белобородыми аксакалами для защиты завоеваний Октября, для строительства новой жизни. Через некоторое время он как один из активных коммунистов вошел в состав исполкома уездно-городского комитета РКП(б) и ему была поручена политическая работа в отряде Красной Гвардии.

В декабре 1918 года Санжар делегатом от большевиков Красной Гвардии уезда принимает участие в работе второго съезда Компартии Туркестана. Обратно в Ош не вернулся: его назначили адъютантом уполномоченного по формированию социалистической мусульманской Красной Армии. Во второй половине января 1919 года вместе с рабочими железнодорожных мастерских Касымбеков подавлял осиповский белогвардейский мятеж. И снова работа по созданию новых отрядов для борьбы с контрреволюцией.

В феврале Санжар получил из Оша печальную весть. Басмачи Хал-Ходжи ворвались в родной дом и убили отца, а его друга большевика Балтыходжи Султанова привязали к хвостам лошадей и растерзали. Полный гнева и ненависти к врагам революции выехал Касымбеков на Закаспийский фронт. Не щадя своей жизни, он сражался с интервентами и белогвардейцами, не раз водил в атаку бойцов.

В конце лета в связи с затишьем на фронте ему был предоставлен отпуск в Ош. Но отдохнуть не пришлось. Басмаческие банды Мадаминбека, объединившись с «крестьянской» армией Монстрова и генерала Муханова, выступили против Советов. Захватив Ош, белогвардейцы и басмачи со всех сторон обложили Андижан. Несколько суток Санжар с бойцами-добровольцами отражал налеты на город. На помощь осажденным поспешил Казанский полк. Вместе с ним добровольческие отряды Андижана перешли в наступление. Белогвардейцы были разбиты. В Оше вновь установилась Советская власть.

Для борьбы с контрреволюцией и защиты города от налетов басмачей был образован партийно-добровольческий отряд. Командиром его становится Касымбеков. По его предложению на каждой улице создали патрульные группы. Они несли круглосуточное дежурство и обо всем происшедшем докладывали в штаб отряда.

Сообщая о положении в Оше, газета большевиков края «Туркестанский коммунист» 11 ноября 1919 года писала: «Каждый товарищ принужден занимать 3—4 должности. Для воспитания масс не остается ни сил, ни времени... В старом городе до марта был мусульманский профессиональный союз, но во время нашествия на город басмачей Хал-Ходжи большинство членов союза было вырезано, и союз развалился».

27 декабря 1919 года Санжар Касымбеков был избран коммунистами города делегатом на Третью чрезвычайную конференцию мусорганизаций РКП(б) Туркестанского края и Пятую Туркестанскую конференцию РКП(б). На этих конференциях он обстоятельно доложил о той серьезной обстановке, которая сложилась в Ошском уезде, и попросил оказать необходимую помощь, особенно грамотными партийными работниками.

В первый же день после возвращения из Ташкента Касымбеков был избран председателем Ошского мусбюро РКП(б). На второй день на общем партийном собрании он уже докладывал коммунистам о решениях туркестанских партийных конференций и призывал «строго подчиняться приказам своей партии и все проводить по-революционному и по-военному». Через некоторое время на объединенном собрании коммунистов уезда, своего рода партийной конференции, он был избран председателем Ошского уездно-городского комитета РКП(б). Так одни обязанности накладывались на другие. Сутки становились все короче и короче, а ноша тяжелее и тяжелее. Не успел Санжар принять дела горкома, как тут же выехал в уезд с целью восстановления разгромленных басмачами партийных и советских организаций. 5 марта он уже проводил собрание в селе Покровском, на другой день — в Куршабе, 8 марта — в Узгене.

Покровцы писали в своей резолюции: «Выслушав доклад т. Касымбекова, собрание постановляет: объединиться нам, всем дехканам, и организовать коллектив Коммунистической партии и через этот коллектив распространить в широких массах дехканства идеи коммунизма. Путем агитации, распространения литературы объединить дехкан нашей местности, которые называются пролетариями, в одну единицу... Приветствуем наступающую вторую годовщину Красной Армии.

Да здравствует наша рабоче-крестьянская Красная Армия!

Да здравствует вождь мировой революции товарищ Ленин!»

Аналогичные резолюции были приняты и в других селах и кишлаках. 20 марта Ошский уездно-городской комитет поручил Санжару с группой товарищей провести организацию комячеек в профсоюзах и Союза коммунистической молодежи в уезде. Он с честью выполнил и эти поручения.

Весной 1920 года обстановка в Фергане вновь осложнилась. Обком партии направляет Касымбекова в особый отдел Реввоенсовета Туркестанского фронта для борьбы с контрреволюцией. Несколько месяцев он вместе со своей женой, бывшим секретарем Ошского уездно-городского комитета РКП(б) Еленой Константиновной Касымбековой-Кирилловой

грозил скрытых и открытых врагов Советской власти на юге Киргизии. В ноябре 1920 года поступило распоряжение: «Следователям Политического бюро Санжару Касымбекову и его жене Елене Касымбековой на основании решения Ферганского особого отдела и Ферганской облЧК срочно прибыть в Скобелев для прохождения дальнейшей службы».

Весь период гражданской войны и разгрома основных сил басмачества на юге Туркестана Касымбековы вели активную борьбу за укрепление Советской власти. Затем Санжар Касымбеков был направлен на профсоюзную работу в г. Ходжент, где одновременно являлся и начальником охраны уезда.

Работая председателем Самаркандского областного комитета Всебасмачества, Касымбеков не терял связи со своими друзьями-чекистами. Выезжая в села и кишлаки, он по просьбе своего друга Жарикова — заместителя уполномоченного ГПУ Самаркандского уезда — часто проводил ту или иную работу по выявлению контрреволюционеров и их пособников. Так было и накануне 7-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

— Хамракул распоясался до предела, — сказал Санжару при встрече Жариков. — По имеющимся данным, его бандиты поселились у нас почти под боком.

— Надо окружить и накрыть, — посоветовал Касымбеков.

— Пробовали, Санжар, ничего не получается.

— А если...

— Если тебе попытаться, ты хочешь сказать?

— Да, Андрей, есть такая мысль.

Шестого ноября 1924 года Санжар Касымбеков вместе с Шуваловым и Тызиковым, работниками банка, под видом охотников выехали на велосипедах в уезд. Почти сутки они потратили на то, чтобы напасть на след басмачей. Выяснилось, что курбаши Хамракул вместе со своим помощником Раджа Ишановым и группой басмачей ночевал в кишлаке Ошкалу, а теперь перебрался в кишлак Дархан. Сообщив об этих данных Жарикову, Санжар пошел по следу. Не доезжая Дархана, у железнодорожного моста, разведчики спрятали велосипеды и пешком направились в кишлак. Один из сельских активистов рассказал Касымбекову, что несколько часов назад сюда прибыл Хамракул со своей шайкой. Уточнили: в одном доме разместился сам Хамракул с Раджа Ишановым, Мирзой Палваном и еще двадцатью бандитами, а в другом — Розы Курбанов с пятнадцатью головорезами.

Теперь надо было быстрее добраться до волостного центра. Но не успели они отойти от кишлака и сотню метров, как их окружили басмачи. Шувалова и Тызикова тут же убили, а Санжара подвергли зверским пыткам. Подарив хозяину дома кожаную тужурку Касымбекова, Хамракул с пленником выехал в свое логово.

— Откажись от борьбы с нами, — требовали враги, — и ты останешься живым. Помогай нам, и тебя ждут милость пророка и наши награды.

С презрением отверг Санжар подлые домогательства.

После новых попыток и издевательств 8 ноября 1924 года басмачи расстреляли Касымбекова. Он прожил всего двадцать два года... Но то, что он успел сделать для счастья родного народа, никогда не будет забыто. В память о славном сыне Киргизстана одна из улиц Оша названа его именем.

* * *

Просматривая страницы архивного дела, я обратил внимание на подпись секретаря Ошского уездно-городского комитета РКП(б) Елены Кирилловой. Эта же подпись встретилась и в протесте шестнадцати коммунистов, заключенных в тюрьму белогвардейцами и басмачами во время захвата ими города Оша в сентябре 1919 года. Мне было известно, что Елена Константиновна, жена Санжара Касымбекова, живет в Ташкенте. И вот мы встретились. Елена Константиновна сразу же спросила: — Что вам рассказать? О революционных событиях на юге Киргизии?

И продолжала:

— Я счастлива тем, что хоть какую-то частицу внесла своим трудом, своей сорокалетней работой в общее дело нашей партии, нашего народа. В Ош я переехала из Андижана в марте восемнадцатого. Советская власть в уезде делала только первые шаги. Работала корреспонденткой в народном банке, по поручению Совета рабочих, солдатских и мусульманских депутатов выполняла отдельные поручения. В большевистскую партию вступила девятнадцати лет. В партийной организации Оша нас, женщин, насчитывались единицы. Да и сама организация была не так уж велика. Работали в очень трудных условиях. Басмачи почти каждую неделю совершали налеты. В городе стоял небольшой отряд Красной Армии, а основные силы сражались на Ферганском фронте. Поэтому нам, коммунистам, часто приходилось с винтовкой в руках помогать красноармейцам отражать набеги банд...

...В конце августа 1919 года обстановка на Ферганском фронте обострилась. Контрреволюционная, так называемая «крестьянская» армия, заключив союз с басмачами Мадамин-бека, ворвалась в Джалаал-Абад. В начале сентября развернулись бои в районе Оша. Большевики с небольшим отрядом красноармейцев, при поддержке населения города, сражались героически. Защитников предали изменники во главе с начальником гарнизона А. Ситняковским. Город был сдан на «милость» белогвардейцам. Начались аресты. В числе шестнадцати коммунистов арестовали и Кириллову. В тот же день ее вызвали на допрос.

— А, мамзель Кириллова! — Пронитым голосом прохрипел: вновь испеченный комендант города, сын кулака Петр Хорев. — Что, власть переменялась?

— Ненадолго, — спокойно возразила она. — Скоро предатели народа понесут суровую кару!

— Ну, ты, потише на поворотах, а то можешь не дотопать до каме-

ры.— свирепея, процедил сквозь зубы Хорев.— Ты лучше скажи, где документы и всевозможные списочки с так называемыми неблагонадежными элементами...

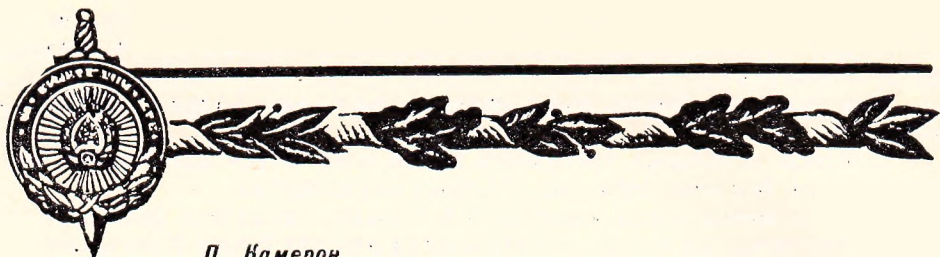
Она молчала. Хорев, выругавшись, наотмашь ударил Елену по лицу...

Допросы остальных товарищей также окончились для Хорева безрезультатно. Все вели себя, как подобает коммунистам.

— В то время, когда мы сидели в тюрьме, басмачи и белогвардейцы свирепствовали в городе,—продолжала рассказ Елена Константиновна,— коммунисты, оставшиеся на свободе, помогли нам бежать. А вскоре пришли наши... До 1923 года работала следователем ЧК в Ошском уезде и в штабе Ферганского фронта. Я очень рада была доверию партии, поручившей мне, женщине, ответственный и опасный участок борьбы с контрреволюцией...

В то время Елена и вышла замуж за Санжара Касымбекова. Четыре года плечом к плечу боролись они с врагами Советов, укрепляя народную власть.

Тяжело перенесла Елена Константиновна гибель дорогого человека и навсегда осталась верна его памяти... Она долго находилась на руководящей советской и партийной работе, а в 1957 году по состоянию здоровья ушла на заслуженный отдых.

П. Камерон

ЛИКВИДАЦИЯ БАНД МУЭТДИНА И РАХМАНКУЛА

Разбирая материалы, касающиеся моей работы в военном трибунале Туркестанского фронта, среди копий приговоров и отрывочных записей я обнаружил две фотографические карточки. На одной из них изображен один из крупнейших вожakov ферганского басмачества, в течение пяти лет оперировавший в восточной части Ферганы и с большим трудом ликвидированный во второй половине 1922 года.

Это Муэтдин Усманов, известный в истории ферганского басмачества под именем Муэтдин-бека. На другой фотографии — старший советник и начальник его штаба Янги-бай Бабашбаев, именовавшийся Янги-бай Амин. Сняты они были в Ташкентском ОГПУ после разгрома их шаяк и захвата с большинством подчиненных им курбашей (начальников) в начале июля 1922 года.

Глядя на карточку Муэтдина, нельзя было подумать, что на ней изображен один из самых упорных и влиятельных вождей басмачества, объединявший под своей командой в лучшие для себя времена несколько тысяч человек, которые вели отчаянную борьбу с Советской властью и Красной Армией.

Но это был он — Амир Ляшкар Баши (главнокомандующий) Муэтдин-бек Газы¹ (победоносный), отличавшийся особой хитростью и вероломством, сумевший подчинить себе большинство басмаческих вожakov Ферганской области, дважды переходивший на сторону Советской власти и дважды ей изменявший.

Собственно говоря, личность Муэтдина и история его операций против Красной Армии — это история всего басмачества. Как басмач Муэтдин появился в самом начале объединения против Советской власти всех мусульманских контрреволюционных сил. Поэтому после разгрома его шаяк неизбежно оказались ликвидированными и другие очаги басмачества в Ферганской, а также примыкающей к Фергане части Сыр-Дарьинской и Самаркандской областей.

¹ Титул, присвоенный себе Муэтдином.

... Муэтдин Усман Алиев, неграмотный киргиз, начал свои басмаческие операции еще при царском правительстве. Будучи осужден за убийство на 5 лет каторги он бежал из тюрьмы в горы и примкнул к шайке басмача Османа курбаши. Вскоре он убил Османа, объявил себя начальником шайки и начал заниматься грабежами и набегами, скрываясь от преследований в горах.

... В конце 1918 года Муэтдин с отрядом джигитов в 200 человек влился в отряд Мадамин-бека, где своей храбростью и умением вести оперативные действия выдвинулся в первые ряды командного состава мадаминской армии. В марте 1920 года Муэтдин-бек сдался вместе с Мадамином Красной Армии и был назначен командиром эскадрона одного из полков Интернациональной бригады. Однако действия нового командира эскадрона вскоре показали подозрительными. Хотя он и принимал участие в боевых операциях на стороне Красной Армии, но в его эскадроне открыто выражалась ненависть к Советской власти, а отдельные отряды по-прежнему занимались грабежами и убийствами. Командиром полка Кучуковым был поднят вопрос о необходимости разоружения муэтдиновского эскадрона, но... Муэтдин предвосхитил предполагаемое разоружение, вывел свой эскадрон в ущелье Аранд и, убив своего помощника Кара-Ходжу и расстреляв верных Советской власти 12 джигитов, в августе 1920 года с остальной частью своего отряда (численностью 390 человек) ушел в горы.

... Деятельность беспощадного курбаши Муэтдина вскоре широко распространилась в горных районах Ферганской области. Все мелкие басмаческие шайки признали нового «Бека», как начал себя именовать в целях более широкой популярности Муэтдин.

... Немедленно после своей измены Муэтдин учиняет ряд нападений на наши гарнизоны, причем сплошь и рядом действует хитростью, заверяя, что по-прежнему предан Советской власти и послан для ликвидации басмачей. Захваченные в плен красноармейцы подвергались мучительной смерти, в частности, в кишлаке Кокджар был зверски уничтожен гарнизон полка красных коммунаров.

... Нападения на поселки и кишлаки сопровождалось, как правило, поголовным истреблением русского населения и всех заподозренных в сочувствии Советской власти мусульман. В качестве иллюстрации кровавых «подвигов» Муэтдина приведу краткую выдержку из обвинительного акта по его делу:

... «13 мая 1921 года Муэтдин произвел нападение на продовольственный транспорт, шедший по Куршабо-Ошской дороге в город Ош. Транспорт сопровождался красноармейцами, каковых было до 40 человек. При транспорте находились граждане, в числе коих были женщины и дети; были как русские, так и мусульмане. Вез транспорт пшеницу — 1700 пудов, мануфактуру — 6000 аршин и другие товары. Муэтдин со своей шайкой, напав на транспорт, почти всю охрану и бывших при нем граждан уничтожил, все имущество разграбил. Нападением руководил сам и проявлял особую жестокость. Так, красноармейцы сжигались на костре и подвергались пытке; дети разрубались шашкой и разбивались

о колеса арб, а некоторых разрывали на части, устраивая с ними игру «в скачку», то есть один джигит брал за ногу ребенка, другой — за другую и начинали на лошадях скакать в стороны, отчего ребенок разрывался; женщины разрубались шашкой, у них отрезали груди, а у беременных распарывали живот, плод выбрасывали и разрубали. Всех замученных и убитых в транспорте было до 70 человек, не считая туземных жителей, трупы которых были унесены мусульманами близлежащих кишлаков и точно число каковых установить не удалось».

Это лишь одно из свидетельств многочисленных зверств муэздиновских шаек, которые разбойничали до лета 1922 года. А таких нападений было очень много.

Общее количество вооруженных всадников в момент наиболее интенсивных действий Муэтдина доходило до 4000 человек. Кроме того, значительная часть джигитов находилась в резерве, жила в кишлаках. Их призывали по особым приказам Муэтдина.

Содержание этой привыкшей к беззаботной жизни оравы тяжелым бременем ложилось на плечи бедняцкого населения Ферганы. Каждый кишлак был обложен и натурой, и деньгами. Специальные саркары (сборщики) время от времени собирали с жителей определенную по приказу Муэтдина дань. Тех, кто проявлял неповиновение, убивали, а их имущество подвергалось разграблению. Если через кишлаки проходили части Красной Армии и впоследствии шпионы доносили Муэтдину о хорошем приеме, оказанном жителями красноармейцам, — горе было такому кишлаку. Сам Муэтдин был неограниченным владыкой всей Восточной Ферганы. Тысячи голов крупного и мелкого скота он отобрал у декан лично для себя. Награбленное имущество достигло колоссальных размеров. Он являлся фактическим владельцем мельниц, имел несколько усадеб в горных кишлаках восточной части Ошского уезда. Награбленное золото и драгоценности Муэтдин передал своим родственникам, а часть богатства зарыл в горных ущельях.

Опросом жителей в Иски-Наукат и Янги-Наукат было установлено, что в этих кишлаках не было девочки старше 10-ти лет, не изнасилованной Муэтдином. Что касается «законных жен», то он давно потерял им счет. В одном показании на следствии Муэтдин утверждал, что имеет четырех жен, а в другом, что их у него пять, причем имен трех последних он не знает. Свидетели показали на суде, что надоевших жен Муэтдин передавал в руки своих палачей для умерщвления.

В Иски-Наукате, главной резиденции Муэтдина, когда он там пребывал, ежедневно происходили многочисленные казни, отчего вода в арыках окрашивалась в красный цвет. По рассказам очевидцев, за несвоевременную подачу пищи Муэтдин собственноручно сносил головы своим поварам и служителям.

До самого последнего времени при нем в качестве советников находилось несколько белогвардейских офицеров, принявших, кстати сказать, мусульманство. Все они, особенно некий Марценкевич, известный под именем Давлета Берды, отличались такой же бесчеловечной жестокостью, как и их владыка. Муэтдин-бек отплатил им черной неблагодар-

ностью: перед сдачей своих отрядов он отдал приказ палачам, чтобы они уничтожили всех белогвардейцев, что и было немедленно выполнено.

Естественно, что одно только имя Муэтдина наводило трепет и ужас на жителей Ферганы. Страх расплаты за какое бы то ни было содействие Красной Армии был настолько велик, что, несмотря на ненависть к Муэтдину буквально во всех слоях населения, мы, однако, долго не находили поддержки в широких массах для ликвидации этого злодея.

На борьбу с Муэтдином были брошены довольно крупные силы. Но его отряды обладали большой подвижностью, хорошо ориентировались на местности, что сильно усложняло борьбу с ними. Совершая удивительные по быстроте переходы, Муэтдин внезапно появлялся в различных районах, подвергая осаде наши гарнизоны. Он совершал неожиданные нападения и на крупные русские поселки, на города Ош и Андижан, после чего быстро уходил далеко в горы. Очень трудно было определить, где действовал сам Муэтдин, а где подвластные ему начальники отрядов.

В 1921 и в начале 1922 года Муэтдин осмеливается уже вести плановую войну с частями Красной Армии, оказывая им упорное сопротивление, прибегая к контратакам, демонстративным наступлениям и бросая в бой крупные силы, вооруженные пулеметами.

В марте—мае 1922 года командование войсками Ферганской области затеяло переговоры с Муэтдином, которые носили очень длительный характер. Муэтдин их всячески затягивал, не желая сдавать оружие и разоружаться.

Эти переговоры велись Муэтдином, конечно, не по доброй воле. Обстановка складывалась не в его пользу. Долготерпение населения истерзанной Ферганы иссякло. Повсюду начали организовываться отряды самообороны. Это стало возможным благодаря тому, что широкие массы населения решили, наконец, пресечь грабительскую деятельность басмачей. Даже духовенство и некоторые влиятельные киргизские роды, не говоря уже о бедноте, поднялись на борьбу с Муэтдином.

Муэтдин чувствовал, что дни его сочтены. В отчаянии он предпринимает ряд дерзких нападений на наши части, а 3 июля врывается в город Ош. Во время этого налета им были разграблены электростанция и больница. Медицинский персонал и больные были зверски убиты, окрестности Оша и примыкающие к городу кишлаки разграблены, а жители перебиты. Это была уже агония издыхающего зверя.

Прижатый частями Красной Армии к горным перевалам, Муэтдин пытался найти выход. Он мог уйти через перевалы в Алайскую долину, но знал, что встретится там с холодом и голодом. Его отряды не вынесли бы суровой алайской зимы и неминуемо погибли. Однако был и другой вариант: спрятать самое лучшее оружие и пулеметы и сдать частям Красной Армии. Когда же наступит удобный момент, снова начать вооруженную борьбу с Советской властью. Муэтдин остановился на этом варианте. 6 июля 1922 года он сдался советским отрядам в горной части Восточной Ферганы.

Претворить свой план в жизнь Муэтдину не удалось. Сами джигиты помогли советским отрядам отыскать спрятанное оружие. Муэтдин понял, что проиграл. Он решил бежать, уничтожив перед побегом военкома штаба войск Ферганской области Болотникова и начальника штаба Киргизской обороны Камчибекова. Но и этот замысел Муэтдина одновременно удалось раскрыть, и он вместе со всем своим штабом был арестован.

В августе 1922 года мне было предложено принять дело о Муэтдине к производству и, закончив его в недельный срок, провести показательный процесс в городе Ташкенте. В полученных мной трех тетрадах были только оперативные сводки о боевых действиях против муэтдиновских отрядов. Ни личность Муэтдина, ни его политическое значение, как это ни странно, не нашли отражения в материалах дознания. Во исполнение приказа мной было дано распоряжение председателю 2-го отдела военного трибунала в Фергане Румянцеву: в порядке боевого приказа опросить население наиболее пострадавших районов Ферганы и принять меры к проведению процесса в самом центре муэтдиновских операций. В Ошский район я командировал старшего следователя военного трибунала Туркменского фронта Кириллова с предложением закончить следствие в наикратчайший срок.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы доказать, что проводить процесс в Ташкенте политически нецелесообразно. Со мной вполне согласился член РВС фронта П. И. Баранов, при активной поддержке которого удалось убедить тогдашнее Туркестанское правительство в необходимости слушать дело или в Андижане, или в городе Ош. Остановились на Оше. Следствие было закончено лишь в конце августа.

19 сентября 1922 года полевая выездная сессия военного трибунала Туркестанского фронта вместе с обвиняемыми специальным поездом выехали в Фергану. Район железной дороги, станции Кара-Су и город Ош были объявлены на военном положении. Ходили упорные слухи, будто бы зять Муэтдина — Нурмат Минбаши, действовавший в окрестностях Оша, вошел в соглашение с Исламкулом, Карабаем и другими басмачами и убедил их в том, что надо отбить Муэтдина в пути или во время самого процесса. До станции Кара-Су нас и обвиняемых сопровождал бронепоезд. Затем для охраны обвиняемых был назначен кавалерийский полк под командованием Я. Д. Чанышева (ныне генерал-полковник в отставке) и выделен броневик для перевозки басмачей до Оша.

В распоряжение трибунала были выделены взвод курсантов ГПУ и взвод курсантов Военной школы имени Ленина. Персональная ответственность за охрану Муэтдина возлагалась на начальника отдела по борьбе с бандитизмом Леонова, который в пути следования поместил 14 обвиняемых в бронированный вагон и сам находился вместе с ними.

Все эти предосторожности диктовались тем, что с басмачеством еще не было покончено. Поэтому процесс необходимо было сделать гласным и открытым для населения всей Ферганы, чтобы окончательно оттолкнуть колеблющиеся элементы от поддержки басмачества. В город

Ош на процесс прибыло 1500 человек бедноты из всех пострадавших от басмачей районов области.

Вопрос о начале слушания дела осложнился тем, что назначенные Москвой по представлению ТуркЦИКа члены суда из представителей местного населения к сроку не прибыли. Ферганские адвокаты, кроме того, под всякими предлогами пытались уклониться от поездки в Ош, предлагая в качестве защитников довольно подозрительных местных «ходатаев» по делам.

Случайно на процесс прибыли члены Туркестанского ЦИКа тов. А. Кадыров и Н. Рустемов, о назначении которых в состав суда я срочно дал телеграмму в Москву.

В 15 часов 21 сентября на площади Хазратабал рядом с мечетью, у подножия Сулейман-горы, открылось судебное заседание. Государственным обвинителем выступал ответственный секретарь ЦК Коммунистической партии Туркестана тов. Н. Тюрякулов, защитником был выдвинут товарищ Гумеров.

Свидетелей было вызвано около 150-ти человек. В первый же день процесса вся обширная площадь Хазратабал сплошь была заполнена народом. Великолепно дисциплинированная охрана исключала возможность побега или беспорядков.

Суду были преданы: Муэтдин Усман Алиев, его начальник штаба Янги-бай Бабашбаев, начальники отрядов Саиб Кари Тюрякулов, мулла Тока Алиев, Исхак Нисанбаев, палач банды Камчи Темирбаев, басмачи из личной охраны Умурзак Широходжаев, Сатыбай Матназаров и четверо других, лично приближенных к Муэтдину басмачей. Всем им были предъявлены обвинения по статьям 58, 76 и 142 УК РСФСР.

Тяжелые картины прошли перед судом и народом во время шестидневного разбора дела: выжженные кишлаки, изуродованные дехкане, изнасилованные девушки, разодранные на части младенцы. Гул негодования сопровождал каждое показание свидетелей. По личной инициативе являлись делегации из самых отдаленных уголков Ферганы, чтобы развернуть перед судом страшную картину басмаческого владычества.

И на каждое показание свидетелей Муэтдин упорно и резко отвечает: «Ложь... Неправда...» Того лошадь задавила, тот сам себя убил, этот погиб в бою, а тот умер от водки и т. д., и лишь изредка бросает отрывисто: «Да, этих двух казнил я».

— Как казнил?—спрашивает суд.

— Я отдал приказ, но как казнили, не знаю,— отвечает уклончиво Муэтдин.

На четвертый день на процессе присутствовало около 3000 жителей.

Один из свидетелей мулла Мухамед Умаров рассказывал о потрясающих картинах пыток и убийств, учиненных Муэтдином: «Я сам уцелел лишь потому, что Муэтдин не рискнул меня убить: меня как духовника уважало население».

Подтверждая показания о массовых зверствах Муэтдина, на вопрос суда: «А как же шарият?» седобородый мулла закричал: «Он никакого шарията не признавал. Его шарият—грабежи и убийства».

В заключение Умаров заявил суду, что его уполномочило население трех наукатов сказать, «что, если хотя бы один из этих преступников будет освобожден, мы все бросим свои родные места и уйдем в горы или в Мекку».

Совершенно неожиданно мулла Умаров обращается к народу и тысячная толпа опускается на колени и начинает молиться. Я не знал, как мне реагировать на все это. Член суда товарищ Рустемов объяснил мне, что они возносят аллаху мольбу за праведный суд, укрепление Советской власти и справедливое возмездие Муэтдину и его сообщникам.

Пришлось прервать заседание суда, пока молитва не закончилась. Нашей охране неоднократно приходилось оттаскивать от обвиняемых бросавшихся на них свидетелей, намеревавшихся лично отомстить за погибших родственников.

А Муэтдин угрюмо молчал, изредка покусывая губы.

Дважды кто-то поднимал ложную тревогу о приближении басмачей. Выдержка суда и воинских частей предотвратила панику. Процесс продолжался. Речь товарища Тюрякулова, требовавшего расстрела бандитов, сопровождалась сплошным гулом одобрения.

Совершенно неожиданно разыгрался инцидент с защитником Гумеровым. Когда он перечислил обстоятельства, смягчающие вину подсудимых, и предложил заменить расстрел лишением свободы, дикие крики взорвали площадь. Оказалось, что это были угрозы по адресу Гумерова, которого заподозрили в сочувствии басмачам. Пришлось адвокату объяснить, что Советская власть такая справедливая власть, что даже таких закоренелых преступников, как Муэтдин, не оставляет без защиты.

26 сентября в 11 часов 30 минут дня суд вынес приговор. Муэтдин и семеро его сподвижников были приговорены к расстрелу.

И тут мы узнаем, что басмач Нурмат Минбаши с джигитами показался под самым Ошом. Полк должен был немедленно выступить для операций против Рахманкула и других басмачей. Создавалась определенная угроза попытки организовать побег. А между тем суд должен был ожидать утверждения приговора из Москвы. Как быть?

Выносим дополнительное постановление: военный трибунал в полном сознании революционной целесообразности и необходимости считает необходимым приговор привести в исполнение немедленно. Даю предписание коменданту: отвести осужденных к подножию горы Сулейман и немедленно расстрелять, оцепив сначала прилегающий район.

Сам с составом суда иду на место расстрела. Но пока делались предварительные приготовления, прибежал перепуганный Леонов. Он сообщил, что тысячная толпа прорвала воинские цепи и пытается учинить самосуд над осужденными. Кое-как удалось оттеснить напавшую толпу. Выбиться из сплошного окружения не было никакой возможности. Во избежание паники и других последствий пришлось действовать решительно. Даю знак начальнику конвоя.

Резкая команда: «По бандитам и врагам революции, взвод, пли!»

Два залпа—и с Муэтдином и его подручными покончено.

Толпа бросилась к яме и стала закидывать её заранее приготовленными отбросами и нечистотами. Вся накопившаяся ненависть пострадавшего населения и злоба к бандитам вылились в этом порыве.

И долго в моих ушах стоял оглушительный рев толпы: «Сдохни! Сдохни!» в ответ на последнюю просьбу осужденных принять от них разломленные куски хлеба как символ прощения за все обиды. До позднего вечера раздавались в городе звуки восточных оркестров. Через два дня я был в поселке Куршаб и в городе Узгене. И здесь все население стихийно и единодушно праздновало конец Муэтдина.

Через два месяца, с 27 ноября по 2 декабря, на базаре туземной части города Коканда с полевой сессией трибунала я слушал дело узбекского главнокомандующего басмаческими бандами Рахманкула и его штаба. Процесс однородный с муэтдиновским, и преступления равноценны.

Узбекское население требовало беспощадной расправы с насильниками, точно так же, как население Оша требовало расправы с Муэтдином. 11 басмачей были расстреляны в день вынесения приговора.

Третий вожак басмачей — Амир Ляшкар Баши (Исламкул) был расстрелян по приговору военного трибунала фронта уже после моего отъезда из Туркестана в 1923 году.

А. Аздаунас

ОТВАЖНЫЙ КОМАНДИР

На одной из центральных улиц столицы Киргизии стоит современное здание. Сквозь фасадную стеклянную стену виден старый глинобитный дом. В этом доме в 1885 году родился легендарный Герой гражданской войны Михаил Фрунзе. Необычайно интересна экспозиция музея. Здесь собраны не только фотографии М. Фрунзе, его личные вещи. На отдельных стендах хранятся боевые награды ближайших соратников командира, которые напоминают о тех суровых днях, когда решалась судьба горного края—Киргизии.

Во время осмотра залов музея мое внимание привлекла деревянная кобура маузера. На металлической пластинке выгравировано: «Виктору Маргайтису от Коллегии ГПУ за беспощадную борьбу с контрреволюцией. 20. VIII. 1930». Описание гласит, что Виктор Маргайтис будучи командиром одной из воинских частей чекистов проявил чрезвычайную отвагу в борьбе с басмачами. Я попросил работников музея показать сохранившиеся документы. Оказывается, Виктор Маргайтис живет во Фрунзе, в переулке Шаумяна, 14. В радиусе нескольких кварталов его знают все от мала до велика. Быстро отыскал нужный адрес. Дом стоит в тихом месте. Весь утопает в зелени. В окно стучат ветки черешни, белеют стволы яблонь.

Приоткрываю калитку. Лежащая неподалеку собака лениво залаяла и снова улеглась. Видимо, привыкла к появлению чужих людей. Мимо пронесся мальчонка, размахивая деревянной саблей. На голове буденовка. «Внук Маргайтиса подражает деду»,—подумал я и не ошибся.

Через несколько минут познакомился с Виктором Маргайтисом. Передо мной стоял худощавый, высокий человек. Волосы с проседью, пышные усы каштанового цвета. Очевидно, от папиросного дыма. Прямая осанка, быстрые движения. Говорил В. Маргайтис необычайно живо, логичности его рассуждений можно позавидовать.

Он был очень рад гостю с родины его отцов, поэтому, казалось, его рассказам не будет конца. На столе лежали всевозможные документы, награды, снимки, рукописи воспоминаний.

Дед и отец В. Маргайтиса родом из Шауляя. Еще в конце прошлого века они приехали в Россию. Отец в Москве изучил агрономию и уехал работать в Закавказье. Вскоре там умер. Трудные условия жизни вынудили мать Виктора отдать сына в пансион. Брат Альгирдас и сестра Алдона жили вместе.

В 1916 году восемнадцатилетнего Виктора взяли в армию. Вскоре— Октябрьская революция. Трудные дороги гражданской войны привели его в Среднюю Азию. В Ферганскую долину он прибыл уже не рядовым— в 1920 году толковый юноша стал командиром эскадрона.

Когда в России гражданская война подходила к концу, Туркестан еще опустошали банды басмачей и остатки белогвардейцев. В тылу у Советской власти оставался эмир Бухары с 40-тысячным войском. 1 сентября 1920 года войска Туркестанского фронта под командованием М. В. Фрунзе начали штурм Бухары. Атакующих встретил сильный огонь. Однако сдержать красноармейцев не удалось. Одним из первых в город ворвался эскадрон кавалеристов, которым командовал В. Маргайтис. Красный флаг взвился над древней Бухарой.

Осенью 1922 года Маргайтис начал командовать отдельным эскадроном войск ЧК—ГПУ. Направили его в город Коканд, в окрестностях которого свирепствовали басмачи. Здесь он вместе с командиром отряда Нуркулом Орозалиевым совершил немало смелых операций. Кажется, не осталось ни одного горного ущелья, ни одного кишлака, где бы не прошла часть Маргайтиса. Киргизы хорошо знали его. Каждый хозяин принимал его в своей юрте как долгожданного гостя. Было за что благодарить отважного командира, защищавшего крестьян от жестокости и грабежей басмачей.

В 1923 году террору басмачей в сущности был положен конец. В деревне ждали перемен. Ждали земли и воды. Однако баи и манапы не собирались так легко сдаваться. Всяческими способами убеждали темный люд не слушать представителей новой власти. Духовенство пугало людей кораном, который возмущал против того, чтобы у господ забирали скот, поделили землю.

И все же новое брало верх. Наступили годы коллективизации. А остатки старого мира—манапы и курбаши, поощряемые агентом иностранной разведки ишаном Насырханом-тюря организовали вооруженную банду на юге Киргизии. Они нападали на уже созданные колхозы, местные Советы, кооперативы, жгли дома и убивали людей. Маргайтиса снова направляют на трудные участки борьбы.

Немыслимо в короткой статье перечислить подвиги Маргайтиса, сражения, в которых он участвовал, во время которых часто приходилось глядеть смерти в глаза. Однако закаленный боец всегда выходил победителем из поединков со смертью. И не только потому, что так складывались обстоятельства. Чекист меньше всего думал о себе.

В отряде служил разведчиком воспитанник детдома Б. Буранов. Комсомолец отлично знал местность. Он часто провожал бойцов во время переходов по труднопроходимым горным ущельям. В роли чабана,

разыскивающего заблудшее стадо, он узнавал, где скрываются басмачи. Ему всегда сопутствовала удача. Однако однажды молодому разведчику не повезло.

Контрабандист Ады-Ходжаев, бежавший из тюрьмы, организовал вооруженную банду, которая напала на один из районных центров, убила начальника ГПУ и милиции. Отряд Маргайтиса долго преследовал банду, но ей удалось укрыться в горах. На разведку послали Буранова и его друга Океева Мамата. Пройдя всю ночь, они под утро вышли к нескольким юртам. Местные жители рассказали юношам, что на них совершили налет бандиты, разграбили юрты, угнали овец.

Неожиданно к юрте, где находились разведчики, подъехали всадники. Ими оказались те басмачи, которые ранее посетили это место. Они заподозрили в Буранове разведчика, так как на нем были добротные сапоги. Окееву удалось скрыться. Начался допрос. Разведчика избили до потери сознания, связали и бросили в яму, где хранилось зерно. Приказав хозяину нарезать барана, развлекались до вечера. А в это время Океев мчался в отряд сообщить о беде. Поздно вечером отряд Маргайтиса был на месте, захватив басмачей врасплох. В яме нашли полуживого разведчика.

...До позднего вечера сидели мы в уютной квартире В. Маргайтиса. Я с интересом слушал полные романтики рассказы. Хозяин показал свои награды, значок «Почетного чекиста», именное оружие и золотые часы. Гвардии майор В. Маргайтис с боями прошел от Сталинграда до Молдавии.

Более 30 лет прослужил в армии этот сильный и волевой человек. В 1968 году ему исполнилось 70 лет. Но В. Маргайтис не по годам бодр. 13 лет руководит квартальным комитетом микрорайона. У него всегда полно людей. Приходят за советом писатели и историки, ветераны-солдаты.

На прощание он взволнованно сказал:

— Когда вернешься в Литву, передай ее людям мой сердечный поклон. Хотя я никогда не видел Литву, но в часы раздумий я всегда уношусь мысленно в край отцов и гордился им.

В. Маргайтис

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

1. Враги получают отпор

В июне 1921 года в Намангане состоялся съезд Советов уезда. Одним из вопросов, который рассматривался на нем,—это создание отрядов самообороны, руководством которыми должно осуществляться органами ЧК. На эти отряды возлагалась задача защищать население от басмаческих банд. На съезде присутствовала киргизская делегация во главе с Нуркулом Орозалиевым.

Съезд одобрил инициативу о создании отрядов самообороны и вынес решение о возбуждении ходатайства перед Ферганским облревкомом о выделении оружия. Ходатайство было удовлетворено, и через некоторое время из Намангана в селение Нанай, где в это время были собраны добровольцы из числа бедняков и середняков Багышской и Баястанской волостей, доставили 80 винтовок.

Добровольцы, или добротрядцы, как их стали потом называть, понимали, что впереди предстоит суровая и беспощадная борьба с хитрым и коварным врагом, хорошо знающим местные условия, маскирующегося под местного жителя, но настроение у людей было боевое.

Население волостей и уездов, терроризируемое безудержным разгулом басмаческих шаек, поборами, грабежами и убийствами, поднималось на вооруженную борьбу против злейшего врага Советской власти. Неграмотный и забитый, веками одурманиваемый религиозными догмами народ начинал прозревать, все больше сознавая, какие цели преследуют главарь басмачества.

Командиром Баястанского отряда, переименованного затем в Ала-Букинский, был назначен Орозалиев Нуркул, а командиром Багышского отряда назначили председателя этого же волостного исполкома Чангилова Иманкула. Однако обстановка потребовала вскоре объединения сил обоих отрядов под командованием Орозалиева.

Полномочным представительством ВЧК по Туркестанскому краю командиру добротряда предписывалось в районе действия его отряда

вести самую беспощадную борьбу с басмачеством. На командира и его помощников возлагалась вся оперативно-чекистская работа. Командиру представлялось право использовать отобранное у басмачей оружие для усиления отряда.

Действия отряда распространялись на Кызыл-Джарский район, Чаткальскую долину и территорию, лежащую севернее города Намангана, где появлялись банды курбашей Аман-Палвана, Баяса, Истамбека, Якуббека, Дадабая и некоторых других.

Вторая половина 1921 года прошла для добротрядцев сравнительно спокойно, но 1922 год оказался наполненным событиями. В середине февраля были получены сведения о том, что со стороны гор появилась небольшая шайка басмачей, которая забрала у жителей одного из отдаленных кишлаков пять лошадей. Той же ночью на преследование бандитов выступил конный взвод Джээнкула Джумабаева и близ села Искават настиг их. В завязавшейся перестрелке двое басмачей, в том числе юзбаши Ибрагим, были убиты, а шестеро взяты в плен. У бандитов отобрали шесть винтовок, две шашки и восемь лошадей. Пленные рассказали, что их курбаши Аман-Палван с остальными силами находится в горах и усиленно готовится к набегам. Располагая такими данными, бойцы отряда также стали активно готовиться к предстоящей встрече с противником, тренируясь в стрельбе и владении саблей.

В конце марта спустилась с гор и вошла в село Касан банда Якуббека численностью до 250 всадников. Находившийся в селении малочисленный гарнизон занял оборону: для наступления на врагов сил было маловато. Басмачи разбрелись по дворам. Отовсюду неслись крики, плач, лай собак и рев скотины, выгоняемой из дворов, одиночные выступления.

Получив эти сведения, в Касан немедленно выступили 60 бойцов во главе с Д. Джумабаевым. Отряд обнаружил банду в тот момент, когда она, подгоняя стадо скота, вышла из села и направилась правым берегом речки Касан-Сай в сторону гор. Добротрядцы сходу вступили в бой, но басмачи, пользуясь своим численным преимуществом, попытались окружить бойцов. И это им удалось, но подоспел на помощь отряд Орозалиева. Бросив скот и часть награбленного имущества, басмачи отступили в горы. Ночь не позволила вести дальнейшее преследование банды. Этот бой показал, что отряду под силу борьба с крупными шайками басмачей, и это вдохновляло бойцов. Накапливался боевой опыт, росла активность отряда, и он во взаимодействии с подразделениями Красной Армии переходит к активным наступательным действиям.

В апреле в направлении кишлака Урта-Тукай прошла часть банды Аман-Палвана численностью до сотни всадников. Близ кишлака Узьяк, на одном из курганов, басмачи окружили шесть красноармейцев из подотряда, сопровождавших обоз с продовольствием и фуражом, и после небольшой перестрелки зверски расправились с ними. Еще несколько дней спустя басмачи задержали посланного в разведку добротрядца Шералы Ниязбекова. Стремясь получить сведения о численности гарнизонов в

кишлаках, его подвергли жестокому избиению нагайками, выбили глаз, но мужественный боец выдержал пытки.

Для преследования появившейся банды в направлении Урта-Тукая направили весь Ала-Букинский отряд и двадцать бойцов 13-го Туркестанского стрелкового полка под командованием политрука Азизова. Банда была обнаружена и атакована объединенными силами. После перестрелки басмачи отступили по ущелью в труднопроходимые горы. Противник оказался в выгодном положении, и дальнейшее его преследование могло стоить отряду многих жертв. После короткого совещания решили вернуться в Ала-Буку.

Через несколько дней разведчики-киргизы сообщили, что ушедший в горы курбаши Аман-Палван объединился там с Якуббеком. Между ними была достигнута договоренность о строительстве в труднодоступном месте в горах крепости, где можно укрыться от преследования, отсиждаться, собрать силы для очередных набегов в долины. Место для крепости выбрали удачно: оно прикрывалось высокими отвесными скалами и пройти к ней можно только по узкому ущелью, пробитому речкой Касан-Сай. В самом ущелье соорудили несколько завалов, удобных для устройства засад.

Наманганская Чрезвычайная Комиссия и командование боерайона располагали данными о концентрации в горной зоне Ала-Букинского района банд Аман-Палвана, Якуббека и некоторых курбашей общей численностью до 600 человек и понимали, что в любой момент можно ожидать нападений на села и кишлаки. Учитывая создавшуюся обстановку, было решено провести операцию против банд силами добротрядов и частей Красной Армии. Общее руководство возлагалось на председателя Наманганского боерайона, опытного чекиста Павла Игнатьевича Соленова.

И вот в начале июля из Ала-Буки выступили два эскадрона Киргизского отряда под командованием Мамбеталы Булатова и Ала-Букинский отряд в 60 всадников во главе с Нуркулом Орозалиевым. Оба эскадрона, совершив сложный переход, пошли на приступ басмаческой крепости с тыла, а Ала-Букинский отряд — по щели через завалы. В завязавшемся бою басмачи, потеряв пятнадцать человек, отступили далеко в горы.

В это же время активизировалась деятельность банд курбашей Арзумата, Султана и Истамбека. Пути их следования отмечались многочисленными убийствами активистов и сочувствующих Советской власти. Киргизские эскадроны в этой связи были переброшены к кишлакам Варзык и Кара-Курган Чустского района, где с частями Красной Армии и отрядами милиции, прибывшими из Коканда, выступили против басмачей.

Не стали отсиживаться в горах и банды Аман-Палвана и Якуббека. Как только эскадроны ушли из Ала-Буки, одна из групп басмачей спустилась с гор и появилась близ села Урта-Тукай. Навстречу им поспешили два взвода конной разведки 13-го Туркестанского пехотного полка под командованием Эрдмана.

Басмачам удалось окружить оба взвода, и хотя многочисленные атаки противника были отбиты, положение отряда с каждым часом ухудшалось. Неожиданно в тыл басмачам ударил подошедший взвод Ала-Букинского добротряда. Басмачи, теряя раненых и убитых, поспешно отступили.

А разведчики по-прежнему сообщали, что в горах продолжается концентрация шаек басмачей, общая численность которых достигла уже 800 человек. Командование боерайона приступило к разработке широкой боевой операции. Планом предусматривалось окружение и уничтожение скопившихся в местности Шакаптар-Сумсар басмаческих банд. Для этого в районе кишлаков Варзык и Кара-Курган были сосредоточены два эскадрона Киргизского отряда под командованием М. Булатова, два эскадрона конной разведки под командованием Кишенина и Иванова и эскадрон Наманганской уездно-городской милиции под командованием Копосова, а в Ала-Буке—добротряд Нуркула Орозалиева. Бойцы готовились к предстоящим схваткам, учились действиям в пешем и конном строю, тренировались в стрельбе, запасались боеприпасами.

7 октября 1922 года боевая операция началась. Эскадроны конной разведки и Наманганской милиции двинулись через перевал Джалгыз-Урюк вдоль реки Кок-Серек и далее в верховье речки Сумсар с задачей занять проходы со стороны Сумсара и ожидать подхода отрядов, идущих вдоль реки Сумсар со стороны Шакаптара, вступив затем с ними во взаимодействие.

Эскадрон Киргизского отряда Асанбека Кабаева выдвинулся вверх по речке Касан-Сай и занял в районе Ак-Таша пути, ведущие в Чаткальскую долины. Добротряд Н. Орозалиева вышел из Ала-Буки к кишлаку Сары-Камыш и выставил там заслон. Такое широкое наступление наших отрядов явилось для басмачей большой неожиданностью. Это был первый поход в зимних условиях.

События разворачивались быстро. Эскадроны, двигавшиеся по речке Кок-Серек, натолкнулись на слабое сопротивление противника. Басмачи, потеряв двенадцать человек убитыми и пять пленных, обратились в бегство. В Шакаптаре бандиты после небольшой перестрелки ушли в направлении Сумсара. Эскадрон Кабаева беспрепятственно прошел в местность Ак-Таш и занял там пути возможного движения басмачей. Ала-Букинский отряд в крепости Мусурман-Сай имел короткую стычку с группой басмачей, которая затем ушла вниз по Касан-Саю.

Добротряд, разбившись, на две группы, стал продвигаться в верховья рек. В одном из ущелий группу, в которой находился Н. Орозалиев, окружили басмачи. Противник, заняв на высоких склонах господствующее положение, не давал бойцам возможности продвигаться по ущелью ни вниз, ни вверх. Положение отряда становилось сложным: был убит один боец, и отряд потерял тридцать лошадей—басмачи умышленно выбивали их, понимая, что это сильно ослабит боеспособность подразделений. Трудно сказать, чем все могло закончиться, не подойди на помощь эскадроны Кишенина и Булатова. В завязавшемся бою, длившемся несколько часов, басмачи предприняли несколько попы-

ток окружить всех наших бойцов, заперев их в ущелье, но осуществить свой замысел им не удалось. Во второй половине дня к месту боя со стороны Кок-Серека подошли эскадроны Иванова и Копосова и с ходу вступили в бой.

Скалистые горы не позволяли действовать в конном строю, и спешившие бойцы, укрываясь за обломками и выступами скал, короткими перебежками, медленно, но упорно сближались с басмачами. Тут и там дело доходило до рукопашных схваток. Узкая теснина наполнилась треском винтовочных выстрелов, криками и стонами людей. Басмачи, отступая, поднимались все выше и выше и с темнотой окончательно оторвались от наших отрядов.

В этом бою басмачи потеряли тридцать пять человек убитыми и шестнадцать ранеными. Потери с нашей стороны составили одиннадцать человек убитыми и двенадцать ранеными. В последующие два-три дня в горах выпал глубокий снег. Прекратив преследование, отряды спустились в долину и вернулись к местам своей дислокации.

Несколько позднее стало известно, что в этих схватках не принимала участие шайка Якуббека, насчитывавшая около 150 всадников.

Дело заключалось в том, как сообщили разведчики и пленные басмачи, что в борьбе за главенство у Якуббека возникли разногласия с другими курбаши. Недавние союзники становились врагами. По приказанию Якуббека, были убиты сын курбаши Арзумата и родственник курбаши Баяса, после чего вражда между ними настолько обострилась, что произошло несколько ожесточенных вооруженных стычек.

Наступила зима. Для добротрядцев она прошла спокойно, басмачи не беспокоили район и боевых операций не проводилось.

В апреле—мае 1923 года в связи с примирением Якуббека и Аман-Палвана против этих курбашей и их банд проводились оперативно-чекистские мероприятия. Результатом их явилось разоружение Якуббеком банды Аман-Палвана и сдача ее вместе с курбашой советским властям. На повестку дня встала новая, не менее трудная задача — привести к сдаче басмачей самого Якуббека, забрать около 400 единиц оружия, отобранного им у курбаши Аман-Палвана.

Якуббек приказал своему брату Ахмадбеку, временно ставшему главарем банды, сдать оружие, но тот отказался. Тогда против него направили два эскадрона Киргизского отряда и Ала-Букинский добротряд под общим руководством М. Булатова. В столкновении 10 мая в районе Урюкты банде был нанесен сокрушительный удар, после чего она распалась и в течение последующих дней по частям сдалась. Ахмадбек с шестьюдесятью басмачами бежал в Чаткальскую долину, где был разоружен Баясом.

Участие Ала-Букинского добротряда в ликвидации банд курбашей Аман-Палвана и Якуббека, Ахмадбека высоко подняло среди населения авторитет и отряда, и его командира Нуркула Орозалнева. Следует также сказать, что большое уважение и известность Н. Орозалиев снискал не только своими боевыми делами. Много сил и энергии он отдавал регулированию водопользования между дехканами в периоды острой

нехватки поливной воды, что в условиях Средней Азии представляло серьезную проблему. Не случайно в народе называли Нуркула Мирабаши — хозяин воды.

С августа по ноябрь 1923 года Ала-Букинский отряд во взаимодействии с подразделениями 4-го Туркестанского полка, Киргизским отрядом и эскадрой Наманганской уездно-городской милиции участвовал в боевых операциях в Чаткальской долине против банд курбашей Баяса и его брата Султана. В этих операциях бойцы отряда благодаря своим широким связям с населением Чаткала выполняли роль разведчиков, проводников и пропагандистов Советской власти, чем ускорили разложение банды Баяса, насчитывавшей до 700 вооруженных человек, и добровольную ее сдачу.

За умелое командование отрядом, за проявленное мужество, энергию и решительность, что способствовало разложению и ликвидации шаек Якуббека, Ахмадбека, Аман-Палвана и Баяса, Нуркул Орозалиев был представлен к награждению орденом Красного Знамени.

И в последующие годы, в моменты всплеск басмачества, добротряд Орозалиева отлично справлялся с возлагавшимися на него задачами. В 1928 году к X-летию РККА Нуркул Орозалиев за ликвидацию бандитизма в Наманганском районе в бытность начальником отряда ЧК—ГПУ в 1922—1923 годах и проявленную при этом решительность награждается Председателем Реввоенсовета Союза ССР Уншлихтом Почетной грамотой.

И по сей день жители Ала-Букинского района с уважением вспоминают имя мужественного чекиста Нуркула Орозалиева, самоотверженного защитника Советской власти, верного сына Киргизии.

2. Мы проводим реформу

В 1927 году в республиках Средней Азии намечалось проведение земельно-водной реформы. Прежде основная часть поливных земель принадлежала баям, манапам, духовенству, естественно, что и поливной водой, дефицитной в этих районах, распоряжались тоже они. Земельно-водной реформой предусматривалось изъятие излишков земель у богатых землевладельцев и передача ее дехканам и чайрикерам (издольщикам). Изъятие земель у крупных баев, манапов, мусдуховенства и влиятельных родовых аксакалов сопровождалось сопротивлением. Оно выражалось в организации массовых молебствий, разрушении мостов, устройстве завалов на верховых тропах в горах. Не брезговали реакционеры и клеветой на советских и партийных работников.

Сталкиваясь с активными формами сопротивления мероприятиям Советской власти со стороны богатой верхушки, продолжавшей угнетать и безжалостно эксплуатировать бедноту, мы вынуждены были прибегнуть к их выселению. В проведении земельно-водной реформы активное участие принимали и сотрудники органов ОГПУ. Мне пришлось заниматься этим вопросом в Чаткальской долине и Кызыл-Джарском районе.

Чаткальская долина — горный район, куда проехать верхом можно было только в летние месяцы. С наступлением холодов пробиться через засыпанные снегом перевалы представляло большую трудность. В это время года жители Чаткала были оторваны от всех остальных мест. Попытки распределить землю между бедняками в этом районе наталкивались на жесткое сопротивление. Дело заключалось в том, что в Чаткале сконцентрировались бежавшие от возмездия басмачи, контрреволюционные и уголовные элементы, нашло себе пристанище многочисленное духовенство: наличие «святого» места Идриса Пайгамбара у кишлака Янги-Базар ежегодно привлекало большое число паломников из Киргизии, Узбекистана, Таджикистана.

Судебно-исполнительную власть в Чаткале вершили бий и казий царского времени, богатые и влиятельные люди, оказывавшие большое влияние на окружающих. Сельские Советы находились в их полном подчинении.

Янги-Базар — большой кишлак узбекского типа: глинобитные домишки, чайханы, караван-сарай, торговые лавки, кузницы... В зимнее время в кишлаке было тихо и малоллюдно. С открытием перевалов Брич-Мулла со стороны Ташкента, Тюз-Ашу и Чанач со стороны Южной Киргизии, Кара-Буру со стороны Таласа сюда непрерывно прибывали паломники. Ехали ишаны и имамы, торговцы и табибы (лекари), знахари и юродивые, ремесленники и байы. Наводнялись мечети, оживали лавки, чайханы украшались коврами и кошмами, кипели большие самовары, в котлах варились мясо, плов. Улицы кишлака поливались и подметались. В лавках продавались сладости, соль, спички, мыло, духи, различные ткани, ичиги, азиатские галоши, ювелирные изделия, священная книга — коран и, как ни удивительно, здесь же можно было купить новые английские электрические фонари. В лавках развешивались шелковые полотнища с вышитыми на арабском языке изречениями из корана.

На улице, в тени деревьев, парикмахеры острыми ножами брили головы клиентов, смачивая их водой из рядом бегущего арыка, красили хной бороды. Лекари пускали возле этого же арыка кровь больным людям и лошадям. Знахари заклинаниями «лечили» от всех болезней. Ювелиры изготавливали украшения для женщин, чеканили серебряные бляхи для конской сбруи. Шла бойкая торговля скотом, кожами, седлами и прочим товаром. Здесь же, на базаре, бий и казий судили и разрешали все спорные вопросы. Базар жил своей шумной и многоголосой жизнью.

Направили меня в Чаткал с задачей выселить оттуда бия и казия, мешавших проведению мероприятий Советской власти. Вместе со мной выехал Нуркул Орозалиев, пользовавшийся среди местного населения большим авторитетом.

Встал вопрос, как осуществить выселение, не прибегая к насилию. Выход из положения нашли. Бию и казию объяснили, что они должны быть утверждены в своих должностях и получить на это мандаты от Джалал-Абадского исполкома, в связи с чем им надлежит выехать туда. На совещании аксакалов было решено отправиться через ближайший

перевал Тюз-Ашу на Шакаптар и далее через Касан в город Наманган, откуда поездом в Джалал-Абад. Гонцы тут же поехали по намеченному маршруту сообщить об этом событии.

На рассвете в сопровождении сорока—сорока пяти близких родственников бий и казий двинулись в путь. Рядом с ними — мы. За перевалом нас встречали бай, манапы и другие влиятельные лица. Принимали бия и казия в белых юртах с богатыми угощениями, дарили им лошадей.

Прибыли в Наманган. Уполномоченный ОГПУ Николай Матвеев разместил нас и судей в гостинице, а сопровождающих лиц — в чайхане. Ночью мы выехали в Джалал-Абад. Провожатые, не застав нас утром в гостинице, продали подаренных судьям лошадей, поделили деньги, сделали покупки и уехали обратно...

После выселения с юга Киргизии ряда лиц, препятствовавших проведению земельно-водной реформы, комиссии приступили к работе. Они, как правило, состояли из представителя райисполкома или районного комитета партии, представителя ОГПУ, председателя местного Совета, землеустроителя и технического аппарата.

Направили меня с комиссией в Кызыл-Джарский район в кишлак Караван. В сельсовете собрали актив и разъяснили положение о порядке проведения земельно-водной реформы, о том, сколько положено дехканам поливной земли, рабочего скота, сельхозинвентаря, фуража и семян. Основная часть сельского актива — бедняки киргизы и узбеки — одобрительно отнеслись к намечаемым мероприятиям. Однако некоторые чайрикеры отмалчивались. Двое узбеков, имеющих родственников среди духовных лиц, высказались против, ссылаясь на то, что по корану большой грех отбирать имущество у господина, и покинули совещание актива, тут же сообщив байам о намерениях комиссии.

После собрания комиссия приступила к составлению соответствующих документов, списков лиц, у которых надлежало изъять излишки земли и прочего. Для проведения этой работы привлекли сельских активистов, хорошо знавших, чем располагали местные богачи. Полученную информацию комиссия тщательно перепроверяла. Подводя итоги, у кого и сколько надлежало изъять, решили созвать общее собрание. Клубов в то время не было, и жители собрались на небольшой площади. Держались кучками и что-то оживленно обсуждали.

Председательствовал Чангилов. Вначале собрание проходило спокойно, но, когда зачитали списки с указанием, у каких баев предстоит забрать скот и землю, страсти разгорелись. Крики, шум, местами дело доходило до драки. Лица духовного звания опять пытались убедить присутствующих не брать имущество, ибо это повлечет за собой наказание аллаха. Более активные бедняки выкрикивали, что они и так наказаны и баем, и аллахом: сколько ни трудятся, но вместе с семьями остаются голодными и нищими.

На следующий день приступили к выполнению принятого решения и сразу же столкнулись с новой трудностью: бедняки отказались брать выделяемое, ссылаясь на коран. Но, как выяснилось, причина заключалась в другом: если бай был из того же рода, что и он, дехкане отка-

зывались и от земли, и от скота, и от прочего, но охотно брали имущество баев из других родов. Эту особенность нам пришлось учитывать. Первая пробная работа в кишлаке Караван прошла мирно, без каких-либо осложнений.

Имея уже некоторый опыт, мы старались теперь предварительно изучать обстановку в тех селах и кишлаках, где проводили в жизнь земельно-водную реформу. Учитывали родовое переплетение жителей, влияние духовенства, баев и манапов, долговую зависимость бедняков, отношение одного бая к другому, изучали сельский актив. Вопросов возникало множество. Если в селах, куда мы приезжали, не было «союзов бедноты», создавали их, проводили разъяснительную работу.

В ряде населенных пунктов работа комиссии проходила вообще без каких-либо осложнений: баи охотно отдавали все, что подлежало изъятию, бедняки охотно брали то, что выделялось им. Это насторожило нас. Стали выяснять причину такого поведения и выяснили, что, по настоянию баев, бедняки после нашего отъезда возвращали почти все отобранное имущество. За выделенную беднякам землю они, как и раньше, должны были отдавать баям часть урожая, но несколько меньшую, чем до реформы. Тем беднякам, которые не соглашались на такие условия, богачи предъявляли требование немедленно уплатить долги с процентами. Ведь большинство дехкан и чайрикеро́в постоянно находились в долговой зависимости. Выявив таких баев, устроили над ними показательный суд, обвинив их в ростовщичестве. Это был наглядный урок отношения Советской власти к беднякам и хорошим предостережением для богатых.

Приехали мы в кишлак Софи-Мазар. Там — несколько мечетей, десятков ишанов, большое число иманов, шейхов, мюридов. Духовенство владело всеми прилегавшими к кишлаку поливными землями, эксплуатировало дехкан и чайрикеро́в. Председателем сельсовета был Давлет-ходжа, духовное лицо, секретарем — имам мечети. «Союза бедноты» не существовало.

Когда комиссия въехала в кишлак, все население попряталось в домах. Улицы опустели, стояла настороженная тишина. Ни председателя сельсовета, ни секретаря разыскать не удалось. Решили приступить к замеру полей.

Когда землемеры начали свою работу, из кишлака к нам подъехали двое всадников в белых чалмах. Оба оказались имамами мечетей. Понаблюдав за действиями землемеров, они поинтересовались, что делают посторонние люди. Член комиссии, уполномоченный районного комитета партии Хабиб Иксанов объяснил им, что поскольку в кишлаке никто говорить с комиссией не желает, вся земля после обмера будет передана дехканам соседнего селения. Это заявление явно встревожило имамов. Посоветовавшись между собой, они заявили, что поедут в кишлак и пришлют сюда представителей власти.

Вскоре к нам приблизилась на лошадях большая группа духовенства вместе с председателем и секретарем сельсовета. Давлет-ходжа предъявил нам дореволюционные документы, в которых указывалось о

принадлежности земли. Иксанов ознакомился с ними и заявил, что они в настоящее время утратили силу, что землей теперь распоряжается Советская власть через своих представителей на местах, разъяснил цель и задачу комиссии. Аксакалы отошли в сторону и начали совещаться, мы же тем временем вновь занялись своими делами. Совещались довольно долго, с беспокойством поглядывая в нашу сторону, затем пригласили нас в кишлак.

Судя по тому, какую встречу устроили нам, духовенство времени зря не теряло. Толпа женщин в паранджах и чачванах, громко крича и плача, следовала за нами по Софи-Мазару. Впечатление было такое, что в кишлаке оплакивают покойника. Лошади прядали ушами, тревожно вскидывали головы, да и мы чувствовали себя не очень хорошо в такой обстановке. С трудом выяснили, что женщины напуганы приездом «неверных», которые хотят забрать их кормильцев, а имущество поделить между собой. Иксанов долго говорил с женщинами, но так и не смог убедить их. Они разошлись только тогда, когда с минаретов мечей азанчи начали призывать правоверных к вечерней молитве.

Мы медленно двигались по узеньким улочкам кишлака, с обеих сторон, как стеной, огороженных высокими глиняными дувалами с узкими калитками. Подъехали к большому дому. Давлет-ходжа велел бедно одетым подросткам поставить лошадей в конюшню, а нас провел в большую комнату.

Стемнело. Один из мальчиков внес светильник — баночку с хлопковым маслом и фитилем, второй принялся разжигать камин. Принесли черствые кукурузные лепешки, зеленый чай и одну пиалу. Мы достали привезенные с собой припасы, наскоро перекусили, после чего члены комиссии — старший землеустроитель Николай Яковлевич Воротников, два техника-землемера, уполномоченный Хабиб Иксанов, предволсполкома Чангилов, народный судья Валиева, следователь Герасимов, связанной, бывший добротрядец Тургун Касымов, секретарь комиссии Валя Ткачева, чертежница Катя Фролова и я обсудили создавшееся положение. Наметив план работы на следующий день, стали укладываться спать.

В одиннадцатом часу вечера пришел Давлет-ходжа в сопровождении четырех подростков, которые внесли две большие керосиновые лампы, кошмы, одеяла, подушки. Накрыли скатерть. Еще двое молодых людей в богатых одеждах, сыновья ишана Мирзабая, внесли на подносах всевозможные лакомства: горячие белые лепешки, урюк, кишмиш, вязки сушеных дынь, мед, масло. Принесли громадное блюдо с ароматным пловом. Давлет-ходжа прочел молитву, и все приступили к еде.

После столь позднего ужина Давлет-ходжа отозвал в сторону Чангилова и стал с ним тихо о чем-то говорить. Когда он ушел, Чангилов рассказал, что состоялось совещание духовенства кишлака, на котором порешили преподнести богатые подарки всем членам комиссии, а она за это оформит документы о том, что в кишлаке Софи-Мазар земельноводная реформа проведена. В противном случае ишан Мирзабай призовет жителей кишлака не брать чужой земли и имущества, а те, кто

ослушаются, будут жестоко наказаны аллахом. Дело принимало совершенно неожиданный оборот — нам откровенно предлагали взятку. Приходилось считаться и с влиянием духовенства на неграмотное население, подверженное религиозному фанатизму.

Решили воздержаться от работы в Софи-Мазаре и выехать в соседний кишлак Чанач. В Софи-Мазаре же необходимо было провести агитационно-разъяснительную работу, чтобы уменьшить влияние духовенства. Утром Давлет-ходже объявили, что комиссия на взятку не согласна, и, пока она будет работать в соседнем кишлаке, аксакалы пусть призадумаются над своим предложением.

Я выехал в село Нанай, где была почта, и по телефону через Наманганский и Андижанский отделы ОГПУ связался с Джалал-Абадом и попросил организовать вызов наиболее влиятельного духовенства, и в частности ишана Мирзабая, в исламское правительство (было и такое), находившееся в селе Сузак. Через четыре дня в Софи-Мазар прибыл представитель из Сузака имам Шамсутдин, который пригласил ишана Мирзабая и еще четырех влиятельных ишанов и имамов на совещание мусульманского духовенства.

После их отъезда из соседнего кишлака Ак-Курган, где уже была проведена реформа, в Софи-Мазар для агитационной работы направили пять лучших активистов, из Ала-Буки вызвали Нуркула Орозалиева с несколькими активистами. Прибыв через несколько дней в Софи-Мазар, члены комиссии отметили, что настроение бедноты заметно изменилось. Батраки и чайрикеры подходили к нам, расспрашивали, как они будут пользоваться байским скотом, землей. Рассказывали о своем тяжелом труде на богачей и тут же указывали, кто из ишанов, мулл, баев скрыл скот, инвентарь. Чтобы облегчить нашу дальнейшую работу, в Софи-Мазар по нашей просьбе еще из нескольких кишлаков прибыли сельские активисты.

Комиссия и сорок—сорок пять активистов собрались у дома ишана Мирзабая. Духовенство кучкой стоит с одной стороны, бедняки — с другой. Землеустроитель Н. Я. Воротников называет фамилии бедняков, и Иксанов вручает им документы на выделенную землю, скот и инвентарь. Когда очередь дошла до имущества ишана Мирзабая и его чайрикер Исмагулла получил вола, сыновья ишана и его родственники, выхватив ножи, бросились на Исмагулла. Один из нападавших ударил чайрикера ножом в плечо. Я крикнул активистам, чтобы они помогли заарканить нападавших. Те быстро набросили им на шею арканы, ударами камчи выбили из рук ножи и повязали их. Следователь Герасимов здесь же оформил на них материалы в суд, и через два дня шесть человек, противодействовавших проведению земельно-водной реформы, были осуждены народным судом. После этого инцидента дальнейшая работа комиссии прошла без осложнений.

В ряде населенных пунктов, несмотря на антисоветскую агитацию и запугивание со стороны бывших курбашей, баев и духовенства, бедняки с благодарностью встречали земельно-водную реформу, не давали богачам скрывать свое имущество. Активную помощь в этом оказыва-

ли существовавшие в некоторых селах и кишлаках партийные и комсомольские ячейки, «союзы бедноты».

В 1928 году в долинных районах Киргизии земельно-водная реформа в основном была завершена, но она еще не коснулась горных районов. Впереди предстояла большая работа.

3. Узгенская авантюра

На правом берегу быстрой Карадарьи, в семидесяти километрах от города Оша, расположен большой кишлак с пыльными и кривыми улочками, с домами на восточный манер, прикрытыми глиняными дувалами. Это Узген, древнейшее поселение на юге Киргизии, бывшая столица одного из уделов Караханидского государства. Сменили свое направление караванные пути купцов, и старый Узген, приостановив свой рост и развитие, так и остался большим кишлаком. И только остатки некогда прекрасных по архитектуре сооружений — мавзолеев и минаретов — свидетельствовали о его былом величии.

В одном из богатых домов с большим садом и виноградником жил Джаныбек Казы Сагинбаев — крупный манап, судья и волостной управитель при царизме, весьма влиятельный среди местного населения. В период басмачества в 1920—1923 годы Джаныбек Казы, будучи крупным курбашой, дважды сдавался Советской власти. Во второй раз он сдался вместе со своей шайкой численностью до двух тысяч человек и дал обещание никогда больше не выступать против Советской власти. Ему поверили, простили преступления. По просьбе Джаныбека, его сына Тюрабая направили учиться в Ташкент на командирские кавалерийские курсы, окончив которые, он весной 1927 года приехал к отцу в Узген.

Жил Джаныбек Казы в большом достатке, имел много скота и вел торговлю с западной провинцией Китая — Синьцзяном, куда нередко ездил сам и где пользовался покровительством местных властей. Он поддерживал отношения с белоэмигрантской верхушкой, нашедшей приют у китайских властей. Джаныбек Казы имел связь и со многими крупными баями и купцами-нэпманами, проживающими на территории Южной Киргизии и в соседних районах Узбекистана.

Представители местных органов Советской власти, учитывая влияние Джаныбека Казы и не желая обострять отношений, вынуждены были считаться с ним.

Ранней весной 1927 года в Джалал-Абадский и Ошский аппараты ОГПУ стали поступать сведения, что в местность Кара-Шоро, отдаленный горный район, съезжаются вооруженные джигиты. К ним приезжают неизвестные люди из Китая и ведут тайные переговоры.

Однажды теплым весенним вечером во двор Джалал-Абадского ОГПУ на взмыленном коне влетел фельдъегерь Костюков. Он рассказывал, что его с напарником при переходе вброд реки Карадарьи обстреляли из прибрежных кустов. Напарника с лошастью раненого или уби-

того унесло водой, ему же с секретной почтой удалось переправиться и добраться сюда. А еще через день мы узнали о трагедии на Узгенском погранпосту.

... Джаныбек Казы понимал, что не за горами то время, когда ему придется расстаться с богатством, созданным руками трудового народа. С этим он смириться не мог и не хотел, и нашенствования духовенства и других затаившихся врагов находили в его сердце понимание. Не оставалась в стороне и английская резидентура в Синьцзяне, обещавшая Джаныбеку оружие, снаряжение, деньги и другую помощь. Джаныбек начал собирать в отдаленном урочище джигитов, вооружая их на первый случай припрятанным еще в 1923 году оружием.

Открытое выступление против Советской власти решили начать с уничтожения заградительного поста на речке Яссы в трех километрах от Узгена. Такая же участь уготавливалась и для других постов. В дальнейшем, собрав под свое руководство возможно больше джигитов, Джаныбек намеревался провести ряд операций против регулярных частей Красной Армии. Путем обмана, вероломства и хитрости, заманивая подразделения в ловушки и уничтожая их по частям, он хотел как можно шире распространить свое влияние и господство. Джаныбеку казалось, что он многое продумал и предусмотрел. Но этот очень богатый человек не учел одного — интересы трудового народа коренным образом расходились с его интересами и чаяниями...

В один из дней Тюрабай пригласил в гости начальника поста, тот принял приглашение и к вечеру прибыл с коноводом.

— Зачем коноводу ждать тебя, — высказал предложение Тюрабай, — пусть едет на пост, а я после ужина провожу тебя. — Пограничник согласился с ним, и коновод, забрав коня командира, уехал.

После ужина Тюрабай, как и обещал, вызвался проводить пограничника до поста. Взял с собой одного из своих людей, и они пошли на пост. Командир не заметил, да и обстановка не располагала к этому, что в темноте ночи, приотстав, за ними крались какие-то люди.

— Кто идет? — окликнул подошедших часовой с вышки.

Начальник поста отозвался, часовой спустился вниз и открыл калитку. В тот же момент оба были убиты ударами ножей. Произошло все быстро и бесшумно. Люди Джаныбека ворвались в помещение, где спали двенадцать пограничников, и быстро расправились с ними, захватили их оружие. Заседлав лошадей пограничников, подожгли пост и скрылись.

Джалал-Абадское отделение ОГПУ срочно послало на джайлоо двух разведчиков Иманбаева и Кольбаева под видом торговцев мелким товаром. На шестой день разведчики возвратились и сообщили, что в Кара-Шоро находится сам Джаныбек Казы и много духовенства, баев, манапов. Есть и русские, но одеты они в английскую форму. Юзбаши (сотники) проводят с джигитами под руководством Тюрабая военные занятия. Многие джигиты вооружены не русскими, трехлинейными, а английскими винтовками. Общая численность банды — около 500 басмачей.

— Мы видели прибывших из Китая купцов, — рассказывали разведчики, — привезших Джаныбеку богатые подарки и какие-то товары. Духовенство твердит всем, что через три месяца в Оше, Джалал-Абаде и Узгене вся власть будет в руках Джаныбека Казы, призывает правоверных мусульман сплотиться под его руководством.

Стали поступать сообщения, что на Джалал-Абадском и Узгенском участках, в горах и лесах, появились духовные лица, которые проводят антисоветскую агитацию, угрожают карой аллаха тем, кто не будет помогать Джаныбеку Казы, призывают присоединиться к нему всех бывших курбашей, пансатов. Одновременно духовенство распускало слухи о том, что Советская власть намерена преследовать всех бывших басмачей, амнистированных в 1922—1923 годах. Такая агитация вселила в ряде районов тревогу среди населения.

Ошский и Джалал-Абадский кантонные комитеты Коммунистической партии Киргизии мобилизовали коммунистов и комсомольцев и направили в кишлаки и айлы для проведения разъяснительной работы. А с пограничных постов и застав приходили вести одна тревожнее другой о нападениях басмачей и длительных осадах.

После доклада в ПП ОГПУ в Ташкенте о сложившейся обстановке был разработан план ликвидации банды Джаныбека, для чего выделили подразделение Красной Армии, а руководство операцией возложили на начальника Ошской погранкомендатуры Александра Гавриловича Ерохина. Основными силами он должен был наступать по направлению Кара-Шоро со стороны Узгена, мне же было приказано с эскадронном Лобкина, прибывшего из Коканда, и кок-янгакским добротрядом Култая Исабаева пройти из Джалал-Абада через перевал Кугарт и Тогуз-Тороу в Нарынский кантон, выйти к перевалу Читты и закрыть там банде Джаныбека Казы пути отхода в Китай.

Разработали с Исабаевым кратчайший маршрут движения и послали вперед разведчиков из числа местных жителей. Маршрут предстоял длинный и трудный, необходимо было тщательно продумать, что брать с собой.

11 мая 1927 года на рассвете эскадрон выступил из Джалал-Абада. На третьи сутки подошли к перевалу и цепочкой двинулись на него. Торопились: в середине дня на перевале, как правило, поднимался сильный ветер, нередко достигавший ураганной силы; он гнал над землей тучи снега зимой, а летом песок и мелкий щебень. Трудно становилось дышать, видимость сокращалась до предела и можно было легко сорваться в пропасть.

К полудню проводники и головной дозор достигли перевала и передали по цепи, чтобы мы торопились. Двигались в пешем строю, ведя лошадей на поводу. Когда замыкающие стали спускаться с перевала, ветер окреп, засвистел. Часам к четырем дня благополучно спустились вниз и на небольшой зимовке сделали дневку. Отсюда в качестве проводников с нами пошли охотник Эмильбек Мамбеталиев и председатель местного союза «Кошчи» Парпи Кармышбеков.

К исходу седьмых суток заняли все проходные тропы перевала Чит-ты. На вершине перевала, среди скал и больших камней, замаскировались наблюдатели, а основные силы отряда расположились на участках метрах в 300—400 ниже хребта.

На следующий день наблюдатели заметили движение конных и пеших со стороны Узгенского района. В бинокль хорошо было видно, что это разбившиеся на мелкие группы басмачи. Еще через некоторое время до нас донеслось эхо далеких редких выстрелов. Стало ясно, что басмачей преследовал один из наших отрядов. Басмачи двигались на перевал, занятый нами. Напряжение нарастало. Красноармейцы и добротрядцы залегли на хребте среди камней и приготовились к бою.

Басмачи поднимались по всем тропам, идущим к перевалу. Дойдя до середины склона, залегли за камни, все внимание сосредоточив на преследователях. На вершину поднимались на лошадях три басмача. Один из них внимательно осматривал в бинокль тропу, идущую вверх, и, не заметив ничего подозрительного, давал сигнал своим спутникам следовать за ним. Не доехав до вершины перевала с полсотни метров, спешили и, ведя лошадей на поводу, с винтовками наготове, приглядываясь и прислушиваясь, медленно приближались к засаде.

На самом хребте тропа змеилась между двумя обломками скал и сразу за ними сползала вниз, в сторону долины. Вот тут мы схватили их и обезоружили. Это произошло так быстро и неожиданно для басмачей, что они и не попытались оказать сопротивление.

Пленные рассказали, что должны были обследовать перевал и, если не обнаружат ничего подозрительного, подать оставшимся внизу басмачам сигнал криком и несколько раз махнуть шапкой, если же обнаружится что-либо подозрительное, один из них уйдет вниз с устным донесением, а двое других продолжают наблюдение.

Предлагаю добротрядцу Бердали Бакаеву надеть халат одного из басмачей, сесть на его лошадь, выехать на хребет перевала и дать условный сигнал. И через десяток минут басмачи стали цепочкой подниматься к вершине. И в этот момент у подножия перевала показались наши разъезды, начавшие обстреливать басмачей. Когда передние всадники приблизились к залегшим бойцам совсем близко, красноармейцы и добротрядцы стеной стали на хребте.

— Ни с места! — подал команду басмачам Култай Исабаев. — Спротивление бесполезно, сложить оружие!

Винтовки наших бойцов, злые наизготовку, красноречиво советовали следовать этому приказу. Первыми подбежали курбаши, которых мы обезоружили. Остальные остались стоять на месте, как им было приказано. Главарям объяснили, что убивать их никто не собирается, и предложили им дать своим джигитам команду по одному подниматься на перевал. Такая команда была подана, и басмачи цепочкой потянулись вверх, здесь они обезоруживались и препровождались на небольшую площадку за перевалом.

От курбашей узнали, что наступление наших войск со стороны Узгена началось на рассвете 20 мая, много басмачей попало в плен.

Они же сообщили, что Джаныбек Казы с Тюрабаем и штабом пошли в Кашгар через другой труднопроходимый перевал.

22 мая наш отряд вместе с пленными басмачами двинулся в обратный путь, проводя по пути на стойбищах и в аилах разъяснительную работу. Это принесло свои результаты — население, узнав, что банда Джаныбека Казы разгромлена, стало выдавать пособников басмачей и его скрывавшихся джигитов.

На какое-то время в южных районах Киргизии установилось спокойствие. Однако от торговцев, приходивших с караванами из Синьцзяна, просачивались сведения, что за кордоном Джаныбек Казы вновь формирует отряды из числа бежавших в Китай басмачей, контрреволюционных элементов, вооружает их английским оружием.

Джаныбек не оставлял надежды свергнуть Советскую власть на юге Киргизии. Небольшими группами басмачи переходили нашу границу, занимали горные тропы, идущие к пограничным постам и заставам. Столкновения пограничников с басмачами продолжались. Но сам Джаныбек Казы опасался уже высывываться из Китая, обрекая на бессмысленную гибель своих наймитов.

4. Битому неимется

В начале 1929 года в Южную Киргизию из Афганистана вернулся ишан Рустем, в прошлом один из вдохновителей басмачества в Ферганской долине. Сразу же он встретился с влиятельным ишаном Насырханом-тюря. Обсудив программу противодействия проводимой коллективизации, наметили место сбора бывших курбашей, пансатов, вдохновителей и пособников басмачества. Рустем вручил Насырхану-тюря воззвание к «воинам ислама», вышитое на шелковом полотнище, а также куски шелка с вышитыми текстами о присвоении званий группе басмачей, отличившихся в прошлом.

Весной с открытием перевалов в Чаткальскую долину к Янги-Базару, как обычно, потянулись полонники, духовенство, торговцы. Приехал в кишлак и ишан Насырхан-тюря со свитой мюридов. В теплый весенний день, на холме у могилы Идриса Пайгамбара, собрались представители крупного мусульманского духовенства, перед которыми выступил ишан Насырхан-тюря с призывом поднять против Советской власти бывших курбашей и басмачей, баев и манапов, всех обиженных Советской властью во время проведения земельно-водной реформы. Ишан поручил духовенству вести среди мусульман широкую антисоветскую пропаганду, объяснять им, что коллективизация повлечет за собой лишение не только всего имущества, вплоть до курицы и пиалы, но и всех личных прав. Мечети будут закрыты, жены будут общими. Насырхан-тюря заявил, что ушедшие ранее в Иран, Афганистан и Китай известные главари басмачества, такие как Курширмат, Ибрагимбек, Джунaid-хан, Джаныбек Казы, сейчас вооружаются и в ближайшее время перейдут границу. Он красочно расписывал, какая могучая сила

поднялась за границей и встала под зеленое знамя ислама, идет против неверных, оскверняющих и разрушающих вековые устои. Затем ишан торжественно развернул шелковое полотнище, прочел воззвание, пояснил, что оно вручено ему ишаном Рустемом, приехавшим из Афганистана.

Насырхан-тюря предложил всем разъехаться по своим кишлакам и селам и приступить к действию, указал время сбора всех курбашей в Янги-Базаре для получения благословения на борьбу с неверными. Помолились. Спустились вниз, где их ждал приготовленный плов, и, закусив на дорогу, разъехались.

Так летом 1929 года на юге Киргизии, в Ферганской долине, снова появились мелкие поначалу шайки басмачей, которые запугивали дехкан, портили посевы хлопка, угоняли лошадей, нападали на милиционеров и охрану на хлопковых пунктах, отбирали у них оружие. Стали отмечаться случаи убийства партийных, советских работников, милиционеров, активистов. Запылали пожары.

В конце июля на зов ишана Насырхана в кишлак Янги-Базар начали съезжаться курбаши в сопровождении баев, манапов, духовенства. Всадники были в новых шелковых халатах, ишаны в чесучовых платьях, на великолепных конях с искусно украшенными седлами и сбруей — по всему видно было, что едут богатые и влиятельные люди.

После утренней молитвы в большой круг расселись духовенство, курбаши Истамбек из кишлака Шакаптар, Гаип из Узгена, Ады Ходжаев с Алая, Ахмед-Палван от Джаныбека Казы из Китая, Батырбек из кишлака Ахман, Нурулла Максум из Сузака и другие, в прошлом активные участники басмачества, прощенные Советской властью в 1922—1923 годах.

Насырхан-тюря, обращаясь к собравшимся, призвал оказывать курбашам всяческую помощь деньгами, оружием, лошадьми, продовольствием, фуражом и прочим.

— Своим участием в борьбе против Советской власти, — говорил он, — вы спасете свою землю, свои дома, свой скот. Эмир Бухарский, Джунаид-хан, курбаши Ибрагимбек, Курширмат, Джаныбек Казы шлют вам, досточтимые, привет и обещают скорую встречу. Вам будут доставлены в большом количестве английские винтовки, пулеметы. Недостатка в оружии не будет, но нужно торопиться, не терять времени и выступить до прихода помощи из-за границы.

Затем, чтобы поднять боевой дух бывших басмачей, сказал:

— Среди нас находятся известные всем Истамбек, Мадумар, Батырбек, Гаип, в прошлом они показали себя как храбрые воины. Им присваивается звание «пансатов»! — с пафосом закончил он и каждому из названных вручил по куску шелковой ткани с вышитым текстом о присвоении звания. — Не щадите никого, кто против аллаха и устоев нашей жизни, не щадите коммунистов и вероотступников, тех, кто вступает в колхозы. Разбивайте сельмаги, товары раздавайте джигитам, жгите хлопковые пункты, не давайте дехканам работать на полях. Уби-

вайте чекистов, милиционеров, красных командиров. Неустанно пополняйте свои ряды.

И тут же дал указание курбаше Ады Ходжаеву доставить из Китая оружие для Гаип-пансата, захватить Внешторг и Совсинторг, через которые поддерживались торговые отношения с Китаем.

Помолились, призывая аллаха укрепить силы защитников ислама и ниспослать все земные и небесные кары на головы неверных. Закончилось сборище обильным ужином. Разъехались на следующее утро.

В начале августа начальнику Ошского отдела ОГПУ, коменданту погранучастка Савинскому из Наманганского отдела ОГПУ сообщили, что в соседнем с ними Кызыл-Джарском районе Киргизии появились басмаческие шайки. Никаких подробностей не сообщалось. Много было неизвестно, хотя в Ошском ОГПУ располагали информацией Нуркула Орозалиева о подозрительных сборищах в Чаткале.

Савинский вызвал меня и рассказал о полученном сообщении. Выделил в мое распоряжение трех пограничников во главе с отделенным командиром Ивановым, патроны, осветительные ракеты, гранатомет (ружейную мортиру), десять запасных винтовок, и мы, загрузив бричку, выехали в Андижан, откуда до Намангана нам предстояло добираться поездом.

В Наманганском ОГПУ застали несколько молодых киргизов. Одного из них, Джумабаева Джээнкула, я хорошо знал. Все они были из Ала-Букинского добротряда. Джээнкул рассказал, что ночью он дежурил на току близ Шакаптар. Уже перед утром в кишлаке послышались крики, стрельба, в предрассветное небо поднялся темный столб дыма — горел сельсовет. На улице снова вооруженные всадники. Сомнений не было — на беззащитное селение напали басмачи. Не теряя ни минуты, Джээнкул вскочил на коня и погнал его в кишлак Касан, откуда по телефону сообщил начальнику Наманганского ОГПУ о случившемся и выехал в Наманган.

Тяжелые думы одолевали Джумабаева — в кишлаке остались семья, близкие. Он знал, с какой зверской жестокостью расправляются басмачи с активистами, а зачастую и с их семьями. Смерть грозила и старикам, и детям. Было одно яростное желание: с оружием в руках, плечом к плечу с верными товарищами, броситься против шакалов, мешающих спокойно жить и работать.

Обсудив с начальником ОГПУ Матвеевым полученные сведения, быстро собрали несколько бывших добротрядцев, вооружили их винтовками, и четырнадцать человек — киргизы, узбеки, русские — ночью, верхом, то и дело подгоняя коней, направились в Касан, куда прибыли на рассвете. Устроив бойцов на отдых, Матвеев занялся уточнением обстановки: в кишлаке были наши надежные помощники.

Через некоторое время он вернулся, но уже не один — с ним пришли Мирзарам Орозалиев и четыре добротрядца, приехавшие из Ала-Буки сообщить, что на Шакаптар напал курбаша Истамбек, но что делается в кишлаке, они тоже не знали.

Прибывшим выдали винтовки, и с наступлением темноты наш небольшой отряд выступил на Шакаптар. Августовская ночь была непроглядной, и мы двигались осторожно. Впереди ехали двое дозорных, за ними, метрах в 150, еще двое, а чуть приотстав, остальная группа. Винтовки держали наготове.

Часам к двум ночи стали подъезжать к Шакаптару. На одном из пересечений дорог дозорных остановили двое вооруженных людей. Наставив на бойцов оружие и подозрительно оглядывая их, стали расспрашивать, кто они и куда держат путь. Бойцы вели себя спокойно, не растерявшись, объяснили, что едут в Шакаптар на соединение с курбашой Истамбеком. Когда весь отряд подошел к месту встречи с дозором басмачей, те сидели связанные, с кляпами во рту. У них отобрали винтовку и охотничье ружье. В хурджуне одного из них нашли товары из сельмага.

У басмача, который был вооружен охотничьим ружьем, вынули из рта кляп и расспросили. Он довольно охотно рассказал, что зовут его Ташматом и в банду взят не по своей воле. Разграбив сельмаг, басмачи часть товаров раздали жителям кишлака, после чего курбаши заявили, что теперь им никто не поверит, что они не причастны к грабежу, и, если мужчины останутся в кишлаке, придет ГПУ с солдатами и их расстреляют. К банде курбаши примкнуло еще человек тридцать. Ташмат рассказал также, что в кишлаке убили председателя сельсовета, а сам сельсовет сожгли; девять активистов, жестоко исполосовав нагайками, связали и посадили в яму.

Ведя на поводу лошадей и связанных по рукам басмачей, двинулись вперед. Дошли до кукурузного поля, остановились. Чтобы ненароком не наскочить на басмачей, провели разведку: Джээнкул, хорошо ориентируясь в своем кишлаке, осторожно прошел к курганче — группе строений, стоящих на возвышении в стороне от кишлака. Убедившись, что бандитов там нет, провел отряд во двор. В доме мы нашли только молодую женщину Майлихан, мужа которой забрали басмачи. Выставили наблюдателей, определили место каждого на случай нападения и стали ждать рассвета.

С появлением первых лучей солнца улицы кишлака огласились шумом и криками. На дорогу стали выезжать верховые, затем вывели навьюченных волов и верблюдов. Впереди двигался дозор, за ним шли основная часть банды и связанные активисты, далее погонщики вели волов и верблюдов. Все это сопровождалось криками, плачем женщин и детей. Замыкал шествие еще с десяток всадников.

Когда ядро банды поравнялось с курганчой, мы открыли огонь. Басмачи рассыпались в разные стороны, укрылись за валунами, замыкавшие колонну бросились в ближайшее ущелье, нахлестывая лошадей, погонщики побросали вьючных животных. Мы продолжали вести винтовочный огонь по появлявшимся меж камней всадникам. Попытки курбаши прекратить панику и остановить бегство ни к чему не привели.

Десять бойцов во главе с Ивановым были посланы мною на ближайшую сопку, откуда они открыли огонь во фланг басмачам. Прячася

за камни, бандиты открыли ответный винтовочный огонь, но он не причинил нам вреда.

Женщины и подростки бросились к волам и стали освобождать связанных активистов. Стрельба прекратилась — расстояние до противника было довольно большим и приходилось беречь патроны. Развязали захваченных ночью басмачей, поговорили с ними, после чего послали привести лошадей, брошенных басмачами. Ташмат и Акылбек вернулись, ведя на поводу семь хороших коней. С ними же пришли двое жителей кишлака, Кайназар и Джурабек, также взятые в банду насильно. Пришедшие рассказали, что на дороге лежат шестеро убитых басмачей и несколько лошадей. К седлам приведенных лошадей были приторочены хурджуны с награбленными товарами. Встретила своего мужа Осмона и Майлихан. Женщины и подростки пригнали в кишлак брошенных на дороге волов и верблюдов.

Кайназар и Джурабек сообщили нам, что от имама, приехавшего к Истамбеку, они слышали о выступлении в Узбекистане курбаши Мадумара, который со своей бандой напал на милиционеров в одном из кишлаков и перебил их, захватив оружие, а в ближайшее время он должен соединиться с Истамбеком для совместных действий. Получив такие данные, Матвеев с наступлением темноты с пятью бойцами выехал в Наманган. С ним же я отправил донесение в Ош и ПП ОГПУ в Ташкенте.

После отъезда Матвеева с бойцами нас осталось пятнадцать. Я распорядился выдать Кайназару и Джурабеку винтовки, и те с благодарностью приняли их, заверив нас в своей преданности.

Ночь прошла спокойно. Сменяя друг друга, дежурили дозорные: могло случиться всякое. Утром собрали освобожденных активистов, обсудили наши дальнейшие действия и договорились, что в случае необходимости они присоединятся к нашему отряду.

Вечером Кайназар поехал в кишлак, откуда вернулся довольно быстро. Взволнованно жестикулируя, рассказал, что у одного из жителей кишлака гостит родственник, от которого стало известно о соединении в местности Кок-Серек и Сумсар банд курбашей Истамбека, Джумадыля и Мадумара. Ночью они решили захватить нас в курганче. Немедленно послал я Кайназара обратно в кишлак за активистами. Запаслись водой, так как бежавший рядом арык басмачи могли перекрыть, и стали готовиться к предстоящей схватке.

Далеко за полночь послышался лай собак. Прибежали дозорные, наблюдавшие за местностью на некотором удалении от курганчи, торопливо сообщили, что со всех сторон, спешившись, крадутся басмачи. Мы немедленно заняли круговую оборону, и, когда стали видны силуэты крадущихся, по моей команде один из бойцов выстрелил двумя осветительными ракетами.

В мерцающем свете было видно, как ошеломлены нападавшие: кто-то со всего маху плюхнулся на землю, прижавшись к ней, кто-то оторопело замер на месте, кто-то в испуге присел. Открыли по ним огонь, и враги поспешно откатились назад. Внезапного нападения не получилось.

До утра басмачи не предпринимали больше попыток атаковать нас. И только на рассвете с криками «алла, алла!» они бросились к курганче. Подпустив их метров на сто, открыли прицельный огонь. Когда до басмачей оставалось около двадцати метров, швырнули в них две гранаты. Бандиты с воплями бросились назад. Иванов выстрелил из гранатомета, и граната угодила в самую гущу врагов. Бегом добравшись до своих лошадей, басмачи скрылись в ущелье. Мы подобрали брошенное оружие и патроны. Раненых и убитых среди нас не было.

Только через сутки басмачи вновь попытались окружить курганчу. Но и эта атака захлебнулась. Вдруг на дороге показалось несколько верховых, гнавших лошадей во весь опор и что-то кричавших. Басмачи тут же бросились к своим коням и, беспокойно оглядываясь назад, скрылись в ущелье. А через несколько минут мы увидели группу красноармейцев из головного дозора пограничного отряда войск ОГПУ под командованием Янкелевича, подошедшего на помощь.

Встреча была радостной. Прибывший с эскадроном представитель из управления погранвойск в Средней Азии Басков информировал меня о том, что в ряде районов Ферганской долины также появились басмаческие шайки.

Спустя несколько часов из Ала-Буки появился Нуркул Орозалиев с пятью добротрядцами. Население кишлака повеселело. В отряд стали проситься еще несколько человек. На общем собрании жителей кишлака избрали нового председателя сельского Совета.

Через два дня разведчики сообщили, что басмачи находятся в ущелье Кок-Серек. За полночь, взяв в качестве проводников Джурабека и Кайназара, отряд выступил из Шакапгара. Доехав до ущелья, остановились и спешились, выставили охранение и стали дожидаться рассвета. Как только на востоке посветлело небо, двинулись дальше. Тропа узкая, с одной стороны — крутые склоны, с другой — обрыв к реке. Растянувшись цепочкой, отряд шел на некотором удалении за проводниками и дозором.

Когда бойцы уже довольно далеко углубились в ущелье, из одиноко стоявшего зимовья на противоположном берегу речки раздались выстрелы. Стреляли по шедшему впереди дозору. Те спешились и открыли ответный огонь. Басмачи выскочили из зимовья, бросились к своим лошадям и погнали их вверх, в горы. Мы быстро переправились на тот берег и начали преследовать банду, но она ушла за хребет.

Выйснив у проводников возможные пути выхода басмачей, не мешкая, двинулись на перехват. Утром следующего дня, преодолев перевал, обнаружили банду, спускавшуюся по одному из склонов. Заметив нас, басмачи повернули и скрылись в горах. Только на пятые сутки удалось настигнуть противника под перевалом Тюз-Ашу. Взяв их в полукольцо, пошли в наступление. Понесся большие потери, часть банды ушла на свежие хребты гор, разбилась на небольшие шайки и разбрелась. Отряд вернулся в Шакаптар.

Тут нас встретил командир по оперативной части Ошской погранкомендатуры Хохлов. Удивил внешний вид этого боевого командира,

прибывшего к нам в светлых брюках, белой навывпуск косоворотке, подпоясанной тонким ремешком, белых парусиновых туфлях. Оказалось, что он возвращался с курорта, но в Ташкенте ему дали предписание немедленно отправиться в район действия наших отрядов. Не заезжая домой в Ош, он и прибыл к нам.

От разведчиков поступили данные, что километрах в пятидесяти от Шакаптар объединилось несколько групп басмачей. Я стал готовиться к выступлению, но Хохлов велел мне остаться, а сам, надев чапан, ночью повел бойцов.

К вечеру следующего дня вдалеке показался всадник. Наблюдатель, находившийся на крыше дома, прокричал:

— Вижу двух всадников, едут медленно.

Мы вышли за глиняный дувал. Подъехал имам, он вел на поводу лошадь, на которой сидел Хохлов. Голова свесилась на грудь, руки безжизненно обвисли: Хохлов был мертв. Спереди и сзади тело его поддерживалось палками с раздвоенными концами, упиравшимися в луки седла. В глубоком молчании присутствующие обнажили головы.

Мне не раз приходилось видеть смерть, но эта утрата воспринималась как-то по-иному, отдавалась болью в сердце из-за непоправимости случившегося. В этот же день на арбе тело Хохлова отправили в ОГПУ города Намангана, а оттуда в Ош, где его с почестями похоронили. Иمامу выдали расписку в получении тела Тимофея Федоровича Хохлова и отпустили.

Когда вернулся отряд, стали известны подробности их похода и гибели Хохлова. В ущелье Чимындык бойцы обнаружили басмачей. Завязался бой, но басмачи стали быстро уходить в горы. Стрельба прекратилась. Хохлов, спешившись, в бинокль наблюдал за их отступлением. Со стороны басмачей треснул одиночный выстрел, и Хохлов, медленно оседая, упал на землю. Пуля угодила в сердце.

В Шакаптар прибыл новый небольшой отряд: секретарь Ошского окружного комитета партии Э. Эсенаманов с пятнадцатью коммунистами. С ними же приехал и райуполномоченный ОГПУ в Узгене Дмитрий Никитич Романов.

Романов и я усиленно занялись разведывательной работой по установлению мест нахождения банд басмачей, выявлением их основных пособников и каналов связи с Насырханом-тюря, а последнего — с ишаном Рустемом. Эсенаманов с коммунистами побывали в кишлаках Сумсар, Шакаптар, Кок-Серек и других, где на общих собраниях они разъясняли населению политику Советской власти.

Но уже через несколько дней отряду Янкелевича, бойцам Нуркула Орозалиева и коммунистам Э. Эсенаманова пришлось спешно идти через перевал Чапчима в Чаткальскую долину — в Чаткале вновь собрались басмаческие шайки. Пришли в Янги-Базар, где установили связь с отрядом бойцов под командованием Кулаженко и политрука Лобова, бывшего железнодорожника со станции Пишпек.

Отряд Кулаженко был сформирован в городе Фрунзе и направлен в Талас, а оттуда через перевал Кара-Бура — в Чаткальскую долину.

Как только он появился на Чаткале, басмачи решили уничтожить красноармейцев, неожиданно напав на них. Однако сделать этого им не удалось: бедняки-киргизы не только вовремя предупредили, но и провели отряд Кулаженко к месту сбора басмаческих шаек. Внезапной атакой отряд нанес им значительный урон. А через несколько дней бандиты в сорока километрах от Янги-Базара схватили наших верных помощников — трех разведчиков-киргизов и жестоко расправились с ними: двоих, привязав к столбам и облив керосином, сожгли, предварительно подвергнув диким пыткам, третьему отрезали голову.

В конце октября в отряд Кулаженко тайком пришел шестнадцатилетний пастух и сообщил о месте нахождения базы курбаши Истамбека. Кулаженко выделил отделение бойцов под командованием комсомольца Павла Жердева¹, и юноша по труднопроходимой горной тропе провел бойцов к базе басмачей. Появление красноармейцев было неожиданным. Они обезоружили и взяли в плен находившихся там басмачей. Было захвачено также большое количество скота, лошадей и различного имущества. Все это переправили в Шакаптар и передали в организуемый колхоз.

После прибытия нашего сводного отряда в кишлак Янги-Базар к главной мечети под видом духовного лица был послан из отряда Эсенманова коммунист Шамсутдинов. Ему удалось узнать, что мелкие шайки басмачей в связи с приходом отрядов в Чаткал намерены спуститься в долину на соединение друг с другом.

Оставив в Янги-Базаре отряд Кулаженко, мы отправились вниз по реке Чаткал. В районе перевала Чапчима наши дозоры обстреляли появившуюся на противоположной стороне ущелья большую группу басмачей, которые пытались занять господствующую высоту. Часть отряда пошла в наступление, другая, спешившись, вела интенсивный огонь. Басмачи, не принимая боя, поспешили скрыться на лесистых склонах гор.

Все труднее становилось басмачам в Чаткальской долине: пути в сторону Таласа перекрывал отряд Кулаженко, в сторону Кызыл-Джара — добротряд Яна Яновича Береша, в сторону Ала-Буки — добротряд Нуркула Орозалиева, а в сторону Шакаптара — отряд пограничников Янкелевича.

Враги повсюду натывались на наши заслоны и отряды. В этой обстановке ишан Насырхан-тюря стал предлагать курбашам пройти в низовья реки Чаткал, в сторону Ташкента. И отряд басмачей общей численностью до пятисот всадников появился в районе санатория Чимган, Ходжакента и Брич-Муллы. На всем пути следования банды они убивали коммунистов и комсомольцев, грабили магазины, жгли сельсоветы. Разгромив санаторий Чимган, басмачи схватили директора санатория и сожгли его.

¹ Жердев Павел Данилович много лет работал главным агрономом Фрунзенского горзеленостроя. Сейчас на заслуженном отдыхе.

Командующий Туркестанским военным округом Павел Ефимович Дыбенко выделил для борьбы с басмачами эскадрон под командованием Байдуллы Доскенова и оперативный отряд под командованием Андрея Цейера, поставив перед ними задачу оттеснить банды из густонаселенных районов в горы и там уничтожить. В верховьях реки Чирчик бойцы эскадрона Доскенова и отряда Цейера настигли басмачей и нанесли по ним сокрушительный удар. Преследуемые красноармейцами, они вновь подались на Чаткал и там рассыпались на мелкие группы.

Неспокойно стало в районе Оша, и командование боеучастка отозвало отряд Янкелевича. Ушел с ним и отряд коммуниста Эркина Эсенаманова. В Шакапtare с небольшой группой бойцов остались я и Романов. Недели через полторы от охотников-киргизов узнали, что в сторону Чаткала движутся бандиты курбашей Истамбека и Джумадыля. Поднятый по тревоге отряд вышел на перехват и у старой зимовки в ущелье Терек-Сай встретился с ними. Басмачи обстреляли нас и скрылись на лесистых склонах гор. В пешем строю преследовали басмачей до наступления темноты.

Еще через несколько дней стало известно о концентрации основных басмаческих шаек под руководством самого ишана Насырхана-тюря в районе кишлака Ренджит, севернее Намангана. Это уже была агония вдохновителей басмачества. Земля уходила у них из-под ног. Расчет на широкую поддержку населения с треском провалился.

Для уничтожения банды Насырхана были направлены эскадрон Узбекского кавполка, добротряд Я. Я. Береша и наш отряд. Все подразделения собрались в селе Караван, и я проинформировал командиров об обстановке. С темнотой подразделения выступили в направлении Ренджит. И здесь с двух сторон нанесли по банде басмачей решительный удар. Понеся большие потери, они рассеялись.

Курбаше Истамбеку Чаныбекову удалось бежать, он долго скрывался в горах, где и был найден мертвым в одной из пещер. Предводители мелких шаек, находившиеся в подчинении Истамбека, частично сдались, другие же с наступлением холодов были выловлены. Курбаши Мадумар бежал с остатками банды в Базар-Курганский район, где районуполномоченный ОГПУ Хасан Булатов склонил его к сдаче. Ишан Насырхан-тюря метался с небольшим отрядом по горам, пытаясь уйти в Китай. По его следам шла группа чекистов во главе с работником ПП ОГПУ Дуровым. Тяжелым был этот поход, увенчавшийся успехом. Насырхан-тюря был захвачен под перевалом Ак-Терек на пути в Гульчу. Позднее, в ходе следствия, стала известна роль ишанов Рустема и Насырхана-тюря в подготовке контрреволюционного выступления басмачества.

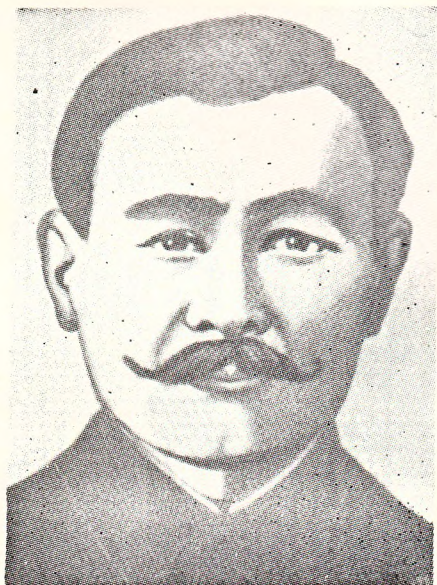
Фрунзенский отряд Кулаженко, оставшийся в Чаткальской долине, имел еще ряд столкновений с остатками банд Истамбека, взял в плен много басмачей и доставил их в Талас и Ташкент. Все пленные басма-

Дзержинский Ф. Э.

1918—1919 гг. Первый председатель
ЧСК-ЧК Пишпекского уезда
Никитенко И. М.

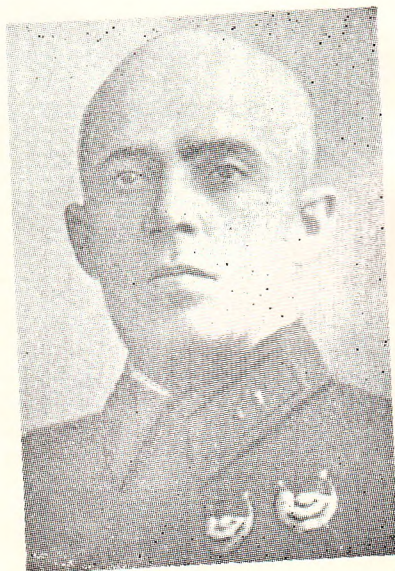

Жукеев Тавалды (Александр
Пудовкин).

Покровский П. П.

Ерохин А. Г.

Кириллова Е. К.

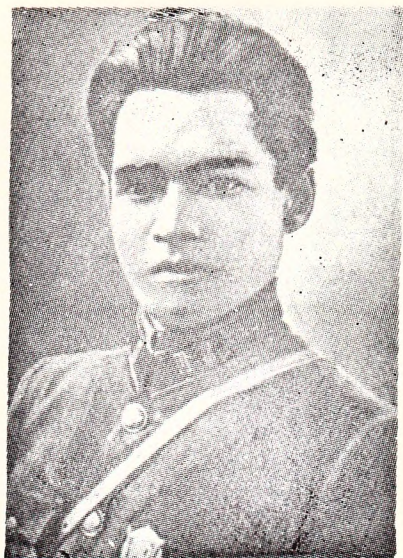
Касымбеков С.

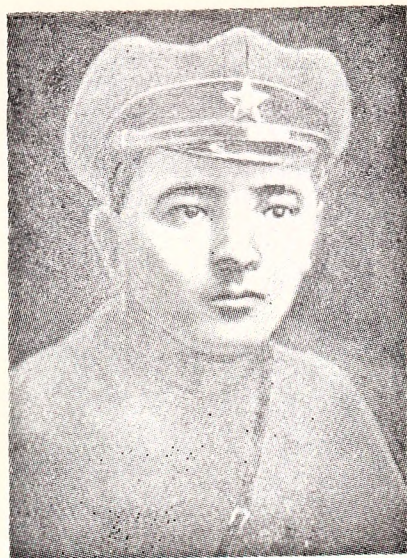
Удилов Н. П.

Гарькавый А. Д.

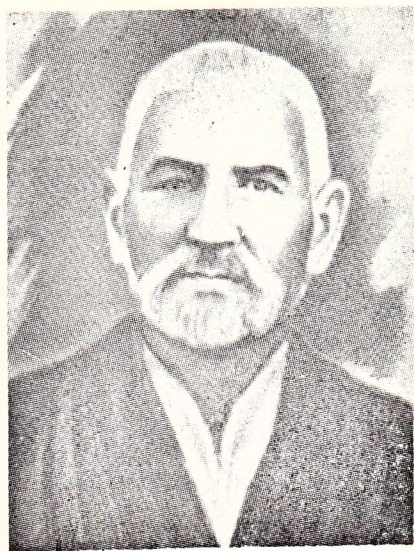

Булатов Х. И.

Филонец Г. А.

Орозалиев Нуркул

Лебедев В. А.

1931 г. Слева начальник Джалал-Абадского ОГПУ Маргайтис В. А. и командир маневренной группы Ошской погранкомендатуры (впоследствии генерал-лейтенант) Соколов Г. Г.

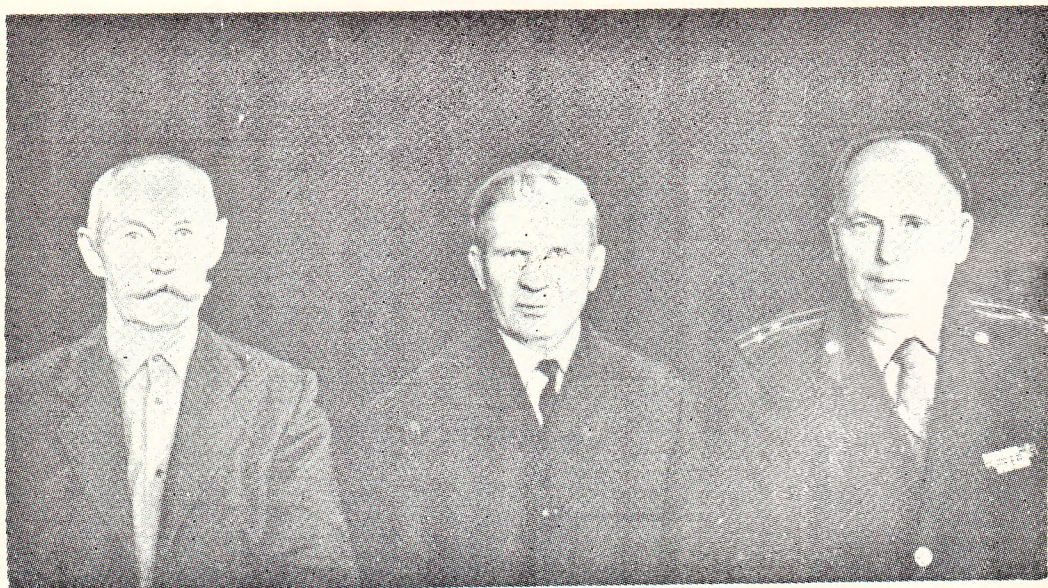
1932 г., начальник Узгенского РО ОГПУ Романов Д. Н. (слева) с сотрудниками.

Романов Д. Н. и Кордуб Д. В.

Слева направо: Маргайтис В. А., Василькин П. В., Музипов Г. М.

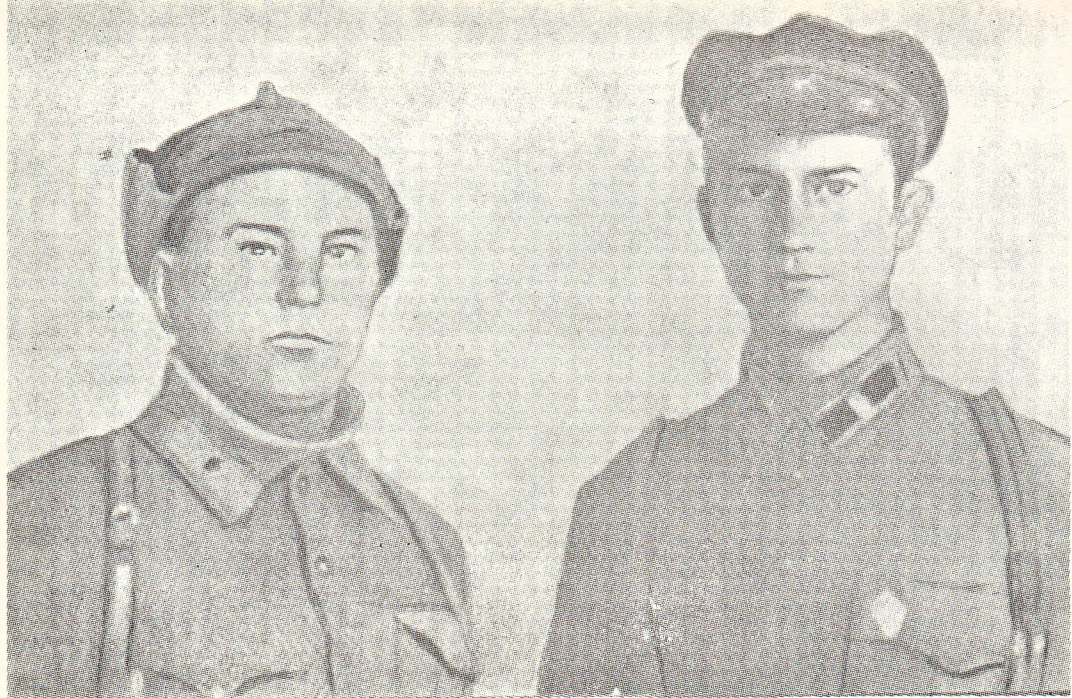

1922 г. В штабе групп войск Ферганского фронта. Слева начштаба Соколовский В. Д. (впоследствии Маршал СССР), рядом с ним Камчибеков Кадырбек.

1929 г. Начальник ОГПУ Наманганского района Матвеев Н. (слева) и начальник отдела ОГПУ Поляков А.

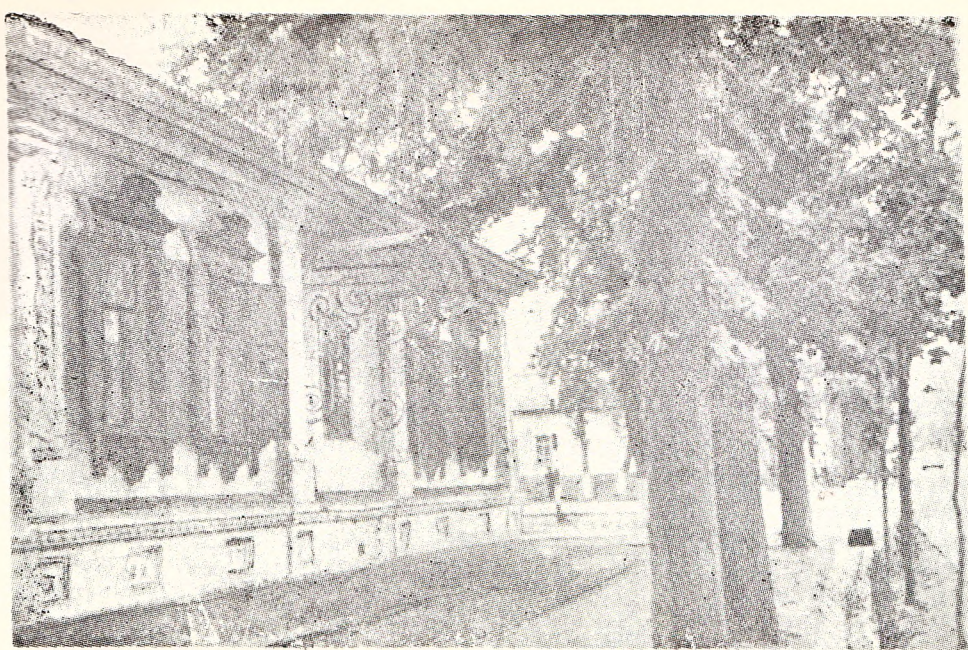

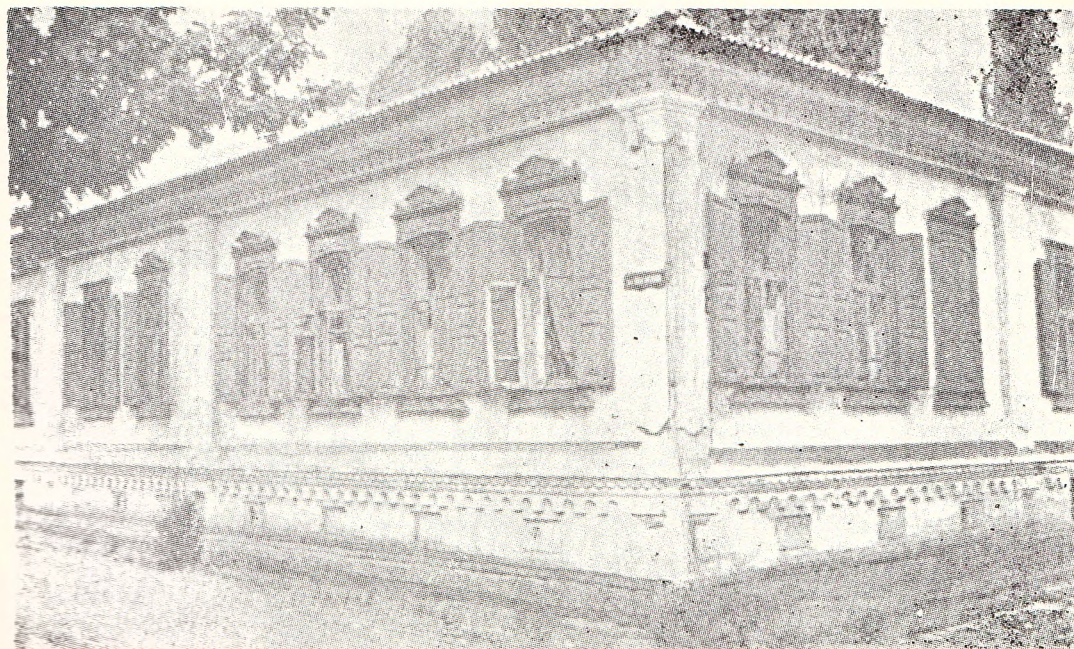
Долганов Р. и Чураков Д. Д.

1926 г. Сотрудники Каракольского ОГПУ.

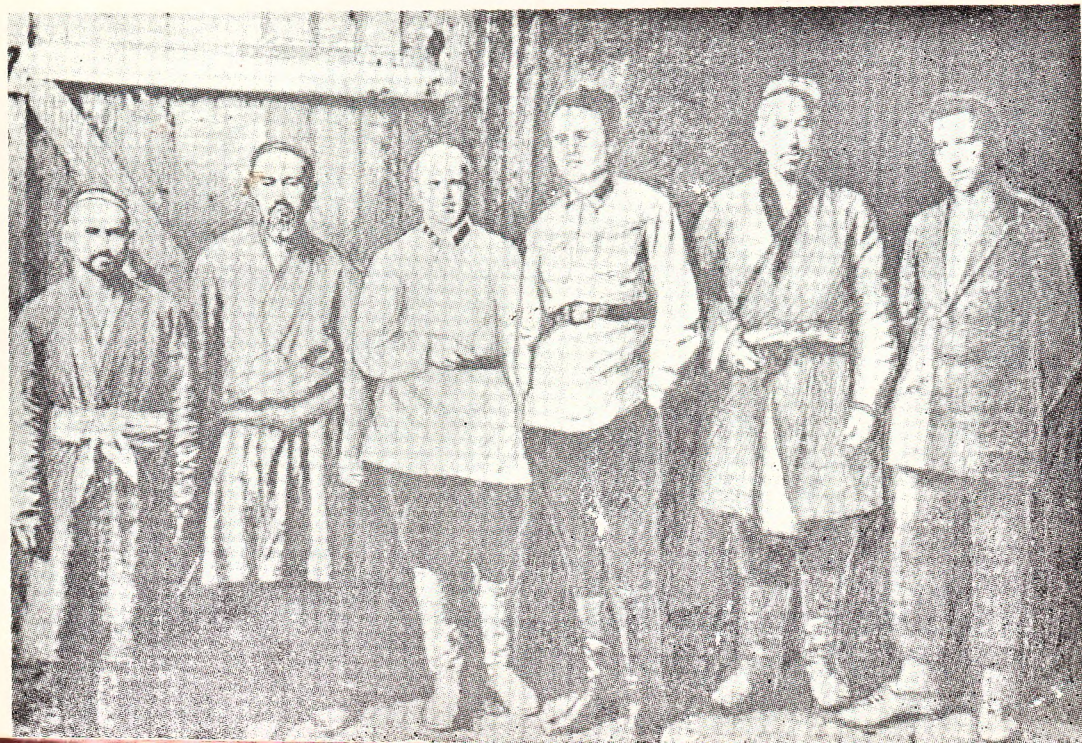
Здания ЧК-ОГПУ во Фрунзе, на углу улиц Советской и Киевской

Группа чекистов Ферганской области. На заднем плане в центре, в фуражке, Хохлов. Т. Ф. В гор. Оше одна из улиц носит его имя.

1932 г. Третий слева начальник Ошской погранкомендатуры и ОГПУ, Гаевский.

1931 г., гор. Ош, ОГПУ, перед совещанием.

Сотрудники Пржевальского ОГПУ.

1927 г., гор. Фрунзе. Сотрудники ОГПУ Киргизии. Во втором ряду слева четвертый Красовский Ф. Г., шестой — начальник ОГПУ Кекин Ф. Ф.

Руководящий состав ОГПУ и погранвойск Киргизии.
Во втором ряду в центре — начальник ОГПУ Кекин Ф. Ф.

1930 г. Командиры Отдельной погранкомендатуры войск
ПП ОГПУ в Средней Азии. В первом ряду четвертый слева комендант
Пуполь Н. Н., пятый — уполномоченный ОГПУ Киргизии Гузий В. П.,
шестой — замкоменданта Федоров Н. Н.

1930 г. Бойцы и командиры войск ПП ОГПУ в Средней Азии.

1930 г. Взвод 10 кавполка войск ВЧК — ОГПУ. В центре второго ряда Култай Исабаев, за ним в третьем ряду — замначальника Кироблотдела ОГПУ В. А. Никитин.

Знак «Почетный чекист».

Юбилейный знак.

чи тщательно проверялись: обманутые и насильно взятые в банды были отпущены по домам, материалы на отъявленных бандитов переданы в суд.

В Кызыл-Джарском районе стало спокойно. Регулярные части Красной Армии ушли, а для защиты населения от возможных нападений басмачей остались только добротряды Н. Орозалиева и Я. Береша. После нормализации обстановки в горных районах приступили к работе комиссии по проведению коллективизации.

5. В Гульче

После ликвидации басмачества в Чаткальском, Кызыл-Джарском и соседних районах Узбекистана мне еще некоторое время пришлось оставаться в селе Караван, центре Кызыл-Джарского района.

Ранним утром 21 мая 1930 года нарочный из соседнего села Нанай сообщил, что меня приглашает к телефону начальник Наманганского ОГПУ. Получаю от него распоряжение начальника Южно-Киргизского оперативного сектора ОГПУ Матвеева незамедлительно прибыть в город Ош.

Сборы были недолгими. Передав все текущие дела старшему оперуполномоченному Д. Романову, выехал в Наманган. Прибыв туда, созвонился с горотделом ОГПУ в Андижане и поинтересовался причиной вызова. Начальник Андижанского ОГПУ Орлов сообщил, что, по предварительным данным, в Алайской долине басмачи захватили кишлак Гульчу.

Такое известие настораживало. Что это? Разрозненные действия сравнительно небольших шаек в отдельных районах или спланированные кем-то организованные выступления басмачества? Немного позднее мы узнаем, что английская разведка инспирировала широкое выступление басмачества. В походе на республики Средней Азии должны были принять участие битые в прошлом бандитские главарь, такие, как предводитель басмачества в Ферганской долине, английский агент Курширмат, главарь таджикского басмачества Ибрагимбек, бывший правитель Хорезма Джунаид-хан, каратегинский бек Фузайль Максум, главарь киргизского басмачества Джаныбек Казы и некоторые другие, менее именитые, но также разгромленные и вышвырнутые за границу курбаши, опекаемые и поддерживаемые империалистическими разведками.

Поездом доехал до Андижана. На вокзале меня уже ждала линейка, запряженная парой ухоженных лошадей. Кучер — красноармеец из взвода ОГПУ — оказался разговорчивым, и, пока мы доехали до Оша, он успел поведать о всех более или менее важных событиях, какие произошли за последнее время в округе.

Начальник Ошского ОГПУ Матвеев (однофамилец начальника Наманганского ОГПУ) внимательно выслушал доклад об обстановке в Кызыл-Джарском районе и принятых мною мерах по налаживанию

мирной жизни, после чего рассказал, что с 20 мая прервалась телефонная связь с Гульчинским райотделением ОГПУ. Прибывший оттуда человек сообщил, что на Гульчу напала крупная банда басмачей во главе с Ады Ходжаевым.

— Час назад, — продолжал Матвеев, — туда выступил отряд погранкомендатуры в шестьдесят сабель под командованием Янкелевича. Иди отдыхай, а утром решим, что делать, — закончил он.

В шесть часов я уже был в отделе, а через несколько минут пришел Матвеев, подтянутый, чисто выбритый, однако покрасневшие глаза и тени под ними свидетельствовали, что спать ему пришлось мало.

— На сороковом километре от Оша в телефонную сеть включился Янкелевич, — сказал он, — доложил, что отряд продвигается пока без происшествий, но связи с Гульчой нет.

Обсудив с Матвеевым возможные варианты наших дальнейших действий, пошли в окружной комитет партии, находившийся через дорогу. Несмотря на ранний час, в кабинете секретаря окружкома Эркина Эсенаманова было полно народу. Здесь находились Председатель КирЦИКа Абдукадыр Орозбеков, его секретарь М. Камбаров, председатель окрисполкома М. И. Ус, несколько работников окружкома и окрисполкома. Начальник ОГПУ проинформировал собравшихся о последнем телефонном разговоре с Янкелевичем.

— Думаю послать в отряд для оперативного руководства Маргайтиса и с ним Камчибекова, — высказал он свои соображения.

— Товарищ Камчибеков, — обратился он к нему, — расскажите присутствующим, что вам известно о нападении на Гульчу и о предводителе басмачей.

— Банда налетела неожиданно, — начал Камчибеков, — началась стрельба, толпой бросились они грабить магазин. Детально разобраться в обстановке было невозможно: базарный день, масса людей. Удалось узнать, что во главе басмачей стоит Ады Ходжаев, который является жителем Алая. О нем известно, что будучи еще юношей, он пристрастился к контрабанде — ходил в Китай и обратно, переправлял опиум, оружие, перегонял скот, угнанный у жителей соседних районов. За свою преступную деятельность был осужден. Вернувшись на Алай, ушел в Китай. Там собрал шайку из числа бежавших ранее басмачей и уголовников, вернулся в Алайскую долину. С его приходом начались грабежи кишлаков. Бандиты убили несколько захваченных в пути советских и партийных работников, угнали скот из организуемых колхозов. Ады не упускает случая использовать в целях агитации против Советской власти любое искажение или перегиб местных органов при проведении политических и экономических мероприятий, — закончил Кадырбек.

Присутствующие некоторое время молча обдумывали услышанное.

— Я выезжаю в Гульчу, — поднимаясь со стула, заявил Председатель ЦИКа А. Орозбеков. — Готовьте машину, — повернулся он к Матвееву, — и подъезжайте к чайхане, я буду ждать там.

Вскоре подъехал «пикап» ОГПУ с тремя вооруженными пограничниками. В кузове лежал ручной пулемет и запас боеприпасов. У чайханы нас встретил Камбаров.

— Аксакал просит всех перекусить на дорогу, — пригласил он.

Оставив одного пограничника у машины, зашли в чайхану. Там ждал нас плов, зеленый чай, горячие лепешки. Быстро поели, сменили дежурившего бойца, чтобы и он подкрепился, и отправились в Гульчу.

Дорога шла меж холмов, была плохо приспособлена для езды на автомашине и ехать приходилось медленно. Еле-еле выбрались на перевал Чийирчик. Внимательно вглядывались в простиравшуюся перед нами местность, по опыту знали, что беспечность к добру не приводит. Спустились с перевала вниз. Недалеко от Гульчинского мостика навстречу нам вышел пограничник, из-под мостика вылез второй — это был дозор из отряда Янкелевича. От них мы узнали, что в Гульчу пограничники пришли ночью, но в кишлаке никого не застали — ни басмачей, ни жителей. Нашли обрыв провода и исправили его.

Гульча, расположенная от Оша в восьмидесяти километрах, состояла из нескольких десятков глинобитных домишек с плоскими крышами, огороженных высокими глиняными дувалами. Недалеко от центра возвышалась старая глинобитная крепость, построенная еще во второй половине прошлого века стоявшей здесь казачьей сотней. Жили в Гульче в основном узбеки и несколько семей татар.

Остановились в расположении отряда Янкелевича. Когда рассвело, часовые доложили, что на холмах вокруг Гульчи видно много всадников. Со стороны сопки захлопали винтовочные выстрелы, но вреда нам не причинили. Янкелевич дал команду одному из пограничников произвести по скоплению всадников выстрел из гранатомета. Когда граната разорвалась перед басмачами, холмы сразу же опустели, а из-за пригорка вышел человек с винтовкой и медленно побрел к нам. Подошел, представился. Это был народный судья Сасыкеев, недавно прибывший в Гульчу. Одежда на нем висела клочьями, а сам он от изнеможения едва держался на ногах.

— Райуполномоченный ОГПУ Тихонов дал мне для самоохраны винтовку и немного патронов, — рассказывал он. — Когда в кишлаке началась стрельба, я попытался уйти в старую крепость, где находились Тихонов и переводчик Гайнутдинов, но ее уже окружили басмачи и мне пришлось укрыться в сопках. Оттуда я стрелял до тех пор, пока были патроны, и слышал, как отстреливались Тихонов и переводчик.

Мы с горечью выслушали рассказ, понимая, что вряд ли увидим в живых наших боевых товарищей. Стали обходить кишлак. Зашли на почту, где над испорченным телефоном колдовал молодой паренек, работавший здесь телеграфистом. Во время нападения басмачей ему также пришлось прятаться. Один из пограничников принес полевой телефонный аппарат, и они вдвоем принялись за налаживание связи. В одном из дворов нашли убитых. На бурой от засохшей крови земле лежали двое, порубленные шашками. Как выяснилось, это были рабочие-плотники, приехавшие в Гульчу для строительства школы.

В глубине двора лежал еще один убитый — работник создаваемого здесь райпотребсоюза Зарипов.

Взяв несколько пограничников, пошли в старую крепость. Здесь все было разрушено и сожжено. Из-под обломков извлекли обуглившиеся трупы Тихонова и Гайнутдинова. Обходя кишлак, встретили Камчибекова, который разыскивал кого-либо из местных жителей. Найдя трех перепуганных седобородых стариков, он пошел с ними к Орозбекову.

Наладили телефонную связь с Ошом, и я сообщил Матвееву о положении дел в Гульче и о гибели Тихонова и Гайнутдинова.

— Сейчас на станцию Кара-Су подходит эшелон из Ташкента, — ответил Матвеев, — с ним прибывает эскадрон 10-го кавполка войск ОГПУ. Как только он выгрузится, я немедленно направлю его к вам. Тела погибших на машине отправьте в Ош. Попробуйте связаться с кишлаком Суфи-Курган.

Председатель КирЦИКа Орозбеков беседовал в помещении почты со стариками, которых разыскал Камчибеков. Они рассказали, что по пятницам в Гульче собирается базар. Из Оша, Узгена, Кара-Су узбеки доставляли сюда различные кустарные изделия и товары, киргизы Алайской долины пригоняли скот, привозили шерсть, кожи, продукты. Охотники демонстрировали свои трофеи: живых кекликов, уларов, коз. Так было и в этот день, но на базар съехалось больше, чем обычно, народу. Шла оживленная торговля, когда раздался выстрел. Вооруженные всадники бросились грабить магазин, призывая правоверных, пользуясь добротой курбаши Ады Ходжаева, присоединиться к ним. Большая группа басмачей окружила помещение в старой крепости, где находились райуполномоченный ОГПУ и переводчик.

— Сдавайтесь, собаки! — кричали басмачи, — вы окружены, сдавайтесь, и курбаши отпустит вас!

Тихонов призывал бандитов прекратить беспорядки и бессмысленное кровопролитие. В ответ басмачи начали стрелять в окна и дверь. Оба чекиста открыли ответный огонь, бросили две гранаты. Несколько бандитов были убиты и ранены. Тогда Ады Ходжаев приказал поджечь помещение. Несколько человек притащили солому, курай. Взметнулось высокое пламя, но чекисты продолжали отстреливаться. И только тогда, когда рухнула крыша, все стихло. Басмачи ворвались в помещение и захватили уцелевшие там винтовки. Потом вновь бросились к магазину.

По призыву Ады Ходжаева в грабеже приняли участие некоторые из приехавших на базар и часть жителей кишлака. Вскоре в магазине не осталось ничего.

— Мусульмане, — кричал Ады Ходжаев, — вы помогли нам расправиться с ГПУ. Все, кто может держать оружие, присоединяйтесь к моим джигитам, остальные уходите в горы! Присоединяйтесь к нам, все равно Советской власти скоро конец! Орозбеков внимательно выслушал стариков.

— Что ж, мирное население не виновато в случившемся, — заго-

ворил он. — Никакого наказания им не будет. Отправляйтесь в горы и разыщите жителей, пусть они возвращаются по домам. Поезжайте по ближайшим стойбищам, — продолжал Орозбеков, — и пригласите ко мне для разговора аксакалов.

Некоторое время спустя в помещение почты, где находился Орозбеков, пришли женщины, принесли лепешки, айран, масло и, перебивая друг друга, стали говорить, что их мужчины не виноваты, что басмачи насильно угнали большинство из них.

К вечеру почти все население кишлака вернулось домой. Мужчины, тихо переговариваясь, толпились у помещения, где находился Орозбеков. Два сравнительно молодых человека попросили разрешения переговорить с аксакалом Орозбековым. Председатель КирЦИКа, Камчибеков и я вышли к ожидавшим.

— Аксакал, Ады Ходжаев со своими джигитами расположился на стойбищах в пяти—семи километрах от Гульчи, — заговорил один из них.

— Он знает о приезде аксакала Орозбекова, — вступил в разговор другой, — некоторые из старейшин хотят встретиться с ним, но Ады Ходжаев запугивает и угрожает им.

— Я поеду на ближайшее стойбище, — обратился Камчибеков к нам, — надо поговорить с народом.

В то время Кадырбеку Камчибекову было около пятидесяти лет. Он и его брат Джамшитбек Карабеков хотя и принадлежали к знатному роду, но безоговорочно приняли Советскую власть и решительно выступили против басмачества. Оба брата пользовались огромным авторитетом среди населения Ошского уезда и имели большое влияние на местных баев и манапов, родовую знать, должностных лиц — биев, казиев и других, которые, как правило, являлись пособниками басмачей. С должным почтением относились к ним и басмачи.

Джамшитбек, и особенно Кадырбек, оказали в те годы большую помощь в разложении шаек и склонении курбашей к добровольной сдаче. В 1923 году Кадырбек Камчибеков был награжден орденом Красного Знамени. Авторитет его возрос еще более. Он выполняет ряд поручений ЧК—ОГПУ, порой очень сложных и опасных. Это был преданный делу революции человек, нашедший себя в служении трудовому народу...

Через некоторое время Камчибеков и пятеро местных жителей уехали в темноту наступившей ночи. Мы с тревогой ожидали их возвращения. Далеко за полночь Кадырбек вернулся. С ним ехали еще девять аксакалов и человек пятнадцать молодых киргизов. Последние везли с собой по барану и бурдюки с кумысом. И, несмотря на столь поздний час, тут и там запылали костры — готовилось угощение.

— Со мной приехали аксакалы с нескольких стойбищ, — обратился Кадырбек к Орозбекову, — хотят говорить с вами.

Решили не томить людей ожиданием, а сейчас же поговорить с

приехавшими. Орозбеков вышел из помещения. Все старики низко поклонились ему. Наперебой стали оправдываться, что они не виноваты в случившемся и джигиты из их стойбищ не участвовали в грабеже и убийствах, что все это дело рук басмачей Ады Ходжаева. Он запугал и обманул находившихся на базаре людей, и многие примкнули к нему, а сейчас одумались, хотят вернуться к семьям, но боятся.

— Вот что, аксакалы! — обратился к ним Председатель КирЦИКа. — Сейчас же разъезжайтесь по стойбищам и вместе с другими аксакалами сделайте все, чтобы вырвать людей из-под влияния Ады Ходжаева. Это сейчас самое важное. А через день, — заключил он, — возвращайтесь сюда, и мы продолжим наш разговор.

И они, быстро разобрав лошадей, разъехались.

Наладилась телефонная связь с почтой в кишлаке Суфи-Курган. Телефонист оттуда сообщил, что басмачи близко к ним не подходили, но разграбили склад Внешторга, как обычно, используя свой коварный прием — привлекли к грабежу население близлежащих стойбищ.

И вот через день с утра в Гульчу стали съезжаться киргизы во главе со старейшинами. Расположились группами на расстеленных во дворе кошмах. Камчибеков подходил то к одним, то к другим, сидевшие вставали и низким поклоном приветствовали его, он о чем-то говорил с седобородыми аксакалами... Вернулись наши разведчики. Они сообщили, что многие из жителей долины, обманом и угрозами вовлеченные в банду Ады Ходжаева, покинули ее, но продолжают укрываться в горах, боясь наказания властей.

— Среди приехавших в Гульчу киргизов есть и участники грабежей, и побывавшие в банде, — предупредил разведчик Парманас.

— Ады Ходжаев находится в шести-семи километрах от Гульчи, — рассказывали разведчики, — его люди разъехались по стойбищам, запугивают жителей, угрожают тем, кто будет оказывать помощь Советской власти и пограничникам.

Теперь мы довольно четко представляли себе, что делается в районе в радиусе нескольких десятков километров. Это в значительной мере облегчало наше положение.

Во второй половине дня в Гульчу влетел на взмыленном коне красноармеец. Разыскав меня, вручил пакет от командира эскадрона 10-го кавполка войск ОГПУ Аникина. Он сообщал, что к 18.00 рассчитывает прибыть в Гульчу, и просил выслать связных.

Навстречу эскадрону направили разведчика Баймухамеда Буранова и трех пограничников. Необходимо было заранее позаботиться о размещении людей, накормить их и лошадей. Пригласили председателя сельсовета (до прихода красноармейцев в Гульчу он вынужден был прятаться от басмачей в горах) и попросили его помочь нам в этом деле. Отдали необходимые распоряжения, а затем, собравшись у Орозбекова, обсудили характер предстоящего разговора с аксакалами.

Камчибеков, обращаясь к приехавшим, попросил их расположиться на кошмах. Вышли Орозбеков с Камбаровым. Все встали и поклонились.

лись Орозбекову, тот ответил на приветствие и пригласил всех сесть. Аксакалы чинно расселись, молодые же остались стоять у них за спиной. Начался неторопливый разговор...

А в это время Янкелевич и я в сопровождении нескольких пограничников, сев на лошадей, выехали к Гульчинскому мостику, предварительно дав распоряжение приготовить Орозбекову лучшую лошадь. Ждать пришлось недолго: из-за поворота показался Буранов с несколькими красноармейцами, а немного погодя — и эскадрон с командиром во главе колонны. Мы поспешили навстречу. Представились друг другу.

Рассказывая Аникину о беседе, которую проводит сейчас с аксакалами Председатель КирЦИКа, договорились, что комзэк отдаст Орозбекову рапорт по всей форме.

Обговорив порядок церемонии, я и Янкелевич на рысях вернулись в кишлак и доложили Орозбекову о прибытии эскадрона, предупредив, что ему необходимо принять рапорт командира.

Отряд вошел в кишлак по трое. Подъехав к назначенному месту, Аникин перестроил колонну во фронт, подал команду «смирно» и направил коня к двинувшемуся навстречу Орозбекову, за которым, чуть приотстав, следовали Янкелевич и я. Аникин, вскинув руку к фуражке, четко отдал рапорт. Орозбеков поздоровался с красноармейцами, и в ответ прозвучало мощное стопятидесятиголосое приветствие, эхом загремевшее в горах.

Церемония отдачи рапорта произвела огромное впечатление на присутствовавших при этом старейшин и местных жителей. Такого видеть им еще не приходилось!

Вместе с эскадроном вернулся наш «пикап» — на нем приехали начальник управления пограничных войск ПП ОГПУ в Средней Азии Бабкевич, представитель Средазбюро ЦК ВКП(б) Алимов, уполномоченные ПП ОГПУ Муртазин и Римский и еще четверо ответственных работников окружного исполкома и комитета партии. Все прибывшие представились Орозбекову.

— Передайте аксакалам, — обратился Орозбеков к Камчибекову, — что утром мы еще поговорим с ними. — А пока пусть поразмыслят над тем, что видели.

Разместив красноармейцев на отдых, командиры собрались в помещении почты на совещание. На нем было решено создать комиссию по выяснению причин, способствовавших выступлению Ады Ходжаева, провести разъяснительную работу среди жителей кишлака.

Рано утром собрали население кишлака, приехавших со стойбищ, и Алимов, Камчибеков и члены комиссии долго беседовали с ними. Затем к собравшимся обратился Орозбеков:

— Что, аксакалы, надумали за ночь?

Вперед вышел седой, с узкой белой бородкой старец:

— Мы думаем, аксакал, что нам надо поговорить с Ады Ходжаевым о добровольной сдаче его Советской власти. Вокруг одобрительно загудели.

— Что ж, вы решили правильно,— заметил Орозбеков.— Советская власть гуманна, и добровольная сдача джигитов предотвратит ненужное кровопролитие.

Старейшины выбрали делегатов для поездки к Ады Ходжаеву, и минут через сорок они уже выехали из Гульчи. Комиссия тем временем выяснила причины, способствовавшие возникновению беспорядков. Одной из них была следующая. Председателем волостного исполкома в Гульче работал некто Ташбаев, который проводил некоторые мероприятия вразрез установкам и рекомендациям советских органов. Обнаружились и другие нарушения. Все это, естественно, вызывало недовольство среди населения, а порой и озлобляло его. Ады Ходжаев использовал эти обстоятельства и не без успеха проводил антисоветскую агитацию среди жителей района. Показательным явился и тот факт, что в момент выступления басмачей Ташбаев оказался в их рядах.

С утра следующего дня стали возвращаться разведчики. Они сообщили, что с Ады Ходжаевым остались старые басмачи, контрабандисты, ряд родственников баев и некоторое число жителей долины. Басмачи пытаются заполучить сведения о численности красноармейцев, количестве пулеметов. Разведчикам удалось узнать и о намерении курбаши захватить Председателя КирЦИКа и прибывших советских и партийных работников, после чего диктовать нам свои условия, в крайнем случае увезти Орозбекова в Китай.

Во второй половине дня вернулись делегаты, ездившие к басмачам, и проинформировали Камчибекова о том, что вопрос о добровольной сдаче Ады Ходжаев намерен решить только при личной встрече с Орозбековым. Об этом тут же доложили ему и Алимову. Собрали узкое совещание.

— Захватить курбаши в горах, близ границы, очень трудно, — в раздумье произнес Бабкевич. — По имеющимся данным, у него более сотни всадников. Он имеет осведомителей среди местного населения. Китайские погранпосты, которые он наделяет награбленным, беспрепятственно пропускают банду через границу на свою территорию. Если удастся склонить его к сдаче, это будет большой успех! — закончил он.

— Думаю, что для пользы дела,— заявил Орозбеков,— мне надо встретиться с Ады Ходжаевым.

— Но вы же знаете о его намерении захватить вас! — возразил Бабкевич.

— Я понимаю, что мне грозит, но разве есть другой выход? Вы ведь помните, как Фрунзе ездил на переговоры с главнокомандующим басмачей Мадамин-беком, и результаты были хорошими: курбаши сдались Советским властям. Надо решиться на переговоры,— заявил Орозбеков.

Обсудив все за и против, договорились, что на переговоры поедут Орозбеков, Камбаров, Камчибеков и я, с каждым будет также по конному. К курбаши послали гонца. Тот вернулся и сказал, что Ады сог-

ласен вести переговоры и будет завтра часов в девять утра в четырех километрах от Гульчи, на одной из сопок у дороги.

Бабкевич пригласил к себе командиров отрядов, Муртазина, Римского и меня.

— Ну, что ж, товарищи,— заговорил он,— по всем данным, похоже на то, что Ады попытается захватить наших парламентариев. Необходимо разработать план наших защитных действий.

Решили обследовать местность в районе предстоящей встречи и под покровом ночи выдвинуть туда и тщательно замаскировать взвод бойцов из эскадрона Аникина с двумя ручными пулеметами, а также два отделения пограничников из отряда Янкевича. Общее руководство этими группами возложили на Муртазина. Остальные силы должны быть наготове и действовать по обстановке.

— Думаю, что Ады Ходжаев на встречу не приедет, — высказал я мысль, — надо заставить его действовать смелее, активнее...

И вот с наступлением ночи около половины эскадрона и значительная часть пограничников снялись с ночлега и двинулись в сторону Оша. По кишлаку быстро разнесся слух, что красноармейцев отзывают.

Глубокой ночью, соблюдая тишину, красноармейцы, «ушедшие» в Ош, вернулись в Гульчу, расположившись на некотором удалении от кишлака. Вокруг кишлака немедленно выставили дозоры с задачей: из кишлака никого не выпускать.

Рано утром 30 мая, как и было условлено, мы выехали к месту предполагаемой встречи. Миновали место, где были замаскированы наши бойцы, но ничего не заметили. Поднялись на сопку. С соседней сопки к нам направлялся всадник. На великолепной лошади в красиво отделанном седле подъехал рослый, сравнительно молодой джигит. Одета в новый темно-синий чапан, на боку сабля в богатых ножнах — по всему было видно, что это кто-то из близкого окружения курбаши.

— Аксакал,— почтительно обратился он к Орозбекову,— рад встрече с вами. Курбаши немного опаздывает — его лошадь повредила ногу, но я сейчас же поеду к нему, и очень скоро мы будем здесь,— заявил джигит и, развернув коня, погнал его обратно.

— Ну, теперь надо быть начеку! — проговорил я. — Это наверняка была проверка, кто с нами приехал.

— Похоже,— ответил Орозбеков.

К нам подлетел на коне, поводяшем боками, красноармеец.

— К Муртазину прибыл один из разведчиков,— торопливо докладывал он, — и сообщил, что Ады Ходжаев с группой бандитов находится на одном из стойбищ, а большая часть банды медленно окружает вас. Они уже перекрыли путь на Гульчу, — продолжал он, — но туда успел проскочить разведчик Джоро Алимов.

— Товарищ Орозбеков,— обратился я к нему,— надо оттягиваться к нашей засаде.

Спустились вниз и погнали лошадей. Когда подъезжали к месту засады, со стороны Гульчи раздались выстрелы. Мы спешились. Поп-

росили Орозбекова отойти за обломки скал и находиться там. Сами тоже укрылись за камнями. Пригибаясь, подошел Муртазин. Стали наблюдать.

В нескольких сотнях метров от нас появились басмачи. С трех сторон, не спеша и не стреляя, они двигались в нашу сторону. Всадников значительно больше сотни. Одни держат винтовки стволом вниз, опустив на вытянутой руке, другие, положив их поперек седла. В бинокль хорошо видно, что едут уверенно, спокойно.

— Без команды не стрелять, подпустить поближе, — передал по цепи Муртазин.

До басмачей осталось не более 150 метров. Нервы напряжены, в висках стучит, во рту пересохло.

— Огонь! — подает команду Муртазин.

Сразу же заработали пулеметы, затрещали винтовочные выстрелы. Красноармеец Степан Дундук выстрелил из гранатомета. Вопли, стоны, ржание лошадей. Басмачи, теряя убитых и раненых, разворачивали лошадей и, остервенело нахлестывая их, пытались уйти из-под обстрела, но со стороны Гульчи с обнаженными шашками приближался взвод пограничников. Часть басмачей, лошади под которыми были убиты или ранены, бросились врассыпную.

Красноармейцы вылавливали оставшихся и прятавшихся басмачей. Разгром наступавшей банды был полным. Собрали пленных, отобрали у них ножи, после чего вручили им их же винтовки с вынутыми затворами, хурджуны с награбленным добром, снятые с убитых лошадей, и под конвоем двух пограничников повели в Гульчу. Одни басмачи на чем свет стоит кляли своего главаря, призывая аллаха послать на него невыносимые мучения, другие плакали, третьи, понуро опустив головы, казалось, ничего не видели вокруг.

Пограничники рассказали, что они захватили в плен семерых басмачей, которые отрезали парламентарам путь в Гульчу. Это их выстрелы мы и слышали, они являлись сигналом для остальных басмачей, означавшем, что дорога перекрыта.

— Вот и закончились наши переговоры, — сказал я.

— Что ж, они наказаны за свое коварство. Зло, которое они готовили для других, обернулось против них самих, — подвел итог Орозбеков.

Двое басмачей остались с отрядом. Разведчик Джоро Алимов поручился за них, объяснив, что в банде они оказались по своей глупости. Мы не стали возражать. Они рассказали, что Ады Ходжаев объявил им об уходе большей части красноармейцев из Гульчи.

— Мы теперь без труда сможем захватить аксакала Орозбекова и малочисленный отряд в Гульче, — важно говорил он, — они у нас в капкане.

Чем это закончилось для его воинства, мы уже знаем. Но необходимо было ликвидировать ядро банды вместе с ее главарем. Не теряя времени, направили наших разведчиков Буранова и Алимова на поиск

места сбора остатков банды Ады. Построив бойцов походным порядком, двинулись к ближайшему стойбищу. Дошли до него быстро. В ложине, покрытой яркой весенней зеленью, стояли юрты. Встретили нас радушно, угостили кумысом, в больших котлах поставили варить мясо. Женщины, ругая Ады Ходжаева, поведали, что басмачи из его банды разбежались. Приехавший на стойбище Джоро подтвердил их слова: в банде осталось человек сорок самых отъявленных головорезов.

— Находятся они в нескольких километрах отсюда в одном из ушейли, — доложил он, — похоже, что намерены уйти за границу.

Подняв отдыхавших красноармейцев, быстро направились к месту, где была обнаружена банда. Прошли километра два, когда дозорные сообщили, что совсем рядом басмачи поднимаются по склону одной из сопок. Поднялись и мы на ближайшую сопку. Действительно, недалеко от нас, чувствуя себя в безопасности, не спеша движется группа всадников. Догнать их мы не могли: спуск с нашей стороны был крутой и опасный. Решили обстрелять банду. Выбрав удобную позицию, залегли два пулеметчика. По команде открыли огонь, послали пару гранат из гранатомета. Басмачи бросились в разные стороны. Быстро темнело. На фоне темного неба стали исчезать очертания гор, а немного погодя было уже трудно разглядеть что-либо вблизи. В который раз темнота выручала басмачей.

Послав разведчиков проследить за бандой, отряд повернул в Гульчу. Бабкевич позвонил в кишлаки Суфи-Курган и Иркештам и предупредил о движении Ады Ходжаева к границе. Позже нам оттуда сообщили, что басмачи, обойдя кишлаки стороной, по труднопроходимым тропам ушли в Китай.

Члены комиссии разбирались с пленными басмачами. Орозбекову доложили, что пятеро из них совсем юноши, и, судя по всему, в банде случайные люди.

— Приведите их ко мне, — попросил он.

Привели молодых ребят. Стоят, жмутся друг к другу, пугливо озираются.

— Ну, вояки, рассказывайте о себе, — улыбнувшись, обратился к ним Орозбеков. — Как к Ады Ходжаеву попали?

Юноши, перебивая друг друга, стали просить у аксакала прощения. Он, не перебивая, слушал их сбивчивые, торопливые слова, затем движением руки заставил замолчать.

— Расскажите, чем вы занимались на стойбищах?

И тут выяснилось, что все они батраки, с раннего детства пасли байский скот. За свою работу почти ничего не получали, но, когда пришел Ады Ходжаев, бай дал им лошадей, винтовки и велел идти к нему в банду, посулив за это золотые горы, и те соблазнились.

Поговорив с ними, Председатель КирЦИКа Орозбеков высказал пожелание отпустить их по домам. Члены комиссии тоже не видели необходимости задерживать юношей. А те, радостные и счастливые, прижимая руки к сердцу, говорили и говорили слова благодарности в

адрес Орозбекова и членов комиссии. Мы понимали, что творится в душе молодых людей, и радовались тому, что еще несколькими открыли глаза на жизнь, вселили веру в светлое будущее трудового народа.

Находиться в Гульче больше не имело смысла. Оставив там на время взвод красноармейцев во главе с Муртазиным, мы вернулись в Ош. Туда же конвоировали и пленных басмачей.

На следующий день меня пригласили в окружной комитет партии к Председателю КирЦИКа товарищу Орозбекову.

— Поздравляю! — обратился он ко мне. — За умелое руководство от имени КирЦИКа награждаем тебя лошадю! — он тепло пожал мне руку. — Грамоту вышлем тебе из Фрунзе в ближайшие дни...

...В этот же день я получил новое назначение — меня направили райуполномоченным ОГПУ в город Джалал-Абад, выделив в распоряжение аппарата взвод красноармейцев под командованием Притулы.

Но борьба с бандой Ады Ходжаева на этом не закончилась. Дней через двадцать после вступления в новую должность мне из Оша позвонил Матвеев и сообщил о том, что Ады Ходжаев, находясь на китайской территории, вновь собрал банду, прорвался через границу и в настоящее время бесчинствует в Узгенском районе.

— Считаю, что тебе следует объединить силы с райуполномоченным в Узгенском районе Михаилом Лапиным, — предложил он, — и совместными усилиями разгромить Ады. Не забывайте про разъяснительную работу, — советовал Матвеев. — Ну, желаю успеха!

Подняли по тревоге взвод Притулы и выступили из Джалал-Абада. В пути к нам присоединились двадцать два бойца Мирза-Акинско-го добротряда под командованием Павла Осташкова.

От местного населения узнали, что группа басмачей была замечена где-то возле Ири-Су. Я дал задание нашим опытным разведчикам Буранову и Окееву установить местонахождение банды. Одеты так же, как и все жители, они ничем не отличались от них, что во многом облегчало их работу.

На следующий день на взмыленном коне прискакал Океев.

— Командир, басмачи схватили Баймухамеда, — торопливо рассказывал он. — Небольшая группа ждет подхода Ады.

Далее он объяснил, как проехать к месту стоянки басмачей. Взяв с собой Мирза-Акинский добротряд, поспешили к стойбищу и к вечеру доехали до него. Шедшие впереди дозорные предупредили, что около одной из юрт привязано с десятка оседланных лошадей. Окружили юрту, и семь басмачей, не успевшие сделать ни одного выстрела, были схвачены.

Буранова нашли в глубокой яме, где обычно хранили зерно, связанного, жестоко избитого, но живого. Для решения его судьбы басмачи ждали прихода Ады Ходжаева.

Утром нас разыскал связной. Он сообщил, что Ады Ходжаев, преследуемый отрядом пограничников, потерял десять джигитов убитыми, а с оставшимися двадцатью пятью всадниками ушел в сторону китайской границы.

В конце апреля 1931 года Ады Ходжаев с бандой вновь прорвался из Китая в районе перевала Карачал на нашу сторону. Отряд войск ОГПУ и пограничников при самой активной помощи местных жителей выследил эту волчью стаю. Она была полностью разгромлена, а сам главарь взят в плен.

6. Отпуск откладывается...

В первых числах июля 1930 года я получил предписание прибыть в Ташкент в ПП ОГПУ по Средней Азии. Приехал и мне вручили Грамоту и маузер с надписью: «Маргайтису В. А. за беспощадную борьбу с контрреволюцией и басмачеством». Заместитель полномочного представителя ОГПУ Борис Берман дал указание выдать нам с женой путевки на курорт в Ялту и пожелал счастливого пути и хорошего отдыха. Оформив проездные документы, стали готовиться к отъезду.

Утром следующего дня в гостиницу, где мы жили, прибыл нарочный. Меня вызывали к Б. Берману.

— Товарищ Маргайтис,— сказал он, как только я перешагнул порог,— получены сообщения, что из Китая прорвалась через границу и ушла в Узгенский район банда Джаныбека Казы. Там же объявился Гаип-пансат. Появились басмаческие шайки в Базар-Курганском и в других районах. Разграблен совхоз «Ири-Су». Избивают и убивают сельских активистов, партийных и советских работников, терроризируют население. Секретарь Ошского окружного комитета партии,— продолжал он,— и начальник ОГПУ предлагают отложить твою поездку на курорт. Я не отменяю твоей поездки, но... решай сам...

— Ну, что ж, отдохнем позже,— ответил я. Знал, что другого ответа от меня и не ждали.

— Какая нужна помощь?— переходя на деловой тон, поинтересовался Берман. Мы склонились над картой.

— В первую очередь необходимо дать телеграмму в Джалал-Абадское ОГПУ, чтобы они оповестили командиров-доблестцев: Клименко Алексея Васильевича из села Октябрьского, Попова Андрея Тимофеевича — из Дмитриевки, Култая Исабаева — из Кок-Янгака, Агеева Миханла — из Благовещенского. Пусть подготовят людей к походу. Понадобятся сотня винтовок, патронов штук по двести к каждой, гранаты, осветительные ракеты, наганы для командиров, бинокли, перевязочный материал и медикаменты.

Берман сделал необходимые записи:

— Хорошо, все, что просишь, выделим. Иди сдавай проездные документы, путевки и к 12.00 — ко мне.

В полдень я вновь был у Бермана.

— Телеграмма отправлена, все, что просил, будет приготовлено и погружено. Вместе с тобой в Джалал-Абад поеду я, двое уполномоченных из отдела по борьбе с бандитизмом и шестьдесят курсантов шко-

лы младшего комсостава войск ОГПУ под командованием Риферта, — обрадовал меня Берман и вручил удостоверение, по которому я значился начальником боевой оперативной группы.

Вечером в гостиницу за мной и женой заехали уполномоченные ПП ОГПУ и отвезли нас на вокзал. Погрузка оружия, боеприпасов, снаряжения и лошадей была закончена. Курсанты группами стояли у вагонов. Отовсюду слышались смех, шутки, громкие разговоры. В вагоны никто не садился — ждали Бермана. Но вот подъехал и он. Горнист сыграл сигнал «садись». Паровоз дал протяжный гудок, и состав, лягнув буферами, тронулся. На станцию Джалал-Абад прибыли на рассвете. Нас встречали секретарь райкома партии Мусабек Таукин, председатель горисполкома, уполномоченный ОГПУ Роман Долганов, ответственные работники города, командиры добротрядов, а Клименко привел весь свой конный отряд, выстроив его на привокзальной площади. Рукопожатия, улыбки, теплые слова приветствий.

В райкоме партии состоялось расширенное заседание бюро, на которое были приглашены все прибывшие командиры, командиры добротрядов, работники райаппарата ОГПУ. Первыми заслушали доклады командиров добротрядов. Они постоянно поддерживали связь с населением и были хорошо осведомлены о положении в своих районах. Притаившиеся басмачи под влиянием антисоветской агитации, проводимой мусульманским духовенством и бывшими баями, начали концентрироваться в густых ореховых лесах Арсланбоба. В районе ущелья Кызыл-Ункюр собралось до 300 басмачей не только из Южной Киргизии, но и из Узбекистана. «Главкомандующим» всех шаек объявил себя Батырбек, бывший курбаши, прощенный Советской властью в 1922 году. В 1929 году, перед началом коллективизации, подстрекаемый ишаном Насырхан-тюря, Батырбек скрылся, а в 1930 году уже под влиянием Ганп-пансата выступил во главе басмачей из своего рода, взяв также под свое командование и пришлых из других районов. В роли вдохновителя на этот раз выступал бай Туракул Алиходжаев, бывший волостной управитель, житель Базар-Курганского района.

В выступлении представителя Средазбюро ЦК ВКП(б) поднимался вопрос о развертывании массовой агитации среди населения. Утвердили список агитаторов из числа коммунистов и комсомольцев, знающих киргизский и узбекский языки.

После заседания в райкоме партии я пригласил всех командиров в райотдел ОГПУ, где совместными усилиями разработали план ликвидации басмачества в районе. В общем виде им предусматривалась изоляция банд путем окружения в местах скопления. Предполагалось перекрыть пути возможного их движения в любую сторону из лесов Арсланбоба. Каждому командиру был определен маршрут, пройдя по которому в назначенный день бойцы должны будут занять намеченные позиции. Договорились, что между отрядами будет поддерживаться регулярная связь через нарочных.

Звоню в Базар-Курган райуполномоченному Филонцу Григорию Анисимовичу и ставлю задачу: добротряду Эргеша Алиева перекрыть

тропы, идущие из ореховых лесов в сторону Базар-Кургана и Ферганскую долину. Из отряда Попова послали двоих молодых киргизов-охотников в Кетмень-Тюбе к командиру добротряда Николаю Константиновичу Мединскому. Ему предлагалось закрыть перевал, через который басмачи могли пройти из Кызыл-Ункюра в Кетмень-Тюбинский район. Учитывая, что ехать напрямую через ореховые леса было опасно, послали их обходным путем через перевал Кугарт в Тогуз-Тороу и далее по ущелью Кавак в Кетмень-Тюбе. Дорога предстояла длинная и небезопасная. Выдали им документы, в которых излагалась просьба ко всем сельским Советам оказывать содействие и помощь в замене лошадей. Чтобы документы ненароком не попали в руки басмачей, зашили их под подклад одежды.

Днем поступили данные, что после столкновения с Мирза-Акинским отрядом Осташкова в местность Ири-Су прорвалась шайка Гаип-пансата численностью в сорок — сорок пять всадников. События нарастали и заставляли действовать. К вечеру все командиры отрядов разъехались к местам дислокации своих отрядов.

Через два дня курсанты школы и группа бойцов Култая Исабаева выступили из Джалал-Абада в ореховые леса. Большая часть пути проходила по лесистой местности. Природа вокруг необычайно красива. Обилие диких яблонь, груш, сливы, алычи. То и дело отряд вспугивает грациозных косуль, пернатую дичь и другую живность. Неумолчный гомон птиц, жужжание пчел. Впечатляющие пейзажи благодатного края! Окружающая обстановка действовала успокаивающе. И никак не верилось, что в любой момент могли прогреметь выстрелы и оборваться чья-то жизнь...

Сделали привал на пасеке венгра Элиша. Взятый в плен в первую мировую войну, он так и остался жить в Киргизии. От него узнали, что в сторону Кызыл-Ункюра вот уже несколько дней подряд проезжают небольшими группами вооруженные всадники, среди них и лица духовного звания — они выделялись среди других большими белыми чалмами.

Выставленный нами пост остановил несколько киргизов и русских, жителей Кетмень-Тюбинского района, гнавших на джалал-абадский базар скот. Расспросили их. Они рассказали, что когда миновали перевал, то были остановлены вооруженным постом басмачей. Те интересовались, есть ли по ту сторону перевала отряды красноармейцев. Басмачи забрали у них ружья и пропустили.

Сидели мы с Култаем Исабаевым под орешинной и держали совет, как поступать дальше. Нужно было попытаться склонить курбаши Батырбека к добровольной сдаче. Высказали свои соображения Берману. Он согласился с нашим предложением.

Зная, какую силу представляет мнение старейшин, разослали бойцов Култая на ближайшие стойбища пригласить аксакалов для разговора. На следующий день их съехалось более пятидесяти. Подходя к Исабаеву, которого они хорошо знали, старики почтительно приветствовали его.

— Аксакалы, — обратился он к ним, — вы, убежденные седиными, мудрые люди! Мы хотим, чтобы вы склонили Батырбека к добровольной сдаче. Мы хотим, чтобы ваши сыновья и родственники вернулись к своим семьям, к своим очагам, к мирному труду. Мы не хотим кровопролития, но ваши сыновья находятся у Батырбека и могут погибнуть, если нам придется начать боевые действия. Весь район окружен красноармейцами. Ваши сыновья еще не успели совершить преступлений и пусть спокойно разъезжаются по домам. Наказывать их никто не будет. Мы полагаемся на вашу мудрость, аксакалы! Пусть она подскажет вам правильное решение.

Старики, внимательно слушавшие Исабаева, оживленно заговорили между собой. Мы не мешали им.

— Справедливы слова твои, Култай! — раздался голоса с их стороны. — Надо ехать к Батырбеку!

Выбрали двоих парламентариев и те, не мешкая, забрав лошадей, отправились к месту сбора басмачей.

К происходившему разговору, не вмешиваясь в него, внимательно прислушивался лесник по фамилии Кубышка. Жил он большую часть года в ореховых лесах, исправно нес свою службу и был известен всей округе. Мужичонка он был вздорный, большой любитель выпить и особенно всерьез его никто не принимал.

— Кубышка, — обратился я к нему, — ты можешь поехать к басмачам?

— Могу, — осклабился он.

— Ну и отлично. Поезжай к ним, — растолковывал я, — и, если они будут интересоваться, где тебе пришлось встретить красноармейцев, говори, что ими перекрыты все тропы и дороги.

— Это можно. Нехай слухают, — заулыбался он, — а наговорить я могу.

— Не переборщи, Кубышка, — предостерег я его, — если басмачи почувствуют, что ты их обманываешь, — не одоброват тебе!

— А ты не бойсь, командир, я кой-чего соображаю...

— Тогда действуй. Выполнишь поручение, получишь в награду коня и ружье, — пообещал я.

— Понял, — ответил он. И, подтянув подпруги, вскочил в седло.

Смогут ли аксакалы убедить Батырбека? Поверят ли басмачи в то, что они окружены? Не попытаются ли заманить нас в ловушку? Вероломство — неотъемлемое в действиях басмачей. И это приходилось учитывать. От действий басмачей зависел ход дальнейших событий. Хотелось верить, что разумное возьмет верх, но вскоре мы убедились, что Батырбек задумал недоброе.

К концу дня вернулись парламентарии и сообщили, что курбаши Батырбек согласен на переговоры, встреча — на холме в трех километрах от Шайтан-Купрюка, недалеко от речки, завтра утром. И еще сообщили:

— К басмачам приехал лесник Дранный, так прозвали местные жители Кубышку за раны, нанесенные диким кабаном, ругается с ними

за поломку молодых деревьев, грозитя поехать в Базар-Курган к старшему лесничему и тот взыщет штраф по месту жительства их семей. Басмачи хотели отобрать у него ружье, но его ругань услышал курбаши и подозвал к себе. Дал Кубышке червонец и стал расспрашивать о новостях. Тот рассказал, что все тропы и дороги заняли прибывшие из Джалал-Абада красноармейцы с пулеметами.

Култай объявил старейшинам, что предложение Батырбека принимается, и завтра утром мы поедем на переговоры.

— Аксакалы, — продолжал он, — пока мы будем вести переговоры, вы останетесь здесь.

Через некоторое время старики позвали Култая к себе. Вернувшись, он сообщил, что те опасаются, как бы Батырбек не натворил бед, и просят разрешения послать к нему бывшего курбашу в 1922 году Кушванова и муллу Исмаила. Согласие было дано, и они уехали.

С рассветом Култай, Орозбай Джавагиев с сыном, я и еще два аксакала, взяв с собой чаначи с кумысом, выехали к условленному месту встречи. Там нас поджидал пост из пяти басмачей. Ими оказались местные охотники-бедняки, знавшие в лицо и меня, и Култая. Разговорились. Выяснилось, что пойти к Батырбеку они вынуждены были под давлением духовенства, сожалеют об этом, но уйти от него не знают как.

— Сдайте нам затворы от своих винтовок и берданок и отправляйтесь в расположение нашего отряда, — предложил я. Охотники с удовольствием повиновались затворы и, не задерживаясь, уехали.

С вершины холма в бинокль хорошо видна поляна, на которой раскинулся лагерь басмачей. Чтобы добраться к ним, нужно было перейти подвесной мостик, переброшенный через бурную в этом месте речку.

Место, выбранное басмачами, было удачным: пройти или проехать туда незамеченным невозможно. Наблюдаем, как к курбаши подъехал всадник. Вот Батырбеку подвели коня, и он в сопровождении нескольких всадников тронулся в нашу сторону. Мы спешили и стали ждать. Не доезжая до нас метров пятьдесят, басмачи слезли с лошадей, оставили их коноводам и направились к нам. Вместе с ними приехали и выехавшие ранее парламентареры. Закончилась церемония приветствий, и мы расселись на траве. Тут же из хурджунов было извлечено вареное мясо, разлили кумыс, и все принялись за еду, мирно беседуя о всякой всячине.

Курбаши басмачей Батырбек был человеком лет пятидесяти, выше среднего роста, краснолицый, крепко скроенный и быстрый в движениях. Хороший стрелок и охотник, он еще будучи молодым завоевал славу первого в народной игре «улакчи»: если он ухватил тушу козла, то вырвать ее у него уже не мог никто. Его помощник Туракул — немного постарше, роста среднего, толстый, неповоротливый, с черной бородой.

— Батырбек, — заговорил седобородый Орозбай, — ты поддался дурным советам и сманил наших сыновей и родственников, оторвал их от семей. Матери и жены оплакивают мужчин и проклинают тебя. Мы просим — не допусти кровопролития, сдайся по добру.

— В двадцать втором я сдался со своими людьми Советской власти, — сказал бывший курбаши Кушванов, — и мы дали слово больше никогда не выступать против нее, и слово свое сдержали. А вы смутили наших сыновей, как же нам, старикам, смотреть людям в глаза? Что тебе не хватает, Батырбек? Зачем вносишь смуту? Многого мы раньше не понимали, жили по-старому и думали также. Посмотри вокруг: Советская власть все делает для нас и наших детей, — медленно говорил он. — Годы уходят, и нельзя оставаться слепым и глухим.

— Мы сдадимся, — возразил Туракул, — рядовых простят, а нас расстреляют!

— Ты, Туракул, — горячо заговорил Култай Исабаев, — с первых дней Советской власти мутишь народ и, конечно, теперь боишься. Ты, Батырбек, захотел, очевидно, прославиться, а? Вспомни, как под Коканд-кишлаком тебя прихватил Сары-тюря¹? Сколько ты тогда потерял от пуль и сабель людей? Кому нужна ваша кровь? Если бы мы вам добра не хотели, то не разговаривали с вами сейчас.

— Что скажешь, Сары-тюря? — обратился ко мне Батырбек.

— Садись на коня, отправляйся к своим джигитам и веди всех сюда, а чтобы Туракул не мешал тебе, он посидит с нами.

— Своих я приведу, но пришлые могут отказаться, — засомневался Батырбек.

— Твои джигиты составляют основную силу, кто откажется сдаваться — заставь их! — посоветовал я.

Батырбек, думая о чем-то своем, несколько минут сидел молча, опустив голову, затем снял с пояса кобуру с наганом и протянул мне. Я отвел его руку:

— У тебя в лагере есть еще враги, и он тебе пригодится.

Батырбек решительно поднялся и крикнул, чтобы ему подали коня. Вскочив в седло, направил его в лагерь. Все аксакалы последовали за ним, и только Туракул остался с нами, перебирая в руках четки.

Поднялись на холм и в бинокли стали наблюдать за происходящим. Вот Батырбек въехал в лагерь и его окружили басмачи. Он, не слезая с лошади, поднял камчу и начал что-то говорить. Лагерь пришел в движение. Потом выяснилось: это джигиты Батырбека хватали тех басмачей, которые не хотели сдаваться и пытались уйти в лес. Их били камчой и обезоруживали, но в суматохе некоторые ушли. Судя по тому, как дружно откликнулись джигиты на призыв курбаши, для подавляющего большинства из них такой исход был желанным.

Спустились на дорогу и стали поджидать Батырбека.

— Куда поедем? — спросил он, подъезжая к нам.

— В кишлак Чарвак, туда уже уехали нарочные оповестить население о добровольной сдаче джигитов.

Батырбек подал команду, и джигиты нестройной колонной, растянувшейся на несколько сот метров, двинулись за нами.

¹ Сары-тюря — рыжий начальник, так называли Маргайтиса местные жители (Г. М.).

Кишлак Чарвак имел около двухсот дворов, застроенных глинобитными мазанками с плоскими крышами. Зимой жители кишлака занимались охотой с помощью ружей, капканов и петель. Осенью все выезжало в лес на сбор грецкого ореха, яблок, груш, меда диких пчел. В кишлаке была кустарная маслобойня, на которой давили ореховое масло, пользовавшееся большим спросом. Орехи и ореховое масло вывозились в Джалал-Абад и Базар-Курган и являлись для чарвакцев основным предметом торговли. Приезжали сюда и купцы из Андижана скупать по дешевке ореховое масло. И тем не менее жители жили бедно. Не было здесь и ни одного грамотного.

Нас встречали все жители кишлака. У некоторых из них в руках были палки с кусками красной материи. Неслись приветственные крики. К месту сбора сдавшихся басмачей и наших отрядов начали съезжаться жители с близлежащих стойбищ, везя с собой баранов и чаначи с кумысом.

Весть о сдаче басмачей облетела округу с невероятной быстротой и воспринята была восторженно — не нужно бояться неожиданных нападений, грабежей и насилий!

Остановились мы в единственном на весь кишлак большом доме с балаханой (открытая веранда на втором этаже), принадлежащем баю Юлдашу из Базар-Кургана, приезжавшего сюда только осенью на сбор грецкого ореха.

В кишлаке становилось тесно от прибывающих со всех сторон всадников. Громкие возгласы, смех, ржание лошадей — все слилось в разноголосый гул. По всему чувствовалось, что настроение у людей приподнятое, праздничное. И уже поплыл над кишлаком аппетитный запах плова — традиционного праздничного блюда в этих краях.

Подошло несколько добротрядов, которые доставили десяток пленных басмачей из банды Гаип-пансата. На рассвете этого же дня Гаип-пансат, шедший на соединение с Батырбеком, наткнулся на отряд Попова. После небольшой перестрелки добротрядцы захватили несколько пленных. Банда по горам ушла на запад, но была обстреляна группой Клименко. Гаип бросился в лес, но там встретился с бойцами отряда Агеева, также пленивших несколько басмачей.

Пленные рассказали, что Гаип, преследуемый пограничниками и отрядом Осташкова, не смог пробиться в Китай и пошел на соединение с Батырбеком, но ему не повезло и здесь.

Составили списки на сдавшихся басмачей, их оказалось около 300 человек, после чего построили их на улице у дома бая Юлдаша и перед ними выступил представитель Средазбюро ЦК ВКП(б). В конце своего выступления он сказал:

— Цените Советскую власть за то, что она вас прощает. Идите, мирно работайте и не поднимайте оружие против нее!

Басмачи стали расходиться. Приказали остаться только курбашам, крупным и мелким, которых набралось больше десятка. Разговор с ними представлял особый. Пригласили их на балахану и долго беседовали с ними. Почти все они заявили, что подбил их на это выступление бай

Туракул Алиходжаев; сожалели, что поддались его уговорам. Туракул зло поглядывал на говоривших и нервно перебирал в руках четки. Роль Туракула в выступлении басмачей была очевидна, и я приказал командиру добротряда Эргешу Алиеву взять его под стражу.

— Вы ели моих баранов, пили мой кумыс, я делал для вас добро, а вы все против меня! — кричал Туракул. — Аллах накажет вас!

Шум, крики. Но вот бойцы Алиева увели арестованного, и все стихло. Райуполномоченный Филонец, Исабаев и я попросили курбашей оказать содействие в выявлении скрывающихся басмачей и склонении к добровольной сдаче. Те заверили, что просьбу нашу постараются выполнить. Мы понимали, что заверения эти не всеми и не сразу будут подкрепляться делом, но семена доброго и разумного были посеяны всем ходом недавних событий и верили, что они дадут хорошие всходы. Попрощавшись с ними, разрешили им разъехаться по своим кишлакам.

Написал я записку секретарю Базар-Курганского райкома партии с просьбой прислать в кишлак машину, кстати сказать, единственную в районе, для перевозки оружия и снаряжения, отобранного у басмачей. Култай Исабаев выделил молодого джигита, дал ему хорошую лошадь и проинструктировал, чтобы во всех попутных селениях он собирал о добровольной сдаче басмачей. Боец с большой охотой взялся отвезти записку, заранее предвидя, как много он получит «суюнчи» (подношений) за сообщение о конце басмачества. Это действительно было большое и радостное событие.

Рано утром в кишлак заявился Кубышка запыленный и уставший.

— Командир, когда Батырбек уехал на переговоры, — рассказывал он, — узбекский курбаша Гани тайком ушел в лес, за ним ушли и сорок его джигитов. Направились в верховья Арсланбоба, я следил за ними, пока не наступила темнота...

Леснику выдали из трофеев хорошее двуствольное ружье, лошадь и красивое седло, чем он остался очень доволен.

Операция по ликвидации басмачества в Базар-Курганском районе в основном была завершена. На свободе гуляли лишь мелкие шайки басмачей, и нет-нет, да давали о себе знать. Через неделю после описываемых событий в одном из кишлаков выстрелом в спину был убит чекист, райуполномоченный Базар-Курганского района Григорий Анисимович Филонец. Тело его перевезли в город Андижан, где жили родители, и там с почестями похоронили на привокзальной площади.

Однако все чаще отдельные басмачи и шайки добровольно сдавались властям, а наиболее отъявленных головорезов помогало выявлять местное население. Несколько месяцев спустя в районе стало спокойно.

Многие участники похода в леса Арсланбоба: пограничники, бойцы войск ОГПУ и Красной Армии, добротрядцы были отмечены наградами, грамотами, благодарностями и подарками. Мне был вручен наградный знак «Почетный чекист».

7. Поход в Тогуз-Тороу

Событие, о котором я хочу рассказать, имело место в Тогуз-Тороу — горном районе Киргизии, в то время малозаселенном и оторванном от основных населенных пунктов, ближайшим из которых был Джалал-Абад. Пройти в этот суровый край можно было через горные перевалы, да и то только в летнее время. Основным занятием населения являлось скотоводство, сеяли немного прѣса и ячменя, об овощах, картофеле и фруктах почти не имели представления. Соль была ценностью.

Из-за труднодоступности представители партийных и советских органов редко могли пробиться в этот район, и вся местная власть там находилась в руках богатой верхушки. В летние месяцы через перевал Кугарт баи пригоняли скот на джалал-абадский базар и, не умея торговать, продавали его через перекупщиков. На вырученные деньги закупали мануфактуру, обувь, керосин, соль, спички, чай и другие предметы первой необходимости.

В феврале 1931 года в Джалал-Абад, Нарын и в Кироблотдел ОГПУ во Фрунзе стали поступать сведения о том, что в Тогуз-Тороу проникли из Китая посланники крупного киргизского курбаши Джаныбека Казы, которые проводят антисоветскую агитацию, призывают срывать мероприятия Советской власти, агитируют примкнуть к басмачеству, распространяют провокационные слухи.

В Ташкент, в Полномочное представительство ОГПУ, вызвали начальника Кироблотдела ОГПУ Севергина и меня. С участием начальника погранвойск в Средней Азии и некоторых других руководящих работников был разработан план операции по предупреждению развития басмачества в отдаленном и труднодоступном горном крае. К тому времени, о котором идет речь, басмачество в Средней Азии было ликвидировано, повсеместно шло строительство новой жизни, залечивались раны, нанесенные врагами. Поэтому поступившему сигналу придавалось исключительно серьезное внимание.

ПП ОГПУ в Средней Азии приказало командованию погранвойск закрыть пути в Тогуз-Тороу со стороны Нарына и Кочкорки и двумя отрядами пройти в этот район. Мне предложили изыскать возможность пройти с отрядом через перевалы в Тогуз-Тороу и провести там необходимые чекистские мероприятия: разгромить возможно организовавшиеся банды, выявить и арестовать связанных с басмачами баев, изъять оружие и провести разъяснительную работу.

Началась подготовка к проведению операции. В первых числах марта из Ошской погранкомендатуры прибыл в мое распоряжение взвод маневренной группы с двумя ручными пулеметами. Командовал взводом Иван Иванович Моор. Из Ташкента прислали двух связистов с рациями для связи с Ташкентом и Фрунзе. Вновь пришлось собрать добротряды Попова, Култая Исабаева, Клименко.

И вот ранним весенним утром отряд выступил из Джалал-Абада. На ночлег остановились в Калма-Кырчинском сельсовете в верховьях

речки Кугарт. Пригласили местных охотников. Те в один голос заявили: перейти через перевал Кугарт невозможно, но пояснили, что можно преодолеть перевал Урумбаш, он, хотя и круче, однако с этой стороны на нем меньше задерживается снега. Охотники вызвались провести отряд. Сделали дневку для подготовки к штурму перевала. Жители кишлака выделили нам полсотни волов, кошмы, тулупы, веревки, лопаты. Запаслись на дорогу вареным мясом. Все это навьючили на волов, и с рассветом колонна медленно двинулась к перевалу. Впереди отряда гнали животных, которые пробивали тропу в снегу. Местами его было так много, что они проваливались по хребет. В таких местах путь приходилось выстилать кошмами.

Тяжелым был подъем — и люди, и животные выбились из сил, но на вершину перевала вышли благополучно. По ту сторону снега еще больше — сугробы виднелись на каждом шагу. Волы не спасали положения, и мы по существу находились в снежном мешке. Посоветовались и решили спустить под уклон лошадь с одним из бойцов. На этот смелый и рискованный шаг вызвался добротрядец Олеке Кайназаров из отряда Попова.

Свалили его расседланную лошадь, связали ей ноги, к хвосту привязали седло. Кайназаров лег на седло, бойцы подтолкнули лошадь, и она вместе с Олеке заскользила с перевала. Мы с тревогой ожидали результатов. Но вот далеко внизу раздались три условленных выстрела — Кайназаров преодолел спуск благополучно. По проторенной борозде, утопая в снегу, прошли вниз и мы. При спуске были повреждены обе рации и пользоваться ими нам не пришлось.

Стемнело. Отряд собрался под перевалом, подкрепились вареным мясом, лошадям повесили торбы с овсом. Отдохнули и двинулись к стойбищу. Заметно похолодало, в ясном небе мерцали крупные звезды, искрился снег, со всех сторон возвышались снежные вершины гор.

В полночь подошли к зимовке в местности Атайка. Здесь стояли несколько юрт, сарай и глинобитная хижина, в которой жил охотник Эмильбек Мамбеталиев. Стали разбираться в создавшейся в районе обстановке. Большую помощь нам оказали местные бедняки-киргизы. От них мы узнали подробности происходящего здесь.

В соседнем Нарынском районе против Советской власти выступили некие Мамышев Идрис и Аблаев, которые, сколотив небольшую банду, стали совершать разбойные нападения. Банда увеличивалась за счет бывших басмачей, уголовников и просто запуганных и обманутых местных жителей. Отец Мамышева — Мамыш, родом из урочища Махмал в Тогуз-Тороуском районе, в 1920—1923 годах был курбаши в банде Джаныбека Казы Сагинбаева, которая бесчинствовала в Узгенском районе. В 1927 году он — вновь активный участник его шайки. Тогда же основные силы Джаныбека Казы были разгромлены, а сам он с частью банды ушел в Китай. Мамыш-курбаши также пытался уйти в Китай, но у перевала Читты в числе группы басмачей был взят в плен нашим заслоном и переправлен затем в погранкомендатуру. В 1929

году состоялся суд над главарями басмаческих банд, и по приговору суда Мамыш-курбаши был расстрелян.

Теперь мы знали, с кем имеем дело. На преследование банды Мамышева и Аблаева выступил небольшой отряд пограничников под командованием помкоманданта погранкомендатуры Лукашевича. С ним находились представитель погранвойск Константинов и уполномоченный Кироблотдела ОГПУ Ивашев. Из Кочкорки в Кавак, через Джумгал, с другим небольшим отрядом направился уполномоченный погранкомендатуры Петр Васильевич Василькин. Отряды на своем пути изъяли большое количество боевого оружия, которым могли воспользоваться басмачи.

Через несколько дней охотники-киргизы сообщили, что Мамышев и Аблаев находятся в урочище Оркозгон. Туда немедленно послали группу бойцов из отрядов Попова и Исабаева и шесть пограничников. После внезапной атаки наших бойцов и подошедшего со стороны Нарына отряда Лукашевича басмачи вместе с Мамышевым и Аблаевым были взяты в плен и доставлены к месту стоянки в Атайку. Здесь басмачей разделили: бедняков, взятых в банду насильно, после неоднократных бесед с ними отпустили по домам. Главарей банды и наиболее активных басмачей, в том числе и пришедших из Китая от Джаныбека Казы, оставили под охраной для конвоирования в Джалал-Абад.

Сведений о действиях в Тогуз-Тороу каких-либо других шаяк больше не поступало. Операцию по предотвращению выступлений басмачества здесь можно было считать законченной.

Оставили в Атайке заслон. Култай Исабаев и я, взяв с собой двадцать пять добротрядцев-киргизов, проехали по зимовкам, где провели с населением беседы о политике Советской власти. Выявили бандпособников и собрали около 500 единиц боевого оружия, большей частью английские винтовки.

Миссия проходила успешно. Встречали нас радушно. Этому способствовало наше дружелюбие, стремление чем-то облегчить жизнь этих людей. Еще в Джалал-Абаде, готовясь к походу и зная нужды населения этого района, я распорядился взять с собой побольше соли, лука, конфет, риса, чая, сахара, а также спичек, мыла, керосина, пиал, ниток, иглол, пуговиц и прочего. Все это очень пригодилось нам.

Пригревало весеннее солнце. В низинах сошел снег. Наступило время возвращения, но перевал был по-прежнему страшен: от звука выстрела, небольшого сотрясения и просто от тяжести накопившегося снега в любое мгновение могла сойти снежная лавина, сметая и уничтожая все на своем пути. Однако идти было нужно. Построились походным порядком и медленно потянулись к перевалу. Впереди колонны ехали задержанные и пленные басмачи, затем добротрядцы и замыкали колонну пограничники.

На перевал Кугарт шли гуськом. Поднимались по тропе в полном молчании, осторожно, с опаской поглядывая вверх, каждую минуту ожидая грохота сорвавшейся лавины. Перевалили перевал и спустились с него благополучно. Самая большая опасность осталась позади, но путь

предстоял ещё трудный. Тропа, которая вела в долину, шла то по одному, то по другому берегу бурной речки. Приходилось переправляться с одного берега на другой в ледяной воде, которая местами доходила по грудь. Все промокли и продрогли. К ночи дошли до зимовок Калма-Кырчинского сельсовета и там заночевали. Здесь весна была в полном разгаре. Как-то не верилось даже, что всего несколько дней назад мы находились в суровых зимних условиях.

Утром двинулись дальше. В селах и кишлаках нас встречали восторженно: односельчане добротрядцев радовались нашему благополучному возвращению, детвора лънула к бойцам, норovia взобраться в седло. В поселки так и въезжали — впереди каждого бойца гордо восседал мальчуган, держа поводья.

Так завершился поход в Тогуз-Тороу, один из многих эпизодов в боевой летописи ЧК—ОГПУ Киргизии¹.

... Басмачество, не находя поддержки в народе, терпело окончательный крах.

ВОЛК*

Джаныбек Казы Сагинбаев... Какой дехканин не дрожал, услышав это имя? А произносили его не только в Узгене, где Джаныбек жил, но и в Ошском кантоне, и в Андижане, и даже на самой «Крыше мира» — Памире.

В начале 1927 года Джаныбек собрал вокруг себя своих бывших «вассалов». Шайка разрасталась, переходила границу, сопровождая огромные партии контрабандных товаров. Участились столкновения между пограничниками и контрабандистами. Нити каждого дела вели в становище Джаныбека — Кара-Шоро.

...В апреле 1927 года небольшой группе воинов, направлявшейся на делегатскую конференцию в Ош, сообщили, что в глухом горном ущелье прячутся в киргизской кибитке два контрабандиста. Пограничники решили захватить их и немедленно направились туда. Кибитка была уже видна, когда внезапно появились десятки вооруженных бандитов и зверски убили пограничников...

Это было началом дьявольски задуманного плана. Не решаясь вступить в открытую борьбу, Джаныбек решил уничтожить пограничные посты поодиночке. Один за другим они получали сообщения о том, что в горах следуют группы контрабандистов. Веря этим сообщениям, разъезды пограничников направлялись в горы и попадали в засады.

В такую засаду в узком ущелье поздно вечером попали Зиберов и Пономаренко. Пограничник Зиберов был ранен и захвачен бандитами.

¹ Всем бойцам во главе с райуполномоченным ОГПУ *Маргайтисом В. А.* за проявленную стойкость в борьбе с классовым врагом приказом ПП ОГПУ по Средней Азии от 28.5.1931 года объявлена благодарность.

* Из журнала «Семь дней», 1927 г.

Пономаренко укрылся за выступом скалы и открыл огонь по басмачам. Но в кромешной тьме выстрелы не достигали цели. И вот тогда-то из ночи донесся крик Зиберова:

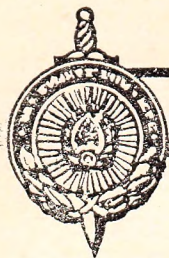
— Стреляй в меня! Стреляй на мой голос, здесь их куча!

Цель была найдена. Пули шли туда, откуда слышался крик Зиберова. Скоро стало тихо. Решив, что товарища нет больше в живых, а басмачи ушли, Пономаренко отступил к посту. Но прошла ночь, и на расвете туда же приполз истекающий кровью Зиберов.

Два пограничника с другого поста — будем считать постом № 2 — стали лицом к лицу с двенадцатью бандитами. Одного бандиты захватили и тут же убили, а другой уложил наповал двух напавших, встал на узкий карниз скалы и начал разряжать винтовку по врагам. Двух ранил, но кончились патроны. Тогда пограничник бросил в пропасть винтовку и прыгнул сам вслед за ней. Имя этого героя — Суббота.

Джаныбек мобилизовал всех, кого только мог, разделил шайку на несколько отрядов, занял горные тропы — подступы к постам и запрудил арыки, подававшие к ним воду. Началась осада. Один из постов осаждался бандитами в течение 13-ти суток, другой — в течение 8-ми суток. На третьем было только четверо пограничников. У них не было ни воды, ни продовольствия, ни корма для лошадей. Но у них был ручной пулемет. Он давал им силу бороться с осаждавшими. Все четверо были ранены. Лишь на вторые сутки им удалось пробиться через цепь и выйти на тропу. Обессиленные и израненные, они не добрались до следующего поста, а засели в ветхой киргизской кибитке. Еще двое суток они упорно отстреливались, пока банда не подожгла зимовку.

На помощь осажденным постам вышла поддержка. Молва о её приближении докатилась до Джаныбека. В одну из ночей, когда на постах голодные люди напрягали последние остатки иссякающих сил, Джаныбек снял осаду и отступил в горы. Через три недели кавалерийские отряды настигли Джаныбека. Вблизи от самой границы, в пустынной, необитаемой местности, произошел двухчасовой бой. Оставив убитых, раненых и пленных, Джаныбек бежал в Китай.

Е. Старнов

ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ

Мы победили потому, что лучшие люди всего рабочего класса и всего крестьянства проявили невиданный героизм в этой войне с эксплуататорами, совершили чудеса храбрости, переносили неслыханные лишения, жертвовали собой...— говорил В. И. Ленин.

Эти слова вождя революции с полным основанием можно отнести к имени одного из славной когорты первых чекистов, для которых борьба за счастье народа была смыслом всей жизни.

Прежде чем рассказать о последних днях Николая Прокопьевича Удилова — нашего мужественного земляка, уроженца г. Пржевальска, коммуниста с 1919 года, трагически погибшего от рук басмачей, приведем документ, характеризующий его. Это отзыв одного из соратников Ф. Э. Дзержинского — Ф. И. Эйхманса, относящийся к январю 1922 года:

«Товарища Удилова Николая Прокопьевича, занимавшего в последнее время должность начальника политбюро Андижанского уезда, я знаю по совместной работе с ноября 1920 года, когда тов. Удилов работал по ликвидации Нарыйского восстания. Благодаря энергичной и самоотверженной работе тов. Удилова все мятежники были выловлены и разоружены.

По выполнению вышеуказанной задачи тов. Удилов был мною командирован в район расположения отрядов белогвардейского генерала Бакича, где провел исключительно крупную операцию по вылавливанию и разоружению белых шаек, за что тов. Удилов Реввоенсоветом Туркфронта был награжден орденом Красного Знамени.

В июле 1921 года тов. Удилов был переброшен прямо через горы из Семиречья в Фергану, где успешно работал по борьбе с басмачеством.

Тов. Удилов благодаря своей энергии, выдержке, точному исполне-

нию возложенных на него задач является одним из лучших организаторов чекистской работы.

Уполномоченный ПП ВЧК по Ферганской области ТуркЦИКа Ф. Эйхманс».

* * *

...Глинобитные кибитки с плоскими крышами небольшого кишлака Беш-Тепе прятались за могучими кронами разросшихся деревьев. Последние лучи вечернего солнца отражались в розовато-белых облаках. Безлюдная широкая улица навевала тихую грусть. И только с наступлением сумерек кишлак оживился: сюда, на пиршество, стали съезжаться всадники.

В одном из домов за богато обставленным досторханом собрались именитые гости. Пансат Гаип Абдурасулев, насытившись, вытер руки. Кивком головы дал понять сидевшему у входа джигиту, чтобы тот выглянул на улицу. Потом стал говорить. Крупное лицо главаря было непроницаемым, и лишь глаза излучали злость и ненависть:

— Насырхан-тюря, Джаныбек Казы, Батырбек, Тюрягул — все сели на коня. Настало наше время подняться на священную войну за ислам. — Его тяжелый подбородок едва двигался. Говорил он не спеша, словно отыскивая слова. Сидевшие вокруг согласно покачивали головами. — Из Афганистана прибыл Рустем-ишан. Через Насырхана-тюря он передал: Курширмат и эмир Бухарский везут нам оружие. На святой могиле Идриса-Пайгамбара мы дали клятву верно служить творцу и покровителю вселенной.

— Верно говоришь, Гаип-ага! — поддержал бывший курбаши Таджибай Усманов.

Радостно заискрились глаза у баев Джайнака и Гедейбая:

— Когда выступаем?

— Через несколько часов. Даруй, аллах, нам благополучие! Амины!

12 апреля 1930 года на рассвете вооруженные басмачи напали на пограничный пост Узген. Бросив гранаты, бандиты завязали перестрелку. В течение часа они пытались овладеть постом и захватить оружие. Но, видя, что это не удастся, скрылись в направлении урочища Яссы.

Так банда Гаип-пансата вновь выступила против Советской власти. До тридцати вооруженных головорезов воровски нападали на селения, наводя страх на мирных дехкан, жестоко расправляясь с активистами.

В Ошский окружной отдел ОГПУ полетела тревожная телеграмма. Сформированный добровольческий отряд Лапина двинулся вслед за бандой Гаип-пансата. В Узген срочно был переброшен взвод маневренной группы во главе с Сабингузом.

Прошли сутки, но добротрядцы и красноармейцы не догнали басмачей. Бандиты не задерживались в населенных пунктах: отнимая в путных кишлаках лучших коней, они стремительно двигались дальше. На четвертый день банда появилась в Кумдамбеке, что в тридцати километрах западнее перевала Кугарт. Здесь басмачи сделали небольшую остановку, а затем умчались в направлении перевала Куваргенбель.

Отряд Лапина выбивался из сил. К полудню 16 апреля он достиг перевала Кугарт. Ранней весной, когда долины уже в цвету, склоны этого перевала закрыты снежными заносами. И редко кто отваживался идти через него.

Красноармейцы с большим трудом продвигались вперед, отвоевая метр за метром пути. Во многих местах подтаявший снег сползал с крутизны, неся с собой огромные камни.

Наконец, часть отряда добралась до вершины. Стемнело, налетел холодный, пронизывающий ветер, и разразилась снежная буря. Идущая внизу цепочка бойцов моментально скрылась в кромешной мгле. И тем не менее шаг за шагом они продвигались дальше. Измученные, промокшие, с избитыми в кровь ногами, люди цеплялись за выступы скал, поддерживая друг друга, вели на поводу лошадей.

Отряд не досчитался восьми красноармейцев и четырнадцати добровольцев. Семь лошадей сорвались в пропасть. На розыски бойцов вышли местные жители кишлака Кугарт. Добравшись до перевала, они вернулись ни с чем.

В кишлаке Ана-Кизил отряд Лапина соединился с группой разведчиков во главе с бывшим пограничником Цыбулько. Через пару часов сюда подошли отряды Севрюкова и Сабина. Басмачей заметили недалеко от Ана-Кизила. Они взяли направление к щели Ак-Джар. Отряды атаковали банду с трех сторон. Завязалась перестрелка. Бойцы Сабина были уже в непосредственной близости от врагов, но не смогли настичь их на переутомленных лошадях...

...Николай Прокопьевич Удилов помнил Гаипа Абдурасулева с 1921 года. Тогда, как и теперь, во главе шайки он выступал против Советской власти. В мае 1922 года Советское правительство амнистировало басмачей, выразивших желание вернуться к мирному труду. Гаип-пансат тогда проявил благоразумие и сдался. То ли хотел показать свою лояльность, то ли ради мести за причиненные ему обиды со стороны других курбашей изъявил желание помочь в разгроме орудовавших еще банд. Его рискнули взять на службу в милицию. И, надо сказать, он успешно действовал против банд Юлдаш Палвана, Муэтдина и других. Затем ушел из милиции. Жил в Узгене, владел значительным количеством земли, занимался перепродажей овец. Во время земельно-водной реформы землю у него отобрали и обложили налогом доходы от продажи скота.

Реакционное мусульманское духовенство и баи оказали вооруженное сопротивление проведению земельно-водной реформы и коллективизации. Они повлияли на бывших курбашей, юзбашей и других активных басмачей, в том числе и на Гаип-пансата.

Чтобы избежать кровопролития, Удилов предложил попытаться переубедить Гаип-пансата, заставить его отказаться от вооруженной борьбы. Решительный и смелый, Николай Прокопьевич попросился пойти в стан басмачей. Кроме того, что лично знал Гаип-пансата, он хорошо владел узбекским, киргизским и татарским языками.

Начальник Ошского окружного отдела ОГПУ Матвеев верил в Удилова и понимал, что лучшей кандидатуры для такого опасного и сложного дела не сыскать. Но рисковать не решался.

— Надо посоветоваться с Ташкентом,— сказал он.

Через несколько дней Матвеев вызвал Удилова.

— Согласие дали, только предупредили быть осторожным. Не мне тебе говорить, Николай Прокопьевич, но я хочу напомнить: Гаип — тигр в лисьей шкуре. Будь внимателен.

Удилов задумался. Подошел к окну, затем повернулся и спокойно сказал:

— Я понимаю, на что иду.

Банда Гаип-пансата по-прежнему рыскала по кишлакам, замечая следы и уклоняясь от открытого боя. Удилов установил наблюдение за местами возможного появления басмачей. Улучив момент, он послал к Гаип-пансату своего человека с письмом, в котором изъявил желание встретиться. Главарь банды дал согласие и наметил район встречи: местечко, Азо-Тау, неподалеку от кишлака Ана-Кизил.

24 апреля 1930 года в сопровождении Бектемира Тюркельдыева и проводника Бекмурзы Джурабаева Удилов выехал в стан врага. Стоял жаркий солнечный день. Ехали не спеша, изредка переговариваясь.

— А ты, начальник, предусмотрительный,— улыбнулся Бектемир,— лепешки захватил Гаипу.

— Это я уж хорошо знаю: для здешних жителей лепешки — первый подарок, лучше цветов...

За пригорками, поросшими молодой травой, показался кишлак Беш-Теке. Здесь расположился на отдых отряд красноармейцев. Удилов предупредил командира, чтобы тот не начинал боевых действий до четырех часов вечера — до конца переговоров.

Дорога вела все дальше в горы. Чаше стали попадаться заросли арчи и дикого урюка. Поднялись на вершину одного из холмов и остановились. Местность лежала внизу, как на ладони.

— Да,— сказал Удилов спутникам,— Гаип — человек хитрый!..

— За нами из кустов, пожалуй, следит не одна пара глаз.— Только успел сказать это Бектемир, как впереди показалась четверка дозорных. Один из них тотчас же скрылся, а остальные продолжали гарцевать.

Парламентеров встретили приветливо, с почестями ссадили с лошадей. Удилов и его спутники по восточному обычаю обменялись приветствиями с Гаип-пансатом и его приближенными. Удилов обратил внимание на бедную одежду главаря. Он был в старом, вылинявшем, с синими полосами узбекском халате, из-под которого виднелись не слишком белые бязевые дамбалы и рубашка, обут на босу ногу в азиатские галоши. Видимо, он уловил едва заметный недоуменный взгляд Удилова. Потому что, когда зашли в юрту, на его неприветливом лице скользнула грубая усмешка. Удилов развернул девять лепешек и подал Гаип-пансату. Тот поблагодарил и после того, как все расселись на кошке, свернув калачом ноги, заметил:

— У нас говорят: мудрец прикрывается тряпкой, а глупец носит алую одежду.

Удилов не растерялся, глядя в холодные глаза басмача, ответил:

— А у нас говорят: встречают по одежке, провожают по уму.

— Ну, с чем пришел, Гуджилов? — ломая лепешки и подвигая блюдо с пловом, спросил Гаип.

— Знаешь, Гаип, в жизни каждого человека должен быть смысл. Я бы хотел спросить у тебя: какой смысл видишь ты в своей теперешней жизни? Неужели ты веришь, что в мире есть силы, которые могли бы поколебать Советскую власть, власть народа?

Наступило молчание. Заметив выражение растерянности на лице врага, Удилов наступал:

— Народ — неодолимая сила, кто от него отколется, тот погибнет.

— Огонь с водой не уживаются! — с нескрываемой злостью процедил Таджибай, помощник Гаипа, принимавший участие в разговоре.

Гаип оживился. Не стеснясь, он откровенно похвастался:

— Двадцать восемь винтовок и семь с половиной тысяч патронов дал мне брат убитого Молла-Ходжи—Имин-Ходжа. У него большая организация, много денег и оружия...

— Советская власть гуманна,— снова вступил в разговор Удилов.— В этом ты, Гаип, убедился сам в двадцать втором году. Но она и безжалостна к заклятым врагам. Одумайся, пока не поздно, и сложи оружие.

У Таджибая зло поблескивали глаза, налитые кровью. Он уставился на Гаипа, словно хотел сказать: «Не проще ли все покончить одним ударом ножа?»

У Удилова до предела напряглись нервы. Он не сомневался, что сидевшие напротив враги, набившие руку на жестоких пытках, способны на любую подлость, но старался не показать своего волнения.

— Я не боюсь смерти,— как можно спокойнее произнес Удилов.— Вы, надеюсь, понимаете, что любая попытка расправиться со мной кончится плохо для вас?

Удилов сделал паузу, пристально наблюдая за Гаипом. Но тот по-прежнему сидел с полужакрытыми глазами.

— У тебя есть жена и дети, Гаип. Если они дороги тебе...

— Не надо, я понимаю,— отозвался Гаип-пансат.— Пока в моих жилах течет кровь повелителя, гостя в моей юрте никто не обидит,— добавил он, покосившись на Таджибая.

Около трех часов пробыл Удилов у басмачей. В конце концов Гаип согласился пойти на сдачу со своими джигитами и оружием, но выставил требования: восстановить его в избирательных правах, снять с него налог, допустить к участию в колхозе. Все это Таджибай изложил в заявлении и отдал Удилову.

Вышли из юрты. Вооруженные басмачи со всех сторон укрепили высокий утес и были готовы по первому сигналу растерзать парламентариев. Грузно шагая, Гаип проводил Удилова до лошадей. Близко никого не было из басмачей, и Николай Прокопьевич предложил:

— Почему бы тебе, Гаип, не решиться сейчас же поехать со мной на сдачу? Гарантирую тебе, что все условия будут удовлетворены.

— Одни слова—не доказательство. Надо потолковать с джигитами.

Парламентеры сели на лошадей и стали спускаться вниз. Басмачи долго смотрели им вслед, оставаясь на месте. Как только Удилов вернулся в Ана-Кизил, отряды, сосредоточенные здесь, стали готовиться к боевой операции.

...Одетый в узбекский халат и белую чалму, Удилов двигался позади шайки в десяти—пятнадцати километрах, поддерживая с Гаип-пансатом связь и назначая ему время от времени встречи в определенных пунктах.

Условия главаря басмачей были приняты. Об этом Удилов уведомил его. Гаип-пансат заявил, что открыто сдаться не может, потому что это вызовет гнев со стороны части особо воинственно настроенных басмачей, которые не замедлят с ним расправиться.

Удилов предложил такой план. Шайка Гаипа, преследуемая красноармейцами, будет двигаться по маршруту: Булак-Баши (восточнее Аравана) через горы Кызыл-Чек в направлении Харабека, выйдет к зимовке Седкум (недалеко от Базар-Кургана), а оттуда возьмет направление на переправу через Нарын-Дарью. По пути следования специально выделенный для его преследования отряд даст Гаипу два ложных боя. На реке Нарын-Дарья он, окруженный, сложит оружие. Гаип-пансат согласился с планом.

Вечером 12 мая в горах южнее Чак-Абада, недалеко от места, где должен был состояться ложный бой, на банду случайно напал один из отрядов пограничников и открыл сильный огонь. Басмачи с гиком бросились удирать. По пути шайка наткнулась на отряд андижанской милиции, который, также ничего не зная, атаковал басмачей.

Гаип-пансат попросил Удилова встретиться. В тот день он был похож на разъяренного тигра. Как только прибыл Удилов, Гаип-пансат поднялся во весь свой рост, губы его сжались в узкую бескровную полосу.

— Ты обманул меня, завел в ловушку! — угрожающим тоном прошептал главарь банды.

Удилова не покинуло мужество. Он прямо посмотрел врагу в глаза.

— Я должен понять, что произошло, — уверенным голосом сказал Удилов.

— Мы едва ушли из окружения. Говорил, будет преследовать один отряд, а послал два?! — Глаза Гаип-пансата пылали гневом. — Они стреляли в нас, убили джигита. На всем пути к Нарын-Дарье стояли ваши отряды, не дают нам заpastись фуражом. Что молчишь, Гуджилов?

Как потом выяснилось, в Базар-Курганском районе против шайки Батырбека действовал один из добротрядов, который несколько раз преследовал и джигитов Гаип-пансата, когда те пытались заpastись овсом и сеном.

— Произошло какое-то недоразумение, Гаип. Я это выясню...

Удилов понял, что случайное стечение обстоятельств усугубило его положение, вызвало у осторожного и хитрого главаря банды недоверие к нему. Надо было переубедить его, доказать, что произошла ошибка. Но как?

— Я выясню, как это могло случиться, — сказал еще раз Удилов. Но Гаип-пансат грубо оборвал его и заявил:

— Мои джигиты возмущены, требуют расправы над тобой. Ты не уйдешь от нас! Связать по рукам и ногам! — крикнул он истошным голосом.

Николай Прокопьевич выхватил револьвер, но не успел выстрелить, как его свалили ударом в спину. Ловким движением он вывернулся и двинул басмача ногой в живот. На него навалилось сразу несколько человек. Силы были слишком неравны. Волосяные веревки до боли перетянули руки и ноги Удилова.

— Я могу приказать, чтобы тебя привязали к хвосту лошади, — глядя на избитого Удилова, выдавил Гаип-пансат. — Но пока буду держать тебя заложником.

Удилова басмачи стали возить с собой. Его развязали, но бдительно охраняли. 13 мая 1930 года Удилов каким-то образом сумел передать сообщение: «Нахожусь в отряде Гаипа. Выступили по маршруту в сторону Базар-Кургана. Постараюсь последующие данные сообщить дополнительно...»

Но сделать этого он больше не смог. Басмачи не отпускали его от себя ни на шаг.

На требования вернуть Удилова Гаип-пансат не отвечал. Тогда боевым отрядам был отдан приказ уничтожить банду. Гаип с остатками басмачей все же сумел уйти за кордон. Что произошло с Николаем Прокопьевичем Удиловым, оставалось неизвестным. Впоследствии пленные басмачи показывали, что озверелые бандиты расстреляли его. У одного из убитых в бою басмачей — Аллояра — нашли в халате орден и именные часы Удилова.

Один из участников разгрома банды Гаип-пансата, Х. И. Булатов, рассказал некоторые подробности о последней встрече с Удиловым, его бесстрашии и решительности:

— В августе 1930 года я был назначен райуполномоченным ГПУ по Алай-Гульчинскому району. В ноябре этого же года Гаип-пансат после грабежей и убийств советских граждан удирал за кордон. Для ликвидации шайки мною был откомандирован добровольческий отряд во главе с Кадырбеком, а в качестве оперативного руководителя в отряде был Классовский. Гаип-пансату на пограничном перевале устроили засаду. Начался бой. Бандит, видя, что не выдержит натиска, начал переговоры с Классовским. Перестрелка прекратилась. В это время из-за камней высочил человек и крикнул: «Товарищи пограничники, я Удилов! Гаип-пансат предлагает вам сдаться и обещает всех вас оставить в живых и отпустить меня. Не делайте этого, у него большие потери,

бейте гадов...». В это время раздался выстрел, и мужественный человек упал.

Далее Х. И. Булатов рассказал, что, по словам Кадырбека и Класовского, этот бой длился до ночи. Пользуясь темнотой, бандиты ушли за кордон и, очевидно, увезли с собой раненого Удилова, чтобы окончательно расправиться с ним.

Но Гаип-пансат и его банда не ушли от возмездия. В августе 1932 года они с боем перешли границу и разграбили ферму совхоза «Талдык». Во главе взвода пограничников Х. И. Булатов начал преследовать убийц и грабителей. Через несколько дней взвод во взаимодействии с объединенным отрядом дивизиона войск ГПУ уничтожил всю шайку вместе с главарем в адырах Кыркола...

Е. Старнов

КОНЕЦ КАРА-МУРУНА

Габит Мазитович Музипов — один из старейших и заслуженных чекистов нашей республики. За время службы в войсках и органах ГПУ—МГБ он прошел большой путь от рядового красноармейца до полковника. За успешное выполнение особых заданий, долголетнюю и безупречную службу удостоен орденов Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды и нескольких медалей, отмечался Почетной грамотой и Грамотой Верховного Совета республики, награжден именным боевым оружием.

Находясь на пенсии, Г. М. Музипов ведет большую общественную работу: является нештатным инструктором Ошского горкома партии, членом городского штаба добровольных дружин, членом административной комиссии горисполкома, председателем ревизионной комиссии Ошской городской партийной организации и секретарем парторганизации домоуправления № 2.

Много раз боевому чекисту приходилось вступать в схватку с врагами нашей Родины. Ниже рассказывается об одном из многочисленных эпизодов.

* * *

Командир отделения Отдельной погранкомендатуры Габит Музипов, натягивая повод, сдерживал горячего коня. Сколько раз он бывал в этих местах и всякий раз удивлялся красоте величественных седых гор, поросших до самых снежных вершин стройными елями. Густые заросли арчи сбегали вниз, где клокотала и пенилась вырвавшаяся из ущелья река. В таких местах нередко прятались рыскавшие в те времена басмаческие шайки, контрабандисты, террористы всех мастей.

Выполняя оперативное задание, Габит решил завернуть в небольшое зимовье. Там теперь колхозники из села Отрадного содержат скот. Русолопый парень по фамилии Скиба приветливо встретил Габита, помог расседлать коня. Гостеприимные скотоводы угостили чаем.

Со стороны ущелья Джергалан примчался на серой лошаденке молодой джигит. Увидев пограничника, он, еле отдышавшись, с тревогой в голосе рассказал, что видел банду Кара-Муруна.

— Проклятый Кара-Мурун со своими джигитами пробирается в сторону границы. Может уйти. Надо спешить! — торопил он.

Музипов знал, что прошлой ночью группа пограничников во главе с уполномоченным по борьбе с басмачеством Шуруповым вела бой с Кара-Муруном. Но тот ускользнул и скрылся в горах. Кара-Мурун, прозванный так за большую родинку на носу, наводил страх на жителей окрестных сел. Высокий, сухопарый, с хищным взглядом, он еще до революции занимался бандитизмом. Потом выступил против Советской власти. А когда разгромили белогвардейщину в Прииссыккулье, бежал за границу. Крупные баи и контрабандисты вооружили его. И, начиная с 1922 по 1931 год, он ежегодно переходил границу, совершал грабежи и убийства. Это был хитрый и коварный враг, знавший все горные тропы и располагавший агентурой в ряде приграничных сел. Его немногочисленная (10—15 человек) шайка, состоявшая из молодых крепких бандитов, казалась неуловимой.

Музипов посмотрел на семерых пастухов, вооруженных пятью охотничьими ружьями и двумя винтовками. И сказал:

— Срочно седлайте коней!

Он понимал, что с таким отрядом против Кара-Муруна вряд ли что сделаешь, но у пограничников был закон вступать в бой, независимо от силы врага. Вскоре они скрылись в арчевых зарослях.

По пути, километра через три, попался седобородый старец, который ехал сообщить о басмачах. На выпасах женщины киргизки, доившие кобылиц, обрадованно замахали руками, показывая в сторону косяков. Кара-Мурун безжалостно расправлялся с местными жителями, помогавшими пограничникам. Но они не боялись угроз и всячески способствовали уничтожению ненавистных бандитов.

Лошади крепко сдали. На кособок поднимались шагом. Внизу раскинулась небольшая лощина с густым арчовником. Ехали осторожно. Вдруг раздался винтовочный выстрел, за ним второй, третий...

— Слезай, Скиба! Коней в укрытие! — скомандовал Габит и залег за каменной глыбой.

Пули ложились рядом, не давая поднять головы. Габит снял фуражку и выставил её подальше в сторону. Меняя позицию, он отстреливался... Потом все стихло, басмачи ушли. Группа начала преследование. У Кара-Муруна — тысячи дорог. Куда ехать?

Выручил повстречавшийся немолодой колхозник.

— Дети мои, вы за Кара-Муруном на своих клячах не угонитесь. Он далеко ушел. Вот послушайте, что я думаю. — Он погладил бороду и добавил: — День на исходе, они все равно не доберутся до границы. Можете не сомневаться: переночуют в зарослях Каманды. Я слышал, Кара-Мурун там часто делает стоянку.

Музипов тут же написал донесение начальнику ближайшей заставы Саяпову и подал его своему джигиту:

— Скачи! И помни, не успеешь—упустим Кара-Муруна!

Пограничникам вызвался помочь опытный проводник Кадырахун Масиев. Заросли Каманды спрятались в неприступных горах. Даже многие местные жители не знали, как к ним добраться. Масиев провел отряд по Кара-Каринской долине кратчайшим путем.

А на рассвете по басмачам открыли ураганный пулеметный и ружейный огонь. Враги металсь, как в мышеловке. Кара-Мурун был убит. Оставшиеся в живых басмачи сдались. У них оказалось много опиума, оружия, боеприпасов, золота.

Г. Музипов

СХВАТКА

В послужном списке полковника значится: «Ерохин Александр Гаврилович, 1898 года рождения, уроженец деревни Морыгино Вязниковского уезда Владимирской губернии, русский, из крестьян. Закончил высшую пограничную школу в 1924 году и в 1934 году Академию РККА имени Фрунзе. Член КПСС с 22 октября 1918 года. Имеет награды: два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, юбилейную медаль «XX лет РККА». Награжден значком почетного работника ВЧК—ОГПУ, именным маузером, серебряным портсигаром и серебряными часами. Скончался в 1939 году».

Александра Гавриловича знали многие на юге Киргизии, где он с 1925 по 1930 годы занимал должность коменданта отдельного пограничного участка. Ерохин пользовался большим уважением среди личного состава части, среди партийных и советских работников, среди рабочих и крестьян. Бесстрашный командир, искусно владеющий кавалерийской шашкой, меткий стрелок и специалист по ведению боя в высокогорных условиях, смекалистый чекист был грозой басмаческих шаек.

Александр Ерохин руководил разгромом басмаческих банд Джаныбека Казы Сагынбаева, Гаип-пансата Абдурасулова, Айтмерека Тохтаманджиева. Вот одна из боевых операций, которой он руководил.

...В морозную ночь в юрте сидели двое. Их загорелые лица тускло освещались каганцом. Мужчина средних лет с длинными усами рассказывал, а комендант отдельного пограничного участка слушал его сосредоточенно, изредка перебивая вопросами.

— Главари объединенной банды строят далеко идущие планы,— заканчивая свою информацию, сказал разведчик.— Основная цель банды: срыв колхозного строительства в пограничных районах, убийство партийных и советских активистов и угон скота за границу.

Александр Гаврилович встал, крепко пожал руку собеседнику:

— Важно, очень важно создать раздор между главарями банд. Как надо это сделать, мы уже договорились. Будьте осторожны. Желаю успехов!

Оба вышли из юрты. Завывал холодный ветер. Разведчик ушел и через несколько секунд скрылся в ночной тьме.

* * *

...Басмачи остановились на отдых. Духовный руководитель объединенной банды ишан Осман прочитал коротенькую молитву, облегченно вздохнул и самодовольно изрек:

— Всемогущий аллах на нашей стороне. Он покрыл пеленой глаза пограничникам, которые даже и не заметили, как мы проехали через границу. Теперь наш путь свободен до самой Ферганы, где нас с нетерпением ждут правоверные мусульмане. Избавим же их от колхозов!

— Аминь, да будет так! — буркиул главный курбаши Джаныбек.

Джаныбек Казы поднялся рано утром и, обеспокоенный сильным снегопадом, пошел к своему коню. Коновод, увидев курбаши, побежал навстречу, упал в ноги хозяину и сквозь слёзы пробормотал:

— Лошадь вашей милости жалуется на ноги.

Курбаши ударил кулаком коновода и спросил:

— Запоил, собака?

— Нет-нет, таксыр!

Наш разведчик мог быть довольным: коновод выполнил его задание. Он водил дружбу с помощником ишана, который перед выступлением по секрету говорил ему, что в случае удачи ишан Осман намерен избавиться от Джаныбека, чтобы самому стать главным курбаши. И вот теперь коновод нашел время подходящим, чтобы заискивающе сказать главарю банды:

— Таксыр, простите меня за беспокойство, я один из ваших почтенных слуг...

— Что ты хочешь?

— Ничего не хочу, кроме добра вам. Я слышал от мюридов ишана о том, что ишан-ака намерен убить вас и стать главнокомандующим, а вашего сына Тюрабая взять к себе в помощники.

Курбаши стало не по себе. Вспомнил, как перед выступлением предупредили его анонимным письмом о неискренности духовного руководителя банды. Джаныбек быстро собрал курбашей на совещание и с тревогой в голосе заявил:

— Мы выступаем в недобрый час. Аллах наказывает меня. Как видите, идет сильный снегопад, к тому же совсем искалечился мой лучший конь. Пока не поздно, возвратимся назад. Давайте команду, чтобы готовились в обратный путь.

— Это есть вероотступление, казы! — Ишан Осман будто вонзил нож в горло Джаныбека.

— Не тебе учить меня, ишан!

Тюрабай был удивлен таким решением отца и начал было осторожно убеждать его:

— Отец, такого удачного пути больше не будет...

— Ты, Тюрабай, отвернулся от своего отца, того, кто дал тебе жизнь!

— Верные мне джигиты, собирайтесь!..

Джаныбек не сомневался в благополучном обратном пути. Ехал он в окружении самых близких басмачей. Командование поручил Айтмереку. Но у самой границы их встретил огонь чекистов. Завязался бой. Главарь, бросив банду, сумел прорваться за кордон. На другой день к нему пришел с двумя джигитами Айтмерек.

— Ты истинный мусульманин,— говорил своему коноводу.— Ты спас меня. Хвала аллаху, он спас и тебя. Уход моего сына с ишаном еще раз убедил меня, что ты сообщил мне правду. Награждаю тебя лошастью и атласным халатом!

Это был последний прорыв Джаныбека на советскую территорию. Он понял бесплодность дальнейшей борьбы, в которой мог обрести только лишь смерть. Ишан Осман и Тюрабай были далеки от такой мысли...

...Отряд пограничников стоял на малом привале. Подъехал красноармеец и доложил:

— Товарищ командир! Впереди большие сугробы, нельзя проехать. Начальник дозора просит вашего указания.

Командир отряда Ерохин, посмотрев в бинокль, четко увидел снежные глыбы, укрывшие седловину перевала. Его широкий лоб покрылся крупными бороздами морщин, брови нахмурились.

— Обходного пути нет...— сказал он самому себе и, обратившись к связному, приказал: — Передайте товарищу Осадчему: организовать искусственный обвал разрывами гранат!

На перевалом поднялись столбы снежной пыли. Послышался грохот. От седловины перевала отделились белые пласты и поползли вниз.

Дозорные прошли за перевал и вскоре скрылись. Вслед за ними выступил отряд...

...Трескотня пулеметов и винтовок слилась с разрывами гранат. Убиты красноармейцы Зинченко и Запьянов. Есть раненые. Ерохин дает команду группе бойцов:

— Перебежкой вперед! Выбить противника с сопки!

Бой шел целый день. Опустилась ночь, мела метель.

Александр Гаврилович приказал отойти в укрытие, организовать круговую оборону до утра.

Ишан Осман и Тюрабай решили, пользуясь пургой, ускользнуть, но наткнулись на взвод под командой Осадчего. Силы явно были неравными.

— Не пропустим ни одного бандита! — сказал Осадчий товарищам. Отправив связного к Ерохину, он приказал открыть огонь.

Свист пуль сливается со свистом ветра, бушующего с яростной силой.

— Командовать будете вы,— прошептал истекающий кровью Осад-

чий своему помощнику.— Приказываю любой ценой удержаться на занятой позиции до подхода отряда!..

Взвод Осадчего стоял насмерть. Тем временем бойцы Ерохина окружили банду. На рассвете басмачи увидели, что попали в капкан — никто из них не ушел от расплаты.

Хоронили погибших пограничников с воинскими почестями. С речами выступили Александр Гаврилович Ерохин, секретарь партийной ячейки, председатель кишлачного Совета.

...Это было зимой с 1929 на 1930 год на территории нынешнего Алайского района Ошской области.

Л. Линькоз

ПОСТ СЕМИ ГЕРОЕВ

В Киргизии многие знают историю высокогорного пограничного поста Кашка-Су и, рассказывая ее, обязательно добавят, что на том месте, где находился пост, воздвигнут обелиск, на котором высечены имена семи комсомольцев-пограничников.

Если тебе, читатель, доведется побывать в тех местах, обнажи голову, почти молчанием память героев и спроси свое сердце, так ли преданно бьется оно, как бились их сердца.

* * *

Дорога к «Посту семи героев» идет через долину. По южную сторону долины возвышается хребет, за хребтом — граница. Она извивается по ущельям, пересекает стремительные, пенистые холодные реки, круто взбирается в горы...

В апреле 1927 года в этот район, охраняемый алай-гульчинской пограничной комендатурой, вторглись из-за рубежа басмаческие банды курбашей Мангитбаева и Джаныбека Казы. Сотни басмачей, вооруженных старинными длинноствольными ружьями и новенькими английскими карабинами, напали на немногочисленные гарнизоны пограничных застав, стремясь прорваться в глубь Советской Киргизии.

О появлении басмачей первым сообщил на пост Кашка-Су вернувшийся под утро из дозора Иван Ватник: «По Черному ущелью продвигается банда сабель в двести».

Старшина поста Андрей Сидоров решил немедленно предупредить соседние заставы Ой-Тал и Ишик-Арт о грозящей им опасности. На Ишик-Арт он послал Ивана Ватника, на Ой-Тал направился сам.

Миновав спящий кишлак — с десятков прилепившихся к горному склону юрт, Сидоров услышал конский топот. Старшина придержал лошадь и скинул с плеча винтовку-драгунку. Из-за скалы вымахнул всад-

ник; увидев старшину, он вздыбил взмыленного коня. Сидоров удивился, узнав в лихом джигите старого чабана Сулеймана из кишлака Сары-Бай. Они познакомились два года назад, когда пограничники учили киргизов косить траву и заготавливать на зиму сено. С тех пор Сулейман называл себя вечным другом «зеленых шапок».

Не слезая с разгоряченного коня, Сулейман с тревогой рассказал, что ночью в Сары-Бай приезжали неизвестные люди; они роздали манапам винчестеры и патроны. Сегодня манапы ждут курбашей Мангитбаева и Джаныбека Казы. Старшине ехать через Сары-Бай нельзя. Возможно, басмачи уже в кишлаке.

Сидоров поблагодарил старика и посоветовал ему переждать день-другой на посту: вдруг басмачи дознаются, что Сулейман предупредил пограничников.

— Седая борода не сделала Сулеймана трусливым козлом! — гордо усмехнулся чабан и повернул обратно.

Путь на заставу Ой-Тал лежал через Сары-Бай. Но, конечно, Сулейман прав: ехать там нельзя — угодишь в засаду. И Сидоров направил свою низкорослую киргизскую лошадь в объезд.

Крутая тропа вывела старшину высоко в горы. Отсюда сквозь просветы в облаках виднелась долина и протекавшая вдоль бурная речка. По её берегам зеленели луга; на склонах гор росли кусты терескана и одинокие березы, храбро избежавшие под самые облака навстречу стройным серебристым тяньшаньским елям. Выше, над тропой, где летом цветут лиловые фиалки и красные маки, еще не растаял снег, подновленный ночной порошей.

У брода через безымянную речку, стремительно вытекавшую из ущелья и водопадом низвергавшуюся в пропасть, старшина остановился: от его взора не ускользнули едва приметные в осыпавшейся гальке следы конских копыт. На противоположном берегу они были еще влажными: неизвестные всадники проехали тут совсем недавно. Лошади, судя по короткому шагу, были или чем-то тяжело нагружены, или устали от дальнего пути.

«И здесь басмачи!» — Сидоров свернул в глухое ущелье.

* * *

Двое суток подряд начальник заставы Ой-Тал Воробьев не смыкал глаз и лишь под утро задремал, уронив голову на стол. Но тревожная дрема — не сон. Он вскочил с табурета, поправил сползшую кобур: кто-то подскочил к заставе.

— Куприна, значит, не встретил? — нахмурился начальник, выслушав доклад старшины. — Я послал его с четырьмя бойцами вам в подкрепление.

— Не встретил, — подтвердил Сидоров. — Я ехал через ущелье. В Сары-Бае басмачи.

— Веселое дело! — в сердцах произнес Воробьев.

Вторые сутки из самых различных пунктов на заставу поступали сообщения о появлении в горах басмачей. Однако до приезда Сидорова не было известно, что они уже так близко. Будь телефон, все обернулось бы по-другому, о басмачах давно знала бы комендатура, но разрушенную горным обвалом телефонную линию раньше июня не восстанавливать. На заставе осталось всего пятнадцать бойцов, и распылять силы, направляя в кишлаки и на высокогорные посты новых пограничников, было явно неразумно.

На прощание Воробьев сказал старшине:

— Если Куприн не прибедет, уничтожь документы и пробивайтесь сюда. Все уничтожь! Понятно? Вшестером вам не продержаться. А я пошлю в Алай-Гульчу гонца...

* * *

Вместе с командиром отделения Куприным на усиление поста Кашка-Су направлялись пограничники Сомов, Охапкин, Багиров и Гребешков.

На рассвете, не подозревая о засаде, они въехали в расположенный по пути спящий с виду кишлак Сары-Бай и тотчас были окружены несколькими десятками притаившихся басмачей. Схватка была неравной и недолгой. Под Куприным, Багировым и Сомовым сразу убили лошадей, и не успели пограничники подняться с земли, как их оглушили ударами прикладов.

Гребешков дрался упорно. обнажив клинок, он врубился в гущу врагов, ранил двоих, но его вышибли из седла. Гребешков успел еще нанести удар подскакавшему басмачу и тут же был смертельно ранен в спину. Он был уже мертв, а его все еще кололи и били.

Дольше всех сопротивлялся Охапкин. Свалив в ожесточенной схватке троих басмачей, он вырвался из кольца банды и поскакал в горы. Внезапно конь его остушился и, сломав ногу, рухнул. Разъяренные бандиты настигли Охапкина и взяли в сабли. Один удар рассек ему руку, сжимавшую драгунку, другой обрушился на голову.

Окровавленного, потерявшего сознание пограничника басмачи сбросили в пропасть...

* * *

Возвратившись с заставы Ой-Тал на пост Кашка-Су, Сидоров убедился в самых худших своих предположениях: посланная начальником заставы поддержка не прибыла. Хорошо еще, что благополучно вернулся из Ишик-Арта Иван Ватник, которому удалось незаметно проскочить мимо басмачёского коша¹.

¹ Кош — стоянка, бивак.

Старшина сжег документы, а потом велел вытащить во двор запас продовольствия, постели, книги, свалить все в кучу, облить керосином и поджечь.

С собой Сидоров взял только патроны и пулемет да разрешил Ивану Ватнику захватить общую любимицу — балалайку.

Какой же дорогой добираться до заставы? Через Сары-Бай ехать нельзя; ущельем, по которому старшина вернулся с Ой-Тала, рискованно: того и гляди, наскочишь на банду — он видел недалеко в горах дымы от костров. И Сидоров решил направиться дальним кружным путем через старый, заброшенный перевал.

По одному переправившись через повисший над пропастью расклевывающийся ветхий мост, пограничники поднялись на замшелую скалу и вдруг увидели басмачей: десять бандитов в белых чалмах и разноцветных халатах, лошадь к лошади, преграждали тропу. И у каждого — сабля и карабин. А слева, с крутого склона, спускались новые всадники.

«Сколько же их? — прикинул Сидоров. — Сотня? Полторы?.. Что делать?» Возвращение назад через мост под градом пуль также бессмысленно, как прыжок в пропасть.

— Прорвемся, — не оборачиваясь, негромко сказал старшина товарищам. — Вперед!

Стреляя на полном скаку, пограничники врезались в цепь басмачей и прорвали ее. Свист ветра в ушах, грохот выстрелов, искры из-под копыт, спазмы в горле и одна мысль: «Скорее, скорее, скорее!..»

Ошеломленные дерзким маневром пограничников, басмачи ринулись вдогонку. Все ближе и ближе за спиной бойцов цокот копыт, все громче и неистовее крики: «Алла, Алла!..»

Верстах в четырех от поста, близ перевала, находилась старая заимка. В бураны и в непогоду пограничные дозоры заезжали сюда обогреться, высушить одежду, передохнуть. Сложенный из крепких толстых бревен домик на первых порах мог служить чем-то вроде редута. Притулившись к отвесной скале, почти у самого края глубокого ущелья, заимка как бы запирала узкую тропу, по которой в этом месте с трудом могли проехать рядом четыре всадника.

Пограничники спешились и, бросив на произвол судьбы лошадей, вбежали в домик, забаррикадировали дверь, заложили окна камнями, оставив небольшие амбразуры.

— Мы должны задержать банду, — сказал старшина Сидоров. — По дороге через Сары-Бай и через ущелье взять нашу заставу в лоб басмачам будет трудно — застава неплохо защищена, а с тыла, с перевала...

Понимали значение заимки и басмачи. Не рискнув сунуться под пули укрывшихся в маленькой крепости пограничников, они дожидались наступления ночи. А ночью, едва молодая луна скрылась за гребнем хребта, начался бой.

В заимке никто не спал. Огня не зажигали, сидели в темноте, по очереди дежуря у окон.

— Ползут! — доложил прильнувший к амбразуре Николай Жуков.

— Стрелять только наверняка! — приказал старшина. — Ватник и Бердников, за мной!

В темноте из заимки можно проглядеть врага, и Сидоров решил устроить заслон на тропе. Иван Ватник и Яков Бердников выбрались вслед за старшиной из домика и залегли за камнями.

Где-то в горах сорвалась лавина. Еще не умолк ее гул, отраженный многоголосым эхо, как Сидоров выстрелил. Первый из ползших по тропе басмачей, не вскрикнув, ткнулся лицом в камни и замер, второй вскочил и, не успев сделать шага, свалился в пропасть: Бердников стрелял не хуже старшины.

Тотчас басмачи, притаившиеся за скалами, открыли беспорядочный огонь. В эту ночь они трижды пытались прокрасться к заимке, чтобы окружить ее, но безуспешно.

Под утро, когда Сидоров, Бердников и Ватник вернулись в домик, раздался негромкий стук в дверь.

— Откройте... Свои...

Сидоров приоткрыл дверь. В заимку вполз молодой киргиз; на спине у него лежал пограничник Владимир Охапкин, сброшенный бандитами в пропасть за кишляком Сары-Бай. Охапкин упал в глубокий снег на дне пропасти, и это спасло его.

— Я видел, как басмач его кидал, — рассказал киргиз. — Мой комсомolec. Мой зовут Джурабаев Асылбек. Меня отец послал. Я сын Сулеймана, чабана Сулеймана Джурабаева.

Охапкину перевязали раны, напоили его.

— Куприн попал в засаду, — прошептал он.

* * *

В старой конюшне, куда втолкнули связанных по рукам и ногам пограничников, была темень, хоть глаз выколи.

На дверях звякнул замок, голоса басмачей удалились.

— Сомов, как ты? — шепотом позвал Куприн.

— Цел я, товарищ командир, черепок малость повредили.

— И я цел, — отозвался Багиров.

Повернувшись, Куприн почувствовал плечом что-то мягкое. Вскоре, освоившись в темноте, он разглядел неподвижно лежащего человека.

— Товарищ, товарищ, откуда ты?..

Человек пошевелился, но ничего не ответил.

После полудня двери отворились, с улицы ворвалось солнце, и, прищурившись от яркого света, Куприн увидел, что рядом с ним лежит председатель кишлячного Совета Рахимбай. Во рту у Рахимбая торчал клык.

В конюшню вошел человек с черной бородкой клинышком и отеками веками, следом за ним два басмача втащили обессиленного, окровавленного старика. Лицо старика было изуродовано, на губах пузырилась алая пена. Куприн вздрогнул: это же чабан Сулейман...

Бросив чабана на пол, басмачи подошли к Куприну. Пнув его в бок, один из них сказал на ломаном русском языке:

— Твоя принимает веру Магомета? Мангитбаев честь предлагает.

— Думай, пожалуйста, до второго восхода солнца. Ничего не придумаешь — ушиотрежем, носотрежем, снова думаешь, — с издевкой добавил человек с отеками веками.

Куприн промолчал.

Басмачи заткнули пленникам рты вонючей свалявшейся бараньей шерстью и, громко пересмеиваясь, ушли. На дверях снова звякнул замок.

Минули день, вечер, холодная ночь. Наутро опять приходили басмачи. Сказав Куприну: «Долго думаешь, плохо будет!» — один из них рывком вытащил изо рта Куприна клочок шерсти, поднес к губам пиалу, наполненную прозрачной водой. Куприн отвернулся.

— Ой, скажи, пожалуйста, какой бай! — Басмач со злостью заткнул Куприну рот и протянул пиалу Сомову.

Сомов жадно прильнул к пиале, глотнул и тотчас выплюнул: вода была соленая. Басмачи захохотали, довольно хлопая себя по бокам.

Наступила вторая ночь. Куприн понимал, что некому прийти им на выручку, и в бессильной ярости скрипел зубами. «Неужто так и погибнем здесь?.. Что сейчас на посту Сидорова? И на заставе? Может быть, на них уже напали басмачи?»

Слева кто-то перекатывался с боку на бок. Кто? Спросить невозможно: вонючая шерсть слиплась во рту, шерстинки попали в горло. Напрягая силы, выгнув шею, Куприн чихнул. Кляп вылетел, как пробка из бутылки. Потихоньку откашливаясь, чтобы не услышали часовые, Куприн почувствовал, как кто-то тронул его за ногу.

— Я, это я, — слышался сдержанный шепот.

— Багиров? — узнал Куприн по голосу.

— Я самый, товарищ командир, — подтвердил пограничник и, торопливо нащупывая узел, развязал стягивающие Куприна веревки.

— Это ты катался? — разминая затекшие руки, прошептал Куприн.

— Я... Со вчерашнего вечера катаюсь, еле-еле распутался. Хорошо, что бандюги ко мне не подошли.

Вдвоем они быстро развязали Сомова и Рахимбая. Теперь нужно освободить старика Сулеймана. Куприн пошарил вокруг и наткнулся на скрюченные холодные пальцы чабана...

Обследовав все закоулки копышних, ставшей для них тюрьмой, пограничники решили попытаться сделать подкоп в дальнем от дверей углу. Они вооружились найденным в куче мусора кетменем, пряжками от ремней и с ожесточением начали долбить закаменевший глиняный пол.

* * *

Восемь суток Сидоров командовал крошечным гарнизоном, отбивая ночные атаки басмачей и не пропуская банду к заставе.

Рассказ Охепкина о захвате кишлака Сары-Бай не оставлял сомнения: басмачи попытаются окружить заставу. Ясно, что Воробьев не может прийти на выручку. Однако Сидоров не сомневался, что вот-вот прибудет подмога из Оша. Смог же Ватник проскочить к Ишик-Арту и обратно. Наверняка и гонец заставы доберется до Алай-Гульчи, до коммандатуры...

Обнаруженный в заимке небольшой запас сухарей, рассчитанный на двух-трех бойцов, подходил к концу. Каждое утро Сидоров выдавал товарищам по половине сухаря. Сам он, как и все остальные, исключая Ивана Ватника, немедленно сгрызал кусочек окаменевшего хлеба. А Ватник умудрялся дробить свою порцию на три и во время ужина делился крошками с раненым Охепкиным или Бердниковым. А оттуда, где расположились басмачи, ветер доносил запахи жареной баранины.

Израненный Владимир Охепкин и больной, в жару, Яков Бердников — у него началась ангина — лежали на скамьях. Ослабевшие от голода Валерий Свищевский, Иосиф Шаган, Николай Жуков и Джурабаев — вповалку на земляном полу. Андрей Сидоров и Иван Ватник чувствовали себя лучше других и посменно дежурили у амбразур. Басмачи атаковали заимку лишь с наступлением темноты, но наблюдать за ними нужно было круглые сутки.

За восемь дней, в часы затишья обо всем уже было переговорено. Зимой на посту Кашка-Су им почти никогда не доводилось бывать всем вместе, разве что случайно, в снежные бури, когда неистовый горный ветер не позволял выйти наружу. В другое же время жизнь их, суровая, трудная жизнь стражей границы, протекала так же, как на любой пограничной заставе: кто-то был в служебном наряде, кто-то отдыхал, читал учебник политграмоты или чинил обмундирование; глядя в окно на заснеженные хребты, видел родной завод, родную деревню, слышал, как поет мать, как задорно звучит «По морям, по волнам...»

Здесь же, в высокогорной заимке, осажденной басмачами, пограничники были все вместе и, продремав пару часов после тревожной ночи, не могли молчать. Каждый, не таясь, поведал историю своей короткой жизни, вспомнил родных и любимых, раскрыл сокровенные свои думы, тайны и мечты.

— Когда я окончил фабзавуч и сдал норму на слесаря третьего разряда, — рассказывал Сидоров, — отец созвал гостей, своих старых дружков по цеху, и при всех подарил мне кронциркуль. Он с этим кронциркулем работал, когда на нашем заводе делали бронепоезд «Смерть капиталу!» Отец на том бронепоезде с Колчаком воевал...

— А моего батьку кулаки убили, на вилы подняли, — отозвался Коля Жуков. — Батька в нашем селе председателем комбеда был...

— Я инженером стану по электрической части, — мечтал Яша Бердников. — Не верите? Честное комсомольское! Отслужу действительную — и на рабфак.

— А что, ребята, деньги при коммунизме останутся? — спрашивал Иосиф Шаган.

— Нужники из золота делать будут,— усмехнулся Иван Ватник.

— Победит пролетарская революция во всем мире — соберемся мы с вами седые, бородатые и пригласим к себе в гости негра из Африки, индейца из Америки, рудокопа из Англии — садитесь за наш стол, угощайтесь пельменями, запивайте вином, рассказывайте, как вы буржуйам по шеям надавали, пойте свои песни! — мечтал Валерий Свищевский. — Эх, и много, наверно, хороших песен на всем земном шаре!.. А до чего ж хорошо наши девчата на посиделках поют! Как затянут: «Калинка, калинка, калинка моя...»

Как-то на третий или на четвертый день осады вместе с запахом жареной баранины ветер донес из вражьего стана унылые звуки козу.

— Разрешите, товарищ старшина? — схватил Иван Ватник совсем было забытую балалайку.

— Отвечай! — кивнул Сидоров.

И Иван ответил. Он лихо сыграл веселую «Барыню», озорного «Казачка», грозную «Варшавянку».

С этого дня каждый вечер перед заходом солнца, перед началом неравного ночного боя, в осажденной заимке то задорно, то величаво звенела русская балалайка. Ей вторили громкие молодые голоса. Пограничники пели народные русские и украинские песни, песни революции. В заключение над ущельем гремел «Интернационал».

Сын старого чабана Сулеймана Асылбек плохо знал русский язык, но он тоже пел вместе со всеми. Оживлялся и Владимир Охупкин, приподнимался, опираясь на здоровую руку, подпевая молодым, ломающимся баском. Подпевал вполголоса, с хрипотцой и Яков Бердников...

Если бы в заимку мог заглянуть посторонний человек, он не поверил бы, что гарнизон Сидорова находился в осаде, что который день пограничники голодают и по ночам их донимает мороз, что почти предрешена их гибель.

Могли ли они ожидать помощи от заставы? Они сами помогали ей, сдерживая банду. Могли ли они хоть на один миг задуматься: а не принять ли ультиматум курбаши Мангитбаева и сдаться в плен? Они бы сами казнили того, кто предложил бы им изменить присяге. В чудо они не верили, каждый из них понимал, что их ожидает. Но разве легко смириться со страшной неизбежностью?..

На девятый день иссякли патроны.

— Кончено! — прохрипел Яков Бердников, прислонив к стене винтовку.

— Что ты сказал? — нахмурился Сидоров.

— Патроны кончились, — поправился Бердников и натужно закашлялся, схватившись рукой за горло.

— А сколько у тебя? — обратился старшина к Ивану Ватнику.

— Три обоймы.

— До утра не хватит, — вставил Николай Жуков.

— А у тебя сколько? — спросил старшина.

— Пара...

— Я знаю, о чем вы думаете: почему не попытать счастья и не пробиться в горы?

Все повернулись к старшине. Даже невозмутимый Иван Ватник на мгновение отпрянул от амбразуры.

— Все мы, конечно, не пробьемся,— продолжал Сидоров,— но, может быть, кто-нибудь и уцелеет... А если мы уйдем отсюда хотя бы на час раньше, басмачи на час раньше попадут к нашей заставе.

— Мы не уйдем! — ответил за всех Иван Ватник.

И стало тихо в заимке.

— Товарищи! — прозвучал в тишине голос Андрея Сидорова.— Родина не забудет нас. От лица командования благодарю вас за верную службу!

Старшина подошел к каждому, каждого обнял и по-русски поцеловал.

* * *

Бежав из плена, Куприн и его товарищи несколько дней окольными путями пробирались к заставе. На леднике они встретили Асылбека Джурабаева. Изможденный, едва живой, юноша полз, цепляясь обмороженными пальцами за камни.

— Это сын Сулеймана! — сказал Рахимбай Куприну.

— Мой был вместе с Андреем... Сидоровым... Он послал меня... — с трудом вымолвил Асылбек.

— Где Сидоров? Где все они? — с тревогой спросил Куприн...

Это было 24 апреля. А через сутки прибыл отряд пограничников из Оша. Отряд разгромил банды курбаши Мангитбаева и Джаныбека Казы, снял осаду с пограничных застав.

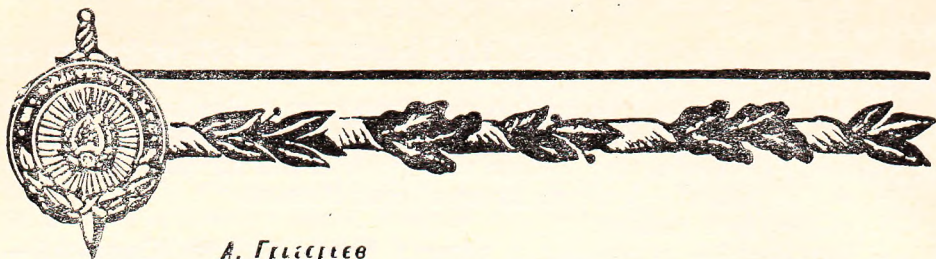
Воробьев с Куприным, Асылбеком Джурабаевым и группой бойцов поскакали в горы. На месте старой заимки они обнаружили обуглившиеся развалины. Из-под головешек извлекли семь трупов, семь винтовок с обгоревшими прикладами и закопченный пулемет.

Ни у одной винтовки не оказалось затвора, пулемет был без замка. Их нашли позже под обломками очага. Перед смертью Сидоров и его товарищи испортили оружие, чтобы им не могли воспользоваться басмачи.

На стальном щитке пулемета было нацарапано:

«23. IV. 1927 года.

Да здравствует коммунизм!
Андрей Сидоров, Яков Бердников,
Владимир Охапкин, Иван Ватник,
Валерий Свищевский,
Николай Жуков, Иосиф Шаган».

А. Гриссеев

ПОДВИГ ВСЕЙ ЖИЗНИ

Эта встреча в Ташкентском высшем общевойсковом командном училище имени В. И. Ленина запомнится надолго. Курсантов посетила жена воспитанника училища майора Алексея Дмитриевича Гарькавого — Мария Александровна. Она рассказала о боевом пути своего мужа, славного воина-туркестанца. Мария Александровна была неразлучна с ним. Вместе они боролись с басмачами, вместе воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Живой свидетель героических подвигов Алексея Дмитриевича Мария Александровна воскресила перед курсантами образ мужественного патриота, чье имя золотыми буквами вписано не только в историю училища, но и в боевую летопись пограничных войск.

— Радостно сознавать,— говорила Мария Александровна,— что подвиги героев гражданской и Отечественной войн свято чтут в подразделениях и частях Советской Армии и пограничных войск. Глубоко признательна всем вам за то, что вы храните светлую память о боевых делах воспитанников старейшего военного училища в стране...

Вот что рассказала Мария Александровна о своем муже.

Алексей Дмитриевич родился в 1902 году в украинском селе Двуречье, близ Харькова. Вскоре семья переехала в Туркестан. Сюда сослали отца Алексея, Дмитрия Степановича как политически неблагонадежного. Жили в Чарджоу. Здесь Гарькавых и застал Великий Октябрь.

Отец Алексея работал в те годы на железной дороге. Дмитрий Степанович не раздумывал, когда нужно было взять в руки оружие: отправился громить басмачей. Плечом к плечу с отцом воевал и сын. В 1924 году Алексей был красноармейцем-пограничником, а через два года стал курсантом Объединенной Среднеазиатской военной школы имени В. И. Ленина.

1926 год остался памятен Алексею не только началом командирской учебы — его приняли в ряды Коммунистической партии. А вскоре он познакомился со своей будущей женой. Мария Александровна приеха-

ла в числе 25-тысячников-комсомольцев, чтобы помочь молодой Туркестанской республике в строительстве новой жизни.

После окончания военной школы Алексея назначили начальником заставы на одной из среднеазиатских границ. Служба пограничников в то время была напряженной и опасной — всюду свирепствовали банды басмачей.

Начальник пограничной комендатуры Басов, к которому прибыл по вызову молодой командир, собрал срочное совещание. Предстояло обсудить план предстоящей операции по уничтожению басмаческих банд Мангитбаева и Джаныбека Казы. А Гарькавый должен был передать указания своему начальнику заставы.

Совещание затянулось допоздна. Когда оно окончилось, начальник комендатуры предложил Алексею остаться до утра, но тот отказался. В сопровождении Сеницына отправился в путь.

На заставе меж тем начали тревожиться. «Не заблудился ли в горах мой новый помощник?» — думал начальник заставы Воробьев.

Алексей со своим спутником уже далеко отъехали от комендатуры. Внезапно они услышали цоканье копыт. Мгновенно созрело решение: взобраться на кручу, замаскироваться и понаблюдать, кто это рыскает по ночам. Выносливые киргизские кони разом вынесли пограничников на вершину. Оставили лошадей в укрытии, спрятались сами и стали ждать.

Из-за скалы показалась цепочка всадников. Сомнений не было — ехала банда басмачей. Перед поворотом тропы, у пещеры, все остановились. Двое пошли осмотреть пещеру. После этого басмачи скрылись в темной дыре, оставив у входа часовых.

А что если захватить и обезоружить бандитов? Но как? В отряде головорезов Алексей насчитал семьдесят сабель. Двое против семидесяти!

Пошли на хитрость. Под покровом ночи Сеницын перебрался на противоположный склон ущелья и стал ждать условного сигнала Гарькавого. Едва забрезжил рассвет, из пещеры вышел курбаши и с ним несколько басмачей. В тот же миг раздался властный голос Гарькавого: «Первому, взводу — гранаты к бою!» А с противоположной стороны закричал Сеницын: «Второму взводу — к бою!»

В пещеру полетели гранаты. Басмачи растерялись. Те, кто уцелел, стали беспорядочно отстреливаться. Но курбаши и двое его приспешников лежали на земле. «Сдавайтесь, вы окружены!» — гремел бас Алексея. «Выходите и сдавайте оружие!» — вторил ему Сеницын.

Ошеломленные случившимся, басмачи по одному выходили из пещеры, бросая в кучу сабли и новенькие английские карабины. Пленных повели на заставу. Лошадей и вооружение оставили пока в пещере. Потом трофеи доставила группа красноармейцев. Так началась служба Алексея Дмитриевича на заставе в горах. Не раз после того приходилось ему вступать в схватку с басмачами, смотреть смерти в глаза.

Как-то на заставу приехали местные жители. Рассказали: в соседнем кишлаке Сары-Бай появились двое басмачей и уговаривают дехкан

вступить в отряд Джаныбека Казы. Грозят в случае отказа сжечь кишлак.

В Сары-Бай поехал Гарькавый с пятью красноармейцами. Километра за два до кишлака на пограничников налетели басмачи. Как выяснилось впоследствии, «гости» заставы были подкуплены бандой. Обнажив шашки, бойцы врубались в гущу врагов. Но силы были слишком неравны. Головорезы выстрелами подбили коня Алексея. Командир упал, на него набросились два бандита, оглушили прикладами и связали. Рядом лежали связанными еще трое пограничников. Двое других бойцов — Золотарев и Сидоров — погибли в неравном бою.

Алексея потащили на допрос к главарю. Увидев пленника, курбаши вскочил, выхватил саблю и полоснул по лицу Гарькавого. Но пограничник не дрогнул. Это взбесило бандита. Он нанес командиру еще одну рану и приказал натолкать в нее соли. Такой же пытке подвергли и других пограничников. У них пытались выведать расположение постов. Главарь грозил им мученической смертью. Никто не проронил ни слова.

Ударив на прощание плеткой по лицу Гарькавого, курбаши велели увести пленников. Они оказались в сарае.

«Крепитесь ребята! Будем живы — не помрем», — невозмогая боль, улыбнулся Алексей.

Пограничники твердо знали: помощь придет. Их должны выручить застава Воробьева и подразделение Красной Армии из города Оша. И все-таки ночью решились бежать. Гарькавый зубами перегрыз веревки, связывающие одного из бойцов, и тот освободил руки командира и остальных товарищей.

Нижняя часть сарая была сложена из камней, верхняя — плетеная. Пленники без шума проделали дыру, выждали, когда часовой отойдет от сарая. «За мной!» — прошептал Алексей и первым выбрался наружу.

Воины всю ночь ползли, рискуя порой сорваться в пропасть. К рассвету обессиленные, исцарапанные в кровь камнями и колючками, они вышли к висячему мосту через расщелину в скалистом ущелье Алайского хребта.

Тем временем застава Воробьева билась с басмачами, безуспешно пытаясь прорваться в кишлак Сары-Бай. У врага — значительный численный перевес. Пограничники заняли оборону, чтобы не пропустить банду к заставе. Они держали басмачей под непрерывным огнем, не давая им покоя, и ждали подкрепления из Оша.

Басмачи не предпринимали активных действий — им важно было выиграть время, переправить захваченный скот по висячему мосту и самим уйти за границу. Курбаши намеревался с помощью заложников вступить в переговоры и тем самым прикрыть отход своих главных сил через ущелье. Но когда он хватился пленников — их и след простыл. Разъяренный курбаши на месте казнил часового.

Горстка храбрецов во главе с Гарькавым укрылась в зарослях аргачи. Они слышали выстрелы со стороны заставы, крики, доносившиеся из кишлака, наблюдали движение каравана с награбленным добром и отарами овец. Воинов охватила бессильная ярость — на их глазах группа

всадников проскочила через мост. Но что поделаешь! Безоружным и раненым, им оставалось только ждать, ничем себя не выдавая.

И тут произошло неожиданное. Когда овцы, сбив погонщиков, лавиной ринулись на висячий мост, он обрушился, и вся отара, а вместе с нею несколько бандитов полетели в пропасть. Пограничники только ахнули.

Но как дать знать о себе? Как помешать банде удрать? Что, если достать ружья басмачей, упавшие вниз?

Алексей Гарькавый и пограничник Келин решились на этот безумный шаг. И они стали спускаться по скалам. Теперь в их руках были карабины погибших басмачей. Выстрелы, прозвучавшие у Чертова моста, вызвали смятение в стане врага: мост — единственный путь перехода через ущелье.

К утру следующего дня подразделение Красной Армии подоспело на помощь пограничникам Воробьева. Шайка отказалась от открытого боя и сдалась на милость победителей. Пограничники вошли в Сары-Бай. Нашли там обезображенные трупы Золотарева и Сидорова, а у Чертова моста встретили Алексея Гарькавого с товарищами — они, подерживая друг друга, с трудом карабкались по горному склону.

Алексея отправили в Ошский госпиталь. Он выздоровел и вернулся на родную заставу, которую перевели на новое место. Но и здесь обстановка не стала спокойнее — басмачи нарушали границу, налеты их не прекращались.

Часто вместе с пограничниками приходилось вступать в бой с басмачами и другими нарушителями границы и жене Гарькавого — Марии. Однажды Алексей, уже будучи начальником заставы, с десятком бойцов выступил в горы против банды нарушителей. На заставе осталось всего несколько пограничников и его жена. Внезапно напали басмачи. Бойцы приняли бой. Мария Гарькавая с винтовкой заняла место у крыльца казармы и вела огонь по наседавшим бандитам. Пограничники перешли в блокгауз и продолжали отстреливаться. Тем временем Мария вскочила на коня и помчалась на соседнюю заставу. Басмачи заметили ее, но поздно: она была уже далеко. Помощь пограничников подоспела вовремя.

В другой раз заставка столкнулась с крупной, хорошо вооруженной бандой Айтмерека. Враги вторглись из-за кордона. Пограничники углубились в степь, чтобы заманить банду и уничтожить ее в открытом бою. Ложный маневр, предпринятый Гарькавым, оказался успешным. Внезапным и стремительным фланговым ударом бойцы разгромили отряд Айтмерека. За этот бой Алексея Гарькавого наградили орденом Красного Знамени...

Свою нелегкую службу в пограничных войсках Алексей Дмитриевич умело сочетал с партийной и общественной работой. В 1937 году его избрали секретарем партийного бюро пограничного подразделения. Более двух лет руководил он парторганизацией, всегда глубоко вникая в вопросы службы, обучения и воспитания пограничников. И этим немало способствовал отличной охране государственной границы.

Своими патриотическими делами по упрочению Советской власти в Киргизии, постоянным общением с населением А. Д. Гарькавый быстро завоевал авторитет среди трудящихся республики. В июне 1937 года партконференция района избрала Алексея Дмитриевича членом районного комитета партии. Через год он стал членом Ошского областного комитета, второй съезд Коммунистической партии республики оказал коммунисту-пограничнику высокое доверие, избрав его членом ЦК КП(б) Киргизии.

В 1939 году военная судьба перебросила Алексея Дмитриевича со среднеазиатской границы на Карпаты, оттуда в Мурманск, а затем на Карельский перешеек. Великая Отечественная война застала его на посту начальника пограничной комендатуры. На защиту Отчизны вместе с ним встали Мария Александровна и их сын Николай. В сентябре Алексея Дмитриевича назначили командиром полка, сформированного из пограничников и некоторых войсковых подразделений.

В одном из ожесточенных боев, увлекая бойцов за собой в контратаку, командир полка пал смертью храбрых. Родина высоко оценила ратный подвиг А. Д. Гарькавого, посмертно наградив его орденом Ленина.

По ходатайству Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся, Совет Министров СССР 19 ноября 1959 года присвоил Н-ской заставе пограничных войск имя майора А. Д. Гарькавого.

О. Мухин

БОЙ ВЕДЕТ ИВАН ГОЛОВИН

I

На окраине одного небольшого городка в Синьцзяне в густом саду приютился дом. Хозяин встретил гостя на веранде. Развалившись в удобных шезлонгах, хозяин и гость поначалу делились ничего не значащими новостями, а потом, помолчав, хозяин достал из кармана пиджака сложенную в несколько раз газету, развернул ее и протянул собеседнику.

— О, сэр! Вы интересуетесь московскими новостями? — воскликнул гость, увидев заголовок газеты «Вечерняя Москва». — Но какое отношение они имеют к нашему делу?

— Самое прямое, дорогой! Читайте то, что я отчеркнул карандашом.

Собеседник отыскал глазами нужную корреспонденцию и прочел: «С киноаппаратом по Хан-Тенгри».

— Ого! — воскликнул он. — Какой это смельчак двинулся на вершину «Властелина духов»?

— Читайте дальше.

— «В начале августа вместе с экспедицией, которую организует Всеукраинская научная ассоциация востоковедения, в малоисследованные районы Центрального Тянь-Шаня выезжает киноэкспедиция... Задавание киноэкспедиции — снять быт киргизов, дунган и украинских переселенцев, а также взойти на один из высочайших массивов Хан-Тенгри. До сих пор на эту вершину не поднимался ни один человек... Экспедиция затратит от трех до четырех месяцев».

Дочитав газету, гость осторожно положил ее на край стола.

— Теперь ясно, зачем я вас пригласил?

— Не совсем, но догадываюсь, — ответил тот.

— Нам пока неизвестны цели экспедиции. Неизвестен и ее руководитель. Но сегодня уже двенадцатое. Если «Вечерняя Москва» не ошиблась, то экспедиция уже на подходе.

— А может быть, это газетная утка?

— Не думаю. Большевикам нужны уголь, медь, золото, железо... Они настойчиво ищут подземные клады всюду. И послать на Хан-Тенгри экспедицию они вполне могут. Этим массивом давно интересуемся и мы, и немцы, и итальянцы. Кроме того, Хан-Тенгри имеет огромное стратегическое значение... Одним словом, нужно отбить охоту у большевиков соваться в эти края. Свяжитесь с вашим, как его, ну...

— Джантаем?

— Дайте ему деньги, оружие, боеприпасы.

— Он отгонит большевиков...

— Пусть не торопится, даст им развернуть работы. А потом... — хозяин распрямил пальцы правой руки и с силой сжал их, — потом ваш Джантай пусть делает, что хочет, с рядовыми участниками экспедиции, а руководителя со всеми материалами необходимо доставить ко мне. С Джантаем пошлите своего человека, чтобы он лично, на месте допросил участников экспедиции и определил, что нас интересует в ее материалах. Ваши бандиты с таким деликатным делом не справятся, они способны только резать и вешать.

— Мне все ясно, сэр. Завтра же отправляюсь с группой своих людей в долину Кой-Кап. Два-три дня ходу — и я буду у Джантая со всем необходимым для его «экспедиции».

— Вы сообразительны, мой милый. — Хозяин встал.

Поднялся и гость. Вместе вышли они в темный сад. У калитки дежурил привратник. Он низко поклонился. Хозяин на прощание сказал уходящему:

— Хорошо, если бы сумели с Джантаем заслать своего человека в экспедицию под видом проводника или носильщика...

— Постараюсь. Будем надеяться на успех.

II

Помощник начальника пограничной заставы готовился ехать на правый фланг своего участка. Путь неблизкий — много десятков километров по всхолмленной равнине, потом по руслу горных рек, злых и коварных. А там ледники, спускающиеся с далеких Тянь-Шаньских гор. Пейзаж открывался красивый. Но Иван Головин родился и вырос в степях Украины, к горам только привыкал. И не любоваться красотами он сюда приехал, а нести нелегкую пограничную службу. Взирая на Мраморную стену или на пик Хан-Тенгри — одно, а карабкаться на лошадях со скалы, на скалу, мерзнуть по ночам в разгар лета — другое. Наряд уходил к подножию Хан-Тенгри, прозванного «Властелином духов», не на два-три часа, а на две-три недели. Уедут бойцы с командиром на правый фланг и словно в воду канут. Связи с ними никакой. Телефон еще от штаба отряда даже к заставе не введен, а что уж говорить о самом отдаленном участке! Потребуется старшему наряду донесение об изменении оперативной обстановки на заставу послать — снаряжает гонца. Тот и мчит «аллур два креста». Пока доскачет да с приказанием

начальника заставы обратно прибудет — неделя пройдет. Обстановка сто раз может измениться.

Иван Головин напевал что-то себе под нос, собирал маузер, то и дело поглядывая во двор через окно своей комнаты. Пограничники у конюшни чистили лошадей, подгоняли седла и сбрую. С ними поедет Иван в свой наряд. Что ж, хлопцы надежные. На них можно положиться. Не раз в деле отличались. Особенно Комаров и Копылов. Вспомнил Головин недавний случай.

Было это в феврале. Вот так же, как и сейчас, выехали вечером на правый фланг сам Иван, Комаров, Копылов, Сейфумудзинов и проводник Николай Васильевич Набоков, из старожилов Нарынкола, хорошо знавший горы. Ехали дикими ущельями. В одной из горных расщелин Головин увидел, что прямо на наряд мчится стадо диких кабанов. Обычно они избегали встреч с людьми, хотя охотников в здешних краях было раз-два — и обчелся.

— Что случилось, Васильич? — спросил Головин у остановившегося проводника.

— Не иначе, кто-то испугнул кабанов, начальник! — ответил Набоков. — Нужно быть осторожным. Наверняка впереди люди. Больше кабанов никого не испугаются.

Головин запретил стрелять по кабанам, шарахнувшимся в сторону при виде людей, и направил бинокль на то место, откуда бежали дикие кабанов. Со склона горы в ущелье спускались два вооруженных всадника. Неизвестные тоже заметили пограничников и открыли беспорядочный огонь по ним, не слезая с лошадей и даже не останавливаясь. Их выстрелы никакого вреда наряду не причинили, но под огневым прикрытием неизвестные проскочили горную речку и скрылись в кустах и за нагромождением камней.

«Бандиты, — сразу же пронеслось в сознании Головина. — Надо начинать преследование».

— Загнать всех бандитов на вершину скалы! — распорядился Иван. — А там только две дороги: либо головой в пропасть, либо с поднятыми руками обратно в ущелье, прямо к нам в руки.

Однако лошади под бандитами были выносливее, чем у пограничников. Наряду пришлось на первом километре спешиться, оставить лошадей с проводником. А бандиты на своих конях уходили все дальше по узкому водосливу. Становилось ясно, что взять их живыми не удастся. Надо было что-то делать, и Иван решил:

— Огонь по лошадям! — скомандовал он.

Красноармеец Комаров тщательно, спокойно, словно на стрельбище, прицелился и нажал на спусковой крючок своей трехлинейки. Под одним из бандитов лошадь подогнула передние ноги и упала. Всадник успел соскочить и скрылся за большим валуном.

— Молодец! — похвалил Головин бойца.

Бросил свою лошадь, укрылся за грудками камней и второй бандит. Началась обычная в таких случаях перестрелка, когда обе стороны берегли боеприпасы. Однако долго сидеть за камнями бандиты не стали.

Один пополз по водосливу вверх, а другой в это время прикрывал его своим огнем. Потом они менялись ролями. У бандитов положение было выгоднее: они находились наверху, ползли по водосливу. Пограничникам же приходилось подниматься по скале, с огромным трудом и риском преодолевая каждый метр, используя каждый выступ. Бандиты могли уйти. Чтобы опередить их, пограничникам нужно было двигаться вдвое быстрее. Поняв это, вперед выдвинулся крепкий и выносливый красноармеец Копылов. Рискую сорваться в пропасть, он по карнизу скалы добрался до вершины и преградил неизвестным путь к отступлению.

Бандиты увидели, что окружены, и заняли оборону.

— Пойдем на сближение! — решил командир.

Головин с Сейфумудзиновым двинулись по правой стороне водослива, а Копылов и Комаров — по левой.

На какое-то время пограничники потеряли неизвестных из виду. А когда достигли намеченной точки, то обнаружили, что один бандит забрался в орлиное гнездо и оттуда открыл стрельбу, а другой исчез.

Но первый был особенно опасен. Подобраться к нему незамеченным было невозможно. Пулей не достанешь — он за надежным укрытием.

— Сдавайся! — крикнул Головин. — Останешься жив.

Орлиное гнездо ответило выстрелом, другим.

Пришлось начать подъем на вершину скалы. Копылов с ловкостью архара подбирался все ближе и ближе к орлиному гнезду. Бандит стрелял. То ли плохим он был стрелком, то ли несподручно было ему вести прицельный огонь, но пули не достигли цели. И вдруг гнездо замолчало. «Знать, патроны кончились, — подумал Головин, — или высматривает, чтобы ударить наверняка».

— Осторожней, Копылов! — крикнул командир пограничнику.

И вдруг случилось совсем неожиданное. Над гнездом во весь рост поднялась человеческая фигура. Бандит стремительно шагнул к краю пропасти и бросился вниз головой.

Кружным путем пограничники спустились на дно ущелья, подошли к распростертому на камнях телу, осмотрели его. На теле бандита насчитали тринадцать пулевых ранений. В подкладе ватника обнаружили документы. Расшифровать их могли только специалисты. Пока что было ясно, что прыгнувший в пропасть является важной птицей, коль предпочел смерть.

Спрятав документы в полевую сумку, Головин продолжал поиски второго бандита. Но тот не подавал никаких признаков жизни. «Может быть, тоже сорвался в пропасть?»

После тщательных попыток напасть на след Головин принимает решение возвратиться на заставу. Наряд встретил сам начальник отряда Зырянов. Выслушав доклад о стычке с бандитами, он одобрительно кивнул головой и проговорил:

— Знаю. Второго задержали пограничники соседней заставы. Он оказался раненым. Полагаю, что документы, доставленные вами, содержат важные сведения. Погибший был связным крупного резидента и

шел со своим проводником в ставку Джантая. Оттуда его должны были переправить в глубь Синьцзяна. Кто отличился в бою?

— Все действовали смело. Особенно красноармеец Копылов и проводник Набоков.

Начальник отряда объявил всему наряду благодарность, а винтовку погибшего шпиона приказал вручить Николаю Васильевичу Набокову.

— Рад стараться, товарищ начальник!— Старик Набоков, старый русский солдат, щелкнул каблуками сапог.— Теперь поохотимся от души.

— Ты, я слышал, одним выстрелом двух архаров уложил?— поинтересовался Зырянов.

— Так точно! Уложил.

Головин подтвердил, что действительно на его глазах проводник одним выстрелом снял двух козлов.

Потом начальник отряда отпустил всех отдыхать, а Головина повел в комнату, где представил человека в штатском.

— Этот товарищ из Москвы, из ГПУ. Расскажешь ему все, что было в горах.

Пришлось Ивану еще раз рассказывать и о бое в водосливе, и об орлином гнезде, и о прыжке шпиона в пропасть. Представитель из Москвы внимательно просмотрел документы, привезенные Головиным, и похвалил его за смелость и находчивость.

...И вот теперь опять предстояла поездка на правый фланг, далеко в горы.

Иван собрал маузер, вложил его в деревянную кобуру и выглянул в окно. По двору заставы в сопровождении дежурного шло несколько неизвестных. А чуть позади шагал Бердикул, один из жителей ближайшего аула. «Опять, наверное, контрабандистов поймали!»— подумал Головин и, повесив маузер через плечо, поспешил во двор.

Неизвестные оказались членами научной экспедиции, прибывшей из Харькова, и имели на то соответствующие документы.

— Так вы из самого Харькова?— спросил он человека в очках.

— Из него.

— Значит, земляки. Я тоже харьковский. Из села Охочего. Может, слышали?

— Слышал, даже проезжал не раз.

— Давайте знакомиться. Головин Иван Семенович, помощник начальника заставы.

— Погребецкий Михаил Тимофеевич, начальник экспедиции Всеукраинской ассоциации востоковедения. А это мои помощники — научный работник Сергей Гаврилович Шиманский и композитор Николай Трофимович Колода. Остальные скоро подъедут.

— А на заставу вас какое дело привело, Михаил Тимофеевич?

— Видите ли, цель нашей экспедиции — изучение района пика Хан-Тенгри. А район находится в пограничной зоне, и без вашего разрешения мы не можем начать работу...

— Да, таков порядок,— подтвердил Головин.

— Вот вы и дадите нам это разрешение.

— Не могу, дорогой Михаил Тимофеевич. Не имею на то права, хоть и рад был бы услужить земляку. Придется подождать разрешения из отряда. Но вы не беспокойтесь. Милости прошу ко мне на холостяцкую квартиру... Только жаль, что поговорить не удастся: подъедет начальник заставы, и я отбуду в наряд.

— В какую сторону?— поинтересовался Погребецкий и тут же понял, что такие вопросы на заставе не задают, поправился:— Извините, земляк. Понимаю, что глупость сказал. Сам солдатом был.

— Ничего... А пока отдохните с дороги. Моя комната в вашем распоряжении. Будете моим гостем.

— Спасибо. Только умыться бы надо.

Головин огляделся, увидел красноармейца, не занятого делом, крикнул:

— Маслов! Обеспечь воду товарищу профессору.

— Ну какой я профессор, право, Иван Семенович!— виновато улыбнулся Погребецкий.

III

К вечеру подъехал начальник заставы и сказал Погребецкому то же самое, что и Головин:

— Без начальника отряда ничем не могу помочь. Телефона пока нет. Придется посылать в отряд нарочного.

— И сколько он проедет?

— Недельку, не меньше.

— Боже мой!— развел руками Михаил Тимофеевич.— Это же целая вечность.

— Другого выхода нет.

— А где ближайший телефон?

— Километрах в двадцати.

— Если я напишу телефонограмму и пошлю с ней одного из своих рабочих туда?

— Попробуйте. Но надежды мало.

— Бердикул знает дорогу. Его придется и послать.

— А сами пока отдыхайте. Где вас устроить?

— Я своего земляка нашел, Головина. У него и остановился. Гостеприимный хозяин разрешает жить у него и тогда, когда он уедет в наряд.

— Ваш земляк пока останется на заставе. Ну, спокойной ночи, товарищ профессор.

— И вы мне ученое звание присвоили! Я не профессор вовсе.

— Извините, если что не так. Обидеть, честное слово, не хотел.

— Так я пошлю Бердикула.

— Посылайте.

Погребецкий начал разыскивать Бердикула, а начальник заставы послал дежурного за Головиным. Тот быстро явился.

— Земляков, говоришь, встретил?— спросил его начальник.

— Из самого Харькова. Жаль, что выезжать надо. Не поговоришь.

— Успеешь наговориться, Иван. Экспедиция поедет на наш правый фланг. Если Зырянов даст завтра-послезавтра разрешение, то отправитесь вместе. Свою боевую задачу выполнишь и за учеными присмотришь. Любой контрабандист обидеть может. Да и люди Джантая в тех местах могут появиться. Наш наряд там есть. Задержится на пару суток. А пока иди отдыхай. С земляком-профессором чайком побалуешься, про Харьков расспросишь.

Когда Головин вернулся к себе, то застал Погребецкого за столом, склонившимся над картой Тянь-Шаня. Михаил Тимофеевич что-то вымерял по ней линейкой и циркулем.

— Чай будем пить?— спросил хозяин.

— С удовольствием. Мне сказали, что вы остаетесь у нас.

— Да.

— Тогда у меня к вам будет много вопросов.

— Я тоже хочу кое о чем вас расспросить. Вот за чаем и поговорим. Вскоре чай вскипел. Головин достал из тумбочки стаканы, сахар, хлеб.

— Вот что я хочу спросить, Михаил Тимофеевич...— начал он.— Представляете ли вы себе, куда собираетесь?

— Что вы имеете в виду?

— Горы... Мы народ пограничный, и то по леднику Иныльчек высоко не поднимаемся. А вы, ученые, горы, небось, впервые видите.

Погребецкий рассмеялся.

— Я, Иван Семенович, горы знаю хорошо. Основная моя профессия — альпинист. Правда, на такую вершину, как Хан-Хенгри, подниматься еще не приходилось. Но обязательно поднимусь, обязательно.

— Нынче вряд ли удастся. Разведаем подступы к «Властелину духов», проведем подготовительную работу.

— Если вы специалист, то зачем откладывать?

— Дело это очень серьезное. Ни один человек еще не поднимался на Хан-Тенгри, хотя пытались это сделать такие специалисты, как Карл Риттер, Рудольф Шлагинтвейн. Попытки делали итальянские альпинисты Чезаре Воризо, Браккероль и Цурбриген. А в 1902 году до подножия Хан-Тенгри дошел мюнхенский географ Готфрид Мерцбахер с геологом и топографом Пфаном и проводниками-тирольцами. Экспедиция чуть не погибла.

— Как вы называли фамилию этого... из Германии?

— Готфрид Мерцбахер. А что?

— Слышал о нем от старика Набокова.

— Как вы сказали, Набокова?— переспросил в свою очередь Погребецкий.— Интересно...

— Николай Васильевич был проводником многих экспедиций. Он этого Мерцбахера помнит хорошо.

— А он жив?

— Набоков-то? А что ему сделается? Жив и здоров старик. Перво-статейный охотник в округе и лучший проводник в горах. Я часто беру его с собой. Смелый человек. Перед бандитами не пасует, в бою ведет себя не хуже молодого.

— Ведь это чудесно, Иван Семенович! Пойдет он проводником с нами?

— Конечно. Старик беспокойный, на месте ему не сидится. Сына своего Мишку тоже приучил к горам. Завтра с утра сходим к нему. Я вас познакомлю. Скажите, а почему разные шпионы нашими местами интересуются?

— Разве?

— У нас есть доказательства. Вот в той же экспедиции Мерцбахе-ра зачем были геолог и топограф? Ради спортивного интереса они шли сюда, на чужую землю? Не поверю. Англичане даже просили русского царя Николая отдать им на десять лет район Хан-Тенгри и Мраморной стены. Обещали даже железную дорогу от Арыси в центр Тянь-Шаня провести. Неспроста все это.

— Этих деталей я не знал, хотя перед экспедицией много документов о Хан-Тенгри изучал, десятки книг прочитал. Ознакомился почти со всем, что было написано о Хан-Тенгри. Возможно, что иностранная разведка интересуется этими местами. Важный стратегический пункт на случай войны. Да и богатства в недрах гор колоссальные, только пока не изучены. Мы и начнем их изучать на пользу своей страны.

— Золото?

— Возможно, найдем и золото. И руды разные. И уголь.

IV

Если Хан-Тенгри назван в народе «Властелином духов», то Джантай считал себя властелином долины Кой-Кап, урочища Айджайлау. В долине была его ставка, а в урочище батраки пасли тучные стада.

— Кой-Кап — орлиное гнездо батыров и джигитов,—говорил Джантай, немолодой уже человек, глава большого и богатого рода, принимая в своей богатой юрте гостя из Китая.— И никому не добраться до моих владений, а я, как орел, спущусь с высоты на землю и сделаю то, что задумал.

— Хорошо устроились, Джантай-ага! — польстил хозяину гость.— К вам большевики не доберутся даже тогда, когда откроются перевалы.

— Однажды пришли в Кой-Кап кзыласкеры. Но ни один не ушел отсюда. Мои люди перерезали единственную тропу, ведущую в долину. Бесчисленное множество большевиков погибло под моими пулями. Сотни кзыласкеров взял я в плен. И вот уже пять лет они мои рабы. И так будет всегда, если большевики попытаются затронуть меня.

Джантай явно преувеличивал свои успехи, говоря о бесчисленных убитых и сотнях пленных пограничников. Но с небольшим отрядом со-

ветских пограничников, попытавшихся в 1924 году проникнуть в долину Кой-Кап, он действительно расправился со свирепой жестокостью.

А было это так. Командование группы переоценило свои силы, двинулось в долину без охраны и флангового прикрытия. Джантай пропустил пограничников в глубь высокогорной долины, окружил их, а потом навалился со всех сторон всей бандой, по численности во много раз превосходящей пограничников. Как львы, сражались пограничники, но вырваться из огневого мешка не смогли.

Этим боем Джантай хвастался как великой победой над большевиками. За кордоном верили или делали вид, что верят в могущество главаря большой бандитской шайки. И частенько делали на него ставку.

— Джантай-ага, со мной прибыл большой груз,— начал гость, выслушав хвастливые слова хозяина.— Он предназначен для тебя.

— Что во выюках, которые вы привезли, почтенный гость?

— Новое оружие и много боеприпасов. Я слышал, что ты испытываешь нужду в винтовках и патронах.

— Правда, у меня мало патронов. И поэтому я не могу спуститься в долину Сары-Джаса, чтобы пополнить свои отары и отомстить большевикам за все, что я от них испытал.

Гость усмехнулся. Он хорошо знал биографию владыки долины Кой-Кап. Джантай был страшным человеком. Свое первое убийство он совершил еще в прошлом веке — сорок лет назад. И укрылся в долине Кой-Кап, чтобы избежать возмездия за преступление. Вначале он выдавал себя за жертву русских. Но это не мешало ему грабить аулы местных жителей, расположенные в долинах Иныльчека и Сары-Джаса. Вскоре беднота поняла, что Джантай никакой не герой-страдалец за аллаха, а обыкновенный бандит. В свою неприступную высокогорную долину он угонял из аулов не только скот, но и самых красивых девушек, молодых ребят, из которых делал жестоких бандитов. И стал Джантай ярым врагом и местных жителей, и русских переселенцев. Те и другие не раз обращались к царским властям с просьбой защитить их от набегов банды Джантая. Но власти не принимали никаких мер.

Когда в эти горные края пришла Советская власть, Джантаю было предложено спуститься с гор и поселиться в любом ауле либо основать свой. Ему было обещано прощение.

Джантай спустился с гор и в окружении верных людей приехал в Каракол. Мало кто из знавших бандита верил в его исправление.

— По этому головорезу тюрьма давно скучает!— говорили местные жители и пограничники.

Гуманная Советская власть простила Джантаю все его преступления, считая, что совершил он их по политической неосознанности. Однако Джантай и не думал отказываться от привычного образа жизни. В пограничном городе он выведал все, что его интересовало, установил связь с нужными людьми и скрылся ночью по направлению к горам. Перевалы он успел проскочить до осенней непогоды. И они, словно во-

рота, захлопнулись за ним на много месяцев. Долина Кой-Кап снова стала резиденцией головорезов.

Если с советской стороны в долину можно было попасть в июле — августе, когда открывались высокогорные перевалы, да и то с огромным трудом, то со стороны Китая проходы в Кой-Кап были открыты круглый год. И Джантай в своей ставке часто принимал гостей из Китая. У бедняков этой части Синьцзяна были свои счета с царьком Кой-Капа. Он не раз тревожил своими набегами и их, правда, давно, до революции. Но они ничего не забыли и не собирались прощать Джантая. И, может, добрались бы до его головы, но границу охраняли китайские солдаты, покровительствующие бандиту.

Обо всем этом гость был прекрасно осведомлен. Знал он, что Джантай давно и далеко не бескорыстно оказывает услуги английской, японской, немецкой и другим иностранным разведкам. Через их агентов получает оружие, боеприпасы, деньги. От них получает задания, иногда весьма щекотливые, подобно тому, с каким приехал в Кой-Кап гость.

— Что хочет от Джантая мой друг?— спросил бандит.

— Большой разговор, Джантай-ага. И дело важное. К Хан-Тенгри едет экспедиция большевиков. Под видом ученых в ней одни агенты ГПУ. Они хотят разведать проходы в горах, а потом двинуть сюда целую армию с пушками. И тогда конец твоему вольному житью в этой райской долине. Против пушек тебе не устоять.

— Я опять заманю большевиков в Кой-Кап и вырежу всех до единого.

— А если они не пойдут в долину? У них всякие умные приборы, с помощью которых можно издалека определить дорогу и сфотографировать ее через подзорную трубу.

— Не допущу чужеземцев на священную землю отцов. Я отберу лучших джигитов, отправлю их вниз. И они уничтожат агентов Московской ЧК еще в долине Сары-Джаса, не допустят их близко к Хан-Тенгри.

— Зачем торопиться? Ты можешь вспугнуть их раньше времени. И тогда они двинут большую силу. Можно сделать хитрее, напасть на московских агентов уже на Хан-Тенгри, живым взять главаря, все снаряжение, карты, оружие, записи. Остальных убить и сбросить в бездонную пропасть. Пусть большевики думают, что пройти через Хан-Тенгри невозможно и что их агенты погибли под снежным обвалом. А потом ты пошлешь верных людей в Нарынкол, Каракол, Сары-Джас. И будут они рассказывать всем, что экспедиция погибла под лавиной снега. Но это потом, а сейчас нужно, чтобы кто-то следил за экспедицией, когда она будет подходить к Нарынколу, покупать лошадей и двигаться дальше. Хорошо бы московским агентам подсунуть проводника. Уж он их заведет туда, где, как любят говорить русские, Макар телят не пас. Но что-бы этот человек не вызывал никакого подозрения. Есть кто-нибудь на примете?

Джантай задумался. Конечно, гость прав. Торопиться не нужно. Действовать следует наверняка. Но какую добычу можно взять?

Гость словно разгадал мысли хозяина, сказал:

— Прикидываешь выгоду, Джантай-ага? Не беспокойся. В убытке не будешь. Тебе за голову главаря пришельцев и за его документы будет хорошо заплачено. Мы не скупимся. Все имущество их заберешь себе.

— И подозрные трубы?

— Все до последней палатки, Джантай-ага. Есть у тебя человек, которого под каким-нибудь удобным предлогом можно было бы сделать проводником или хотя бы носильщиком экспедиции?

— Есть. Живет внизу, там;— Джантай махнул рукой на запад.— К нему я пошлю своего гонца.

— Вот и хорошо. Я всегда был в тебе уверен. Ты настоящий богатырь.

— А теперь время тоя, дорогой гость.

По сигналу хозяина в юрту внесли огромный таз с вареной бараниной, бутылки с напитками, стаканы, пиалы, баурсаки и другие яства. Вошли приглашенные к хозяйскому столу родственники и близкие друзья Джантая. Начался пир.

В ночном августовском небе ярко сверкали звезды. Прохладой дышали громоздившиеся друг на друга дикие скалы. Пика Хан-Тенгри в темноте не было видно. Но он чувствовался. Огромный. Неприступный. И таинственно-грозный.

V

В ту ночь не сомкнули глаз земляки — пограничник и ученый. До рассвета проговорили о предстоящей экспедиции, то и дело заглядывая в карту. Уточняли маршрут, а Головин рассказывал все, что знал об особенностях дороги к подножию Хан-Тенгри. А ранним утром пошли к Николаю Васильевичу Набокову. Тот был уже на ногах, что-то мастерил на своем дворе.

— Принимай гостей, Васильич!— крикнул Головин, открывая калитку.

Старик оторвался от дела и бодро зашагал навстречу.

— Здорово, Иван! Не иначе, как в горы собрался?

— Угадал. Только не я один, а вот с ученым товарищем. Знакомься. Это мой земляк Михаил Тимофеевич Погребецкий, начальник экспедиции.

— Очень рад, прошу до хаты,— пригласил гостей радушный хозяин, человек с широкой бородой и густыми, мохнатыми бровями, нависшими над не по годам молодыми глазами.

Вошли в дом, сели у длинного деревянного стола на такие же длинные некрашенные скамейки.

— Что, Васильич, пойдешь на Хан-Тенгри?— спросил Головин.

— Чего же не пойти? С удовольствием.

— Так это вы были проводником у Мерцбахера?— поинтересовался Погребецкий.

— У немца-то? Как же, помню! Чуть не погиб тогда вместе с ними у ледника Мушкетова, корова его забодает.

— Почему не поднялись они на пик?— спросил Погребецкий.— Погода испортилась, что ли?

— Нет, погода стояла отменная. Можно было подниматься. Только ладу у немцев не было. Раскричались. Каждый свое кричит, доказывают друг другу. А что—не пойму, не по-нашему лопочут. Мерцбахер свое доказывает, а этот, как его.., Пфан,— свое. И не слушали друг друга. Им бы сесть рядком да поговорить ладком, а они... Одним словом, ночь провели в палатках, а наутро тронулись в обратный путь не солоно хлебавши.

— Трудный был поход?

— Куда трудней! Куда ни сунься — нет пути. Долго мы кружили по горам. Сначала шли с Баянкольского ущелья. Шли, шли и наткнулись на сплошную отвесную стену из мрамора.

— Правильно. Мерцбахер назвал ее Мраморной стеной.

— Вот-вот. А потом поднимались на разные вершины. И выходило, что зря. Нет с них дороги на «Кровавую гору». Тогда пошли в долину Сары-Джаса. И там клин. Пошли на ледник Мушкетова. И чуть было не погибли. Начался снежный обвал. Мы в него и угодили. Однако немец был настырным. Экспедиция ушла в Китай, но на следующее лето снова вернулась. Теперь немец поднялся выше по леднику Иныльчек.

— Много интересного вы знаете, Николай Васильевич. С вами в экспедиции хорошо будет. А Джантая не испугаетесь? Во Фрунзе и Караколе нам про этого Джантая все уши прожужжали.

— А что Джантай, корова его забодает! Бандит с большой дороги. А мне боевая винтовка зачем дадена?— старик кивнул на стену, где висела подаренная пограничниками русская трехлинейка.— Сунутся — пулю получают. Я и на тигра ходил...

— Вы, Николай Васильевич, давно в здешних краях?

— Давненько. Сюда пришел с воинской командой границу с Китаем прокладывать. Понравились мне здешние места своей охотой. Поселились мы, село обосновали. Охотничьим назвали. Потом в Нарынкол переименовали...

Вдруг со двора послышался крик:

— Начальник! Начальник!

— Это наш Бердикул кричит, я его с депешей посылал,— пояснил Погребецкий.

— А как он попал в экспедицию?— поинтересовался Головин.

— Кажется, в Караколе нанялся. Нам люди нужны.

Бердикул, путая русские и киргизские слова, рассказал, что выполнить поручение ему не удалось. Река разлилась, подмыла телефонные столбы. А связистов Бердикул не нашел.

— Что же, придется самому ехать навстречу связистам,— решил Погребецкий.— Возьму с собой Бердикула. И к вечеру вернусь...

Но вернулся Погребецкий лишь через сутки. Ему удалось найти палатку связистов. Пока они соединялись с отрядом, пока там решали вопрос, прошло немало времени. Но зато Михаил Тимофеевич привез телефонограмму из отряда. Начальник заставы прочитал ее вслух Головину и Погребецкому. Она гласила:

«Начальнику фланговой пограничной заставы 14 августа 1929 года. Экспедицию на стык вашей заставы и соседней комендатуры пропустить. Разрешаю фотографировать Хан-Тенгри и окрестности. Обеспечьте всеми возможными способами оперативное обслуживание экспедиции. Для географического изучения участка получите один экземпляр фотоснимка Хан-Тенгри, а также тех местностей нашего участка, которые по дороге будут сфотографированы.

Начальник погранотряда *Зырянов*

Пом. уполномоченного *Шахов*

Принял и передал нач. связи *Енулидзе*»

— Что ж, раз начальство дает «добро» да еще приказывает оказывать вам всяческое содействие, значит, у вас важная задача!— сказал начальник заставы.— Но предупреждаю, что сейчас в горах опасно. Перевалы в долину Кой-Кап открыты и не исключена встреча с бандитами Джантая.

— Волков бояться — в лес не ходить.

— Джантай страшнее любого волка будет. Отъявленный мерзавец! — начальник хлопнул кулаком по столу.— Я к вам прикомандирую для охраны группу пограничников во главе с вашим земляком. Головин! Подбери ребят понадежнее да повыносливее.

— Сколько?

— Человек семь... Нет, столько не могу. Возьмешь пятерых. Из тех, кто знает горы.

— Есть.

Головин зашел в казарму, где отдыхали бойцы, назвал:

— Копылов, Ноговицын, Медведев, Комаров и Маслов! Готовьтесь к выезду на правый фланг. Едем с научной экспедицией.

— А теперь давайте уточним состав экспедиции,— предложил Погребецкому начальник заставы.— Здесь вас трое. Остальные, вы говорите, в Каркаре? Нужно записать всех. Таков порядок на границе. Вас я записал. Дальше?

— Пишите. Шиманский Сергей Гаврилович, научный работник. Николай Трофимович Колода, композитор. Иван Багмут, писатель. Они прикомандированы к нашей экспедиции для сбора и изучения этнографического материала. Дальше. Иван Никифорович Лазиев, кинооператор. Уже бывал в Средней Азии. Журналист Аркадий Редак из газеты «Харьковский пролетарий». Шестым идет Франц Зауберер, профессиональный альпийский проводник, австрийский коммунист, политэмигрант. Переводчица Фатима Таирова, студентка Московского высшего технического

училища. Сама вызвалась к нам, пока каникулы. Остальные — местные. Коноводы, носильщики. Проводником берем старика Набокова. Он собирается ехать с сыном Михаилом.

— Знаю старика и молодого. Надежные люди. Никогда не подведут.

— Значит, я сейчас же посылаю Бердикула с запиской к тем, кто ждет нас в Каркаре. Пусть готовятся к выходу по маршруту.

Скоро Бердикул с запиской начальника экспедиции выехал по направлению к Каркаре. По дороге он сделал небольшой крюк, заскочил буквально на минутку в один из горных аулов, перемолвился со своими знакомыми несколькими словами, даже не слезая с лошади, и снова помчался, подгоняя свою косматую лошаденку, неказистую, но проворную.

К выходу было все готово.

VI

Утром двадцатого августа экспедиция тронулась в путь. Скоро приземистые домишки поселка скрылись из виду. Колонна двигалась к стоящей впереди и закрывшей весь горизонт громаде гор, своими пиками во многих местах проткнувших небо. Путь был неблизкий и нелегкий. Об этом предупреждали Головин и Набоков. Да и карта, хоть и не совсем точная, говорила о том, что маршрут потруднее многих, какие уже проделали Погребецкий и его спутники до этого на Кавказе.

Впереди с трофейной винтовкой за плечами ехал Николай Васильевич Набоков, за ним — плотной группой члены экспедиции. Позади следовал «обоз» — несколько выючных лошадей, которых вели Бердикул, Нургаджи и Абдукаир. Теперь вся экспедиция была в сборе. Пограничники во главе с Головиным поехали другой дорогой и должны были присоединиться к экспедиции на первом привале в ущелье Саду-Сай. Так решил Головин, чтобы в аулах предгорья не привлекать особого внимания к экспедиции. Красный командир хорошо знал, что «узункулак» — «длинное ухо», аульный телеграф, передающий новости из аула в аул подчас с быстротой малопостижимой.

До зимовки в ущелье Саду-Сай добрались без всяких приключений. Здесь впервые собрались вместе те, кому придется пробираться не только в самое сердце «Небесных гор», но, что вполне возможно, сражаться с бандитами, если они попытаются помешать работе научной экспедиции. И само собой разумеется, пограничники внимательно присматривались к ученым, а те, в свою очередь, к красноармейцам и их командиру.

Совместными усилиями пограничники и ученые разбили палатки. Весело затрещал сушняк в нескольких кострах. Закипела вода в походных котелках, приятно запахло варевом.

Пужинали, когда уже в темном южном небе яркими светлячками вспыхнули звезды. Головин приказал Копылову и Ноговицыну:

— Будете охранять входы в ущелье. Через четыре часа вас сменят Медведев и Комаров. Я и Маслов будем по очереди дежурить в лагере. Смотрите зорче. Помните, что нам доверена охрана научной экспедиции.

Лагерь не засыпал, несмотря на усталость. Оставшиеся у палаток пограничники затянули «По долинам и по взгорьям». Песню подхватили Сергей Шиманский, Иван Лазиев и другие участники экспедиции. В импровизированном хоре особенно выделялся голос переводчицы.

— Я все хочу вас спросить, Михаил Тимофеевич, как к вам попала эта местная девушка?— обратился Головин с вопросом к Погребецкому.

— Фатима? Сама напросилась.

— Она из Фрунзе или из Каракола?

— Нет, москвичка.

От удивления Иван перестал мешать головешки в костре, вопросительно взглянул на Погребецкого. Тот усмехнулся и ответил:

— Не удивляйтесь, земляк! Мы живем в такое время, когда дочь гор становится инженером, ученым. Я уверен, что Фатиму ожидает большое будущее. Она учится в Москве в Высшем техническом училище. А ее отец, кажется, до сих пор кочует по предгорьям Тянь-Шаня. Фатима прочла в газете о предполагаемой экспедиции и прислала мне в Харьков письмо. Пишет, что мы не сможем обойтись без переводчика. Вот что она еще писала: «Сама я жительница гор Киргизии, хорошо знаю обычаи своего народа и горы. Не подумайте, что если я женщина, то испугаюсь трудностей». Мы ввели Фатиму Таирову в состав нашей группы и надеюсь, что жалеть не придется.

В полночь Головин пошел проверить посты. Едва он отошел от костров экспедиции, как густая тьма окружила его со всех сторон. Двигаться по ущелью приходилось почти на ощупь. Где-то журчала речка. С гор веяло прохладой. Иван Семенович двигался осторожно, но стоявший на своем посту Копылов услышал шаги, окликнул:

— Стой! Кто идет?

Головин назвалса и подошел вплотную к часовому.

— Тихо?—спросил он Копылова.

— Тихо, товарищ командир.

Спокойно было и у Ноговицына, охранявшего вход в ущелье и дорогу, по которой экспедиция пришла в Саду-Сай. В час ночи часовые сменились. Да и лагерь, наконец, уgomонился. Когда Головин проходил мимо палатки Погребецкого, Михаил Тимофеевич его окликнул:

— Иван Семенович, не спите? Давайте по карте уточним дальнейший маршрут.

Головин достал свою потрепанную на сгибах карту, присел у тусклого фонаря.

— Будем завтра двигаться к перевалу Тюз,— говорил он Погребецкому.

— Мы перейдем Сары-Джас и будем идти по левому берегу этой реки. Хан-Тенгри будет от нас на юго-западе. Дорога пойдет по сыртам. Спустимся по реке Тюз, левому притоку Сары-Джаса. Высота перевала — четыре тысячи над уровнем моря.

- Здесь, наверное, люди уже не живут?— спросил Погребецкий.
— Редко, но встречаются аулы. Чаше попадаются кочевья.
— На такой высоте?
Народ к горам привычен.
— Да, здесь все грандиозно и необыкновенно.
Кругом было темно и тихо. Только на дне ущелья шумел поток.

VII

На рассвете экспедиция тронулась дальше. Двигались все время в гору, но особых трудностей это не вызывало. Дорога по сыртам была травянистой, сравнительно ровной, а гряды — пологими. Вершина Хан-Тенгри почти все время была хорошо видна, но казалось, что пик совершенно не приближается, хотя уже пройдено немало километров.

Труднее стало идти по руслу бурного Тюза. Но и здесь пока особых препятствий не встречалось.

— Словно на Ай-Петри поднимаемся!— шутил Аркадий Редак.— И в газету ничего интересного, захватывающего не напишешь.

Перед вечером путешественники увидели кочевников, устанавливающих юрты. Убедившись, что с этой стороны нет никакой опасности, получив приглашение приходить в гости, Головин с пограничниками вернулся в экспедицию, рассказал обо всем Погребецкому.

— Что ж, сходите в гости, Иван Семенович!— ответил начальник экспедиции.— Сейчас пора и на ночевку. Люди устали, да и лошади едва двигаются. Всем отдых нужен.

— Разрешите и мне!— попросилась Фатима.— Может быть, кого из знакомых или родственников встречу. Да и вообще своим землякам о Москве расскажу. Им будет интересно. Ведь в такую даль красные юрты не приезжают, а о радио никто и понятия не имеет.

— И мне бы побывать у настоящих кочевников!— загорелся кинооператор Лазиев.— Можно снять уникальные кадры, которые войдут в историю.

Погребецкий отпустил обоих, а сам с оставшимися занялся разбором и систематизацией материалов, уже полученных экспедицией. Нужно было все занести в путевой дневник, который послужит основой для отчета Всеукраинской ассоциации востоковедения и для будущей книги, которую обязательно нужно написать.

За этим занятием начальника экспедиции и застала ночь.

Где-то в стороне паслись лошади экспедиции под присмотром Бердикула, Трушенко и других рабочих. Закончив записи, Погребецкий прилег и скоро задремал.

Вдруг сквозь сон он услышал какой-то страшный грохот. И только окончательно проснувшись, понял, что это беспорядочная, все учащающаяся стрельба. Михаил Тимофеевич вскочил, быстро оделся и вышел из

палатки. На ногах были уже все сотрудники. Первыми попались на глаза Редак и второй кинооператор Шевченко.

— В чем дело?— спросил он их.

Но те и сами были в полном неведении. Прибежал коновод Трушенко и сообщил взволнованно:

— Басмачи! Напали на наших лошадей и угнали их. Я стал стрелять, но они открыли по мне такой огонь, что я еле спасся.

— А кто сейчас стреляет?

— Не знаю.

— Где красноармейцы? Не возвращались?

— Нет.

Стрельба усилилась. Над головами тонко просвистело несколько пуль.

— Что будем делать, начальник?— тревожно спросил Трушенко.

— Надо в аул, к пограничникам,— решил Погребецкий.— Где Бердикул?

— Наверное, уже убежал,— ответили из темноты.

Пригнувшись, все бросились в сторону аула. Но, увидев на фоне неба контуры нескольких всадников, залегли. Неизвестно откуда появился Бердикул. Да и было в эту минуту не до расспросов.

Всадники приближались. Бердикул вдруг поднялся и громко крикнул:

— Я Бердикул! Я здесь, начальник!

Первый всадник резко осадил коня. Погребецкий узнал Головина.

— А, Иван Семенович! В чем дело?

— Чуть было вас за банду не принял, земляк. Некогда сейчас. Банду преследуем. Фатима все расскажет. На всякий случай будьте осторожны:

Пограничники ускакали в темноту. А Фатиму обступили участники экспедиции и внимательно слушали ее рассказ:

— Побывала я в одной юрте, рассказала о Москве, обо всем, что интересовало моих земляков. Потом поехала в другую юрту, подальше. За ночь нужно всех объехать, а то обидятся. Тут я чуть не попала к бандитам, которые хотели окружить аул, где были пограничники. Побежала к Головину, чтобы предупредить его об опасности. Но красноармейцы уже были на конях и спешили скорей выехать из аула, чтобы дать банде бой и не допустить ее до лагеря экспедиции. Завязалась перестрелка. Чуть было пограничники Бердикула не убили. Почему-то он оказался в той стороне, откуда двигалась банда. Хорошо, что он свой голос подач...

— Где же ты был, Бердикул?— спросил Погребецкий.— Заблудился, что ли?

— За лошадьми ехал. Думал, что их по ошибке люди из аула забрали.

— И чуть не погиб?

— Ничего, начальник. Все хорошо.

Где-то далеко снова вспыхнула стрельба. Видимо, пограничники настигли банду и вступили с ней в бой. Но скоро выстрелы прекратились.

И пограничники во главе со своим командиром возвратились в лагерь. С собой они вели лошадей экспедиции.

— Отбили у банды,— рассказал Головин.— Но бандиты все же успели скрыться в горах. Преследовать их ночью вряд ли целесообразно. Да и нельзя нам далеко отрываться от вас, Михаил Тимофеевич. Переходим на военное положение: будем выставлять охрану и прикрытие.

— А много было бандитов?

— Человек тридцать—сорок.

— Джантай?

— Трудно сказать. Здесь и простые скотокрады попадаются. Может быть, они, а может быть, разведка Джантая.

Наступило утро. Погребецкий решил, несмотря на тревожную, бессонную ночь, двигаться дальше.

На перевале лежал глубокий снег. Прежде чем двигаться, нужно было пробивать в нем настоящий туннель. Перед перевалом остановились.

Первым ступил на снежную целину Головин. За ним — Набоков и Трушенко. Дальше — еще двое бойцов. Потом — экспедиция. Три красноармейца замыкали группу, готовые в случае необходимости прикрыть ее огнем.

Каждый шаг давался ценой огромного напряжения сил. Коням было тяжело преодолевать крутизну по снегу. Лошадь Трушенко несколько раз спотыкалась и вместе с всадником падала на снег. Коней подтягивали поодиночке. Снег был такой белизны, что смотреть на него было невозможно. Мало помогали и защитные очки. Глаза лошадей завешивали конским волосом.

К полудню экспедиция достигла перевала Тюз. Отсюда открылась величественная панорама сердца «Небесных гор» — скопище гигантских скал с нависшими над ними зубцами ледников.

VIII

— Джантай-ага! Незванные пришельцы перешли перевал Тюз и сейчас двинутся долиной Иныльчека.

— Почему вы не отвлекли кзыласкеров в сторону от дороги, по которой идут пришельцы?— грозно нахмутив брови, густые и лохматые, спросил хозяин долины Кой-Кап у только что прибывшего в его ставку гонца.— Я же вам приказал напасть на лагерь пришельцев, забрать у них коней, пострелять для острастки и отступить в горы. Тогда бы Головин увлекся преследованием, а пришельцев мы бы взяли без единого выстрела.

— Красный командир отбил своих лошадей и не стал дальше преследовать нас.

— Вы не джигиты, а дохлые ишаки!— главарь банды грязно выругался.— Вам только с длинноволосыми женщинами воевать. В долину Иныльчека я пошлю своего племянника. Он сумеет отвлечь пограничников, а я тем временем ударю по пришельцам.

...Преодолев тысячи больших и малых препятствий, обходя непроходимые места, экспедиция достигла цели. Отсюда можно было двигаться на вершину «Властелина духов». Но только без лошадей. Хоть в задачу экспедиции и не входило восхождение, однако Михаил Тимофеевич решил посоветоваться со своими спутниками и Головиным. Он сказал:

— Мы достигли такой точки, где не была еще ни одна экспедиция. Можем завершить работу и двигаться обратно. Но я предлагаю продолжить исследование дальше, подняться по леднику Иныльчек выше. Мы благодаря Николаю Васильевичу Набокову нашли дорогу к вершине. И пусть мы не дойдем до нее, но для успеха будущих экспедиций нужно сделать все, что в наших силах. Оставим здесь лошадей и часть груза. Думаю, что пограничникам целесообразно тоже остаться на этой базе. Если банда вздумает еще раз напасть на нас, то она не минует этого места. Других дорог нет. Мы убедились в этом сами. Как ваше мнение, Иван Семенович?

— Согласен с вами, Михаил Тимофеевич. Хотелось бы и нам подняться повыше. Но с точки зрения военной это нецелесообразно. Мы здесь займем оборону и в случае нападения известим вас. Работайте спокойно.

На базе остались пограничники, старик Набоков, повредивший на последнем переходе ногу, кинооператоры и носильщики. Погребецкий взял с собой Зауберера, Заричника, Шиманского, Коляду, Багмута и Редака. Фатиму, несмотря на ее настойчивые просьбы, тоже оставили в лагере, объяснив, что без альпинистских навыков и специального снаряжения двигаться вверх по леднику нельзя. Хотел было отправиться с группой Погребецкого и Бердикул. Но тут категорически сказал «нет» командир пограничной группы.

— Пользы он вам, Михаил Тимофеевич, не принесет никакой, а здесь каждый человек нужен, если в бой вступить придется.

— Да, я согласен. Пусть остается.

Смельчаки ушли вверх по леднику, захватив самое необходимое.

Головин решил принять все меры предосторожности. В первую очередь лагерь нужно было превратить в хорошо укрепленный очаг сопротивления. Местность позволяла сделать это. Пограничники оборудовали укрытия, ячейки для стрельбы, нашли на случай боя безопасное место для лошадей. Всю ночь на постах сменялись часовые. Но было тихо. Настоящее ледяное безмолвие.

Наступило утро 28 августа.

Головин никогда еще не был так близко к вершине Хан-Тенгри. Впервые видел, как лучи восходящего солнца в кровавый цвет окрасили грозную пирамиду «Властелина духов». Зрелище было потрясающим. Но природа природой, а служба службой... Не в правилах Головина было сидеть в неведении за своим укрытием и ожидать нападения. Он вызвал Копылова и Ноговицына и приказал им:

— Седлайте лошадей и спускайтесь километров на пять ниже по

руслу Иныльчека. Разведайте подступы к нашей базе. Может быть, нападете на следы Джантая. В бой не вступайте, если себя не обнаружите. Понаблюдайте за действиями банды и возвращайтесь немедленно.

— Начальник, пошли и меня с ними! — попросил Бердикул.

— Нет, ты останешься здесь! — сказал, как отрубил, Головин.

Еще в столкновении с бандой перед Тюзом поведение этого носильщика показалось командиру пограничников подозрительным. Перед боем он внезапно исчез, а потом появился с той стороны, куда уходила банда. Может быть, действительно лошадей экспедиции искал. А может быть, и другое. Во всяком случае после этого Головин не спускал с Бердикула глаз, но старался не выдавать своих подозрений. На границе бывало не раз, что бандиты под видом местных жителей засылали не только в аулы, но и на пограничные заставы своих людей. Им доверялись, и потом дорого приходилось расплачиваться за это.

Ноговицын и Копылов уехали выполнять боевую задачу, а Головин определил каждому бойцу своего гарнизона сектор обстрела, проверил, хорошо ли замаскированы и укреплены огневые позиции. За одним из камней залег проводник Набоков. На Николая Васильевича Головин надеялся не меньше, чем на своих бойцов. Старик не раз показывал себя в боях. Вел огонь он метко, расчетливо, никогда не терял хладнокровия. Как поведет себя в бою оставшиеся на базе члены экспедиции и носильщики — неизвестно. Да и какой с них спрос? Люди сугубо штатские, необстрелянные.

Звук, напоминающий выстрел, донесся с той стороны, куда ускакали пограничники. Головин прислушался: сомнений не оставалось — Копылов и Ноговицын вступили в соприкосновение с бандой. И Головин приказал занять оборону. Запыхавшись, прибежал наблюдатель Маслов.

— Вижу около полусотни вооруженных всадников! — доложил он. — Двигутся по направлению нашей стоянки.

Головин схватил бинокль и рывком поднес его к глазам. И вот какая картина открылась перед ним. Рассыпавшись лавой по долине Иныльчека, большая группа всадников преследовала двух пограничников. Причем Ноговицын на рысях вел на поводу коня своего товарища, а Копылов, сидя спиной к голове лошади, непрерывно стрелял по наступающей конной лаве.

— Только бы успели! — подумал вслух Головин о Копылове и Ноговицыне и вытащил свой маузер, снял его с предохранителя.

Пограничники успели добраться до лагеря. Быстро спешились и присоединились к товарищам.

Лава была уже в нескольких сотнях метров.

— Огоны! — скомандовал Головин и, прицелившись, нажал на спусковой крючок маузера.

Залп получился нестройным, но бандитов остановили. Они тоже спешились и залегли за укрытия. На какое-то время стрельба с обеих сторон прекратилась. Один из бандитов крикнул:

— Сдавайся, Головин! Мы знаем, что вас только шестеро. Нас в десять раз больше. Не сдадитесь — умрете.

На бандитский ультиматум пограничники ответили более дружным залпом. Бандиты пошли в атаку. Снова закипел бой... Ясно, что бандиты хорошо осведомлены о боевых возможностях пограничников, раз точно знают, сколько их. Но это узнать можно было и хорошо замаскированному на одной из скал наблюдателю. Фамилию же командира банде мог сообщить тот, кто видел проезжавших через какой-либо аул пограничников. Или Бердикул? Но раздумывать над этим, сопоставлять факты было некогда.

Красноармеец Медведев прикрывал своим огнем фланг обороны. Он должен был помешать банде обойти лагерь и выйти на тропу, по которой ушел Погребецкий. И вдруг Медведев прекратил стрельбу. Головин решил выяснить, что случилось, и бросился к огневой точке Медведева. Второпях Иван Семенович выпустил из виду одну лошину на своем пути. А именно в ней притаился один из бандитов. Когда Головин был метрах в десяти, бандит выскочил из-за своего укрытия и почти в упор выстрелил. К счастью, пуля прошла мимо, но Головин упал и притворился мертвым. Осмелевший головорез подошел вплотную. Был он одет в новенькое, с иголочки, английское обмундирование, держал в руках английскую винтовку. Какой марки пистолет был заткнут за его пояс, Головин рассматривать не стал. Он в упор выстрелил в бандита. Тот упал с громким криком и затих.

Бандиты отступили. Но не далеко. Им потребовалась передышка. Выяснил Головин, что Медведев был цел и невредим.

— Почему не стрелял?— спросил командир.

— Берег патроны. Чего их зря жечь, если в моем секторе бандиты не появлялись?

— Молодец, Медведев!

Наступила ночь. Бандиты осадили лагерь, но в атаку не пошли. Пограничники были в затруднительном положении. Боеприпасов оставалось мало, а помощь с заставы могла прийти суток через десять. Да и откуда там могли знать, что Иван Головин ведет бой у самого подножия Хан-Тенгри? Гонца послать тоже нет смысла: он не прорвется сквозь вражеское кольцо. Задачу нужно было выполнить, рассчитывая только на свои силы. Главное — не пропустить банду в район работы ядра экспедиции.

Ночью по приказу Головина бойцы изготовили чучела, надели на них свои фуражки и выставили, чтобы по ним хотя бы первое время боя был сосредоточен огонь. А что бандиты будут наступать — Головин не сомневался.

Перед рассветом попытался скрыться из лагеря Бердикул. Но его недаром «опекал» командир пограничников. Выдав себя с головой этой попыткой, Бердикул не стал долго запираяться. Он сообщил, что в экспедицию направился по приказу Джантая с заданием сообщать о каждом ее шаге. Последнее донесение он передал, когда бандиты напали на экспедицию в районе перевала Тюз. О планах Джантая он ничего не знал. Зато сообщил, что убитый Головиным бандит — не кто иной, как

племянник самого владыки Кой-Капа. Шпиона связали и отправили на место стоянки лошадей, наказав коноводу не спускать с него глаз.

На рассвете наблюдатель доложил о том, что по долине Иныльчека движется уже около ста вооруженных бандитов. Снова вспыхнул бой. Но и сотня головорезов не смогла сломить советских бойцов. Они хорошо укрепились, вели меткий огонь только по видимым целям. А бандиты сначала сосредоточили стрельбу по чучелам. И только потом поняли, как обманули их пограничники.

Бой длился целый день. К вечеру у пограничников осталось по восемь патронов на винтовку. Зато подступы к лагерю были устланы трупами бандитов.

Что делать? Можно было пойти на прорыв кольца. Но такая мысль не приходила даже в голову. Пограничники отвечали за жизнь и успех работы экспедиции, за сохранность собранных ею научных материалов. Но в то же время без боеприпасов трудно выдержать еще один штурм. Джантай может послать еще сто, двести, триста своих головорезов. Пока людей у него в Кой-Капе достаточно для этого. Если прорываться, то только вместе с экспедицией. И Головин пишет донесение Погребецкому:

«28 августа на нас напала банда Джантая в составе пятидесяти человек. Банда была отбита. На другой день она повторила нападение, но тоже была отбита. Предполагаю, что в самом недалеком будущем повторится нападение более крупными силами. Жду скорейшего вашего возвращения». С донесением был послан один из коноводов. Пограничника Головин послать не мог. В любое время можно было ждать нового нападения.

Гонец добрался до места работы экспедиции, рассказал о банде и о двухдневном бое. Работа была закончена. И после недолгих сборов Погребецкий и его люди стали спускаться к своему лагерю. Там было тихо. Банда пока не проявляла активности. Но теперь активизировались пограничники. Нужно было внезапной атакой отбросить банду с пути в долину Сары-Джас и, оставляя огневые заслоны, быстро спуститься вниз. Сейчас главное — сохранить членов экспедиции и собранные ими с таким трудом материалы, которые ждет наука.

И Головин повел своих бойцов в атаку. Не ожидавшие нападения бандиты растерялись, открыли огонь только тогда, когда ядро колонны прошло опасный перевал. Сунулись было бандиты преследовать, но их остановил меткий залп. Огонь вели не только пограничники, но и члены экспедиции.

* * *

Гость уехал из ставки Джантая разгневанным. Задание своего шефа он не выполнил. Экспедиция Погребецкого благополучно спустилась в долину Сары-Джас. Шесть советских пограничников помешали осуществить хорошо продуманный план вражеской разведки.

И. Нуруленно

КЛЮЧ ОТ КОЙ-КАПА

Грозою сыртов называл себя Джантай Аманов — главарь крупной басмаческой шайки, которая вот уже много лет наводила ужас на животноводов Восточного Прииссыккуля. Банда возникла еще до революции, но в период коллективизации, пополнившись баями и манапами, действовала особенно нагло и вызывающе.

Впрочем, банду возглавлял теперь не сам Джантай Аманов. Ему перевалило уже за седьмой десяток, и годы умерили его разбойничий пыл. Зато имя этого известного бандита служило как бы знаменем, под которое собирались все те, кто был недоволен Советской властью и кто хотел поживиться за счет грабежа. Бандой же верховодил отменный головорез Кочеганов, который даже среди басмачей прославился своей лютойостью и кровожадностью.

Убежище себе банда нашла в труднодоступном ущелье Кой-Кап. Окруженное со всех сторон непроходимыми горными цепями, прикрытое с севера массивными ледниками, оно представляло собой неприступную естественную крепость. Отсюда бандиты совершали свои разбойничьи вылазки: нападали на мирных жителей, угоняли скот, убивали активистов.

Только один путь вел в Кой-Кап — узкая теснина реки Кызыл-Кап-чигай с мрачными скалами, нависшими с обеих сторон. Постоянно охраняя этот проход, басмачи чувствовали себя в полной безопасности.

Не раз местные власти предпринимали меры к тому, чтобы разгромить банду Аманова. Еще в 1923 и 1924 годах в Кой-Кап было направлено несколько подразделений регулярных войск, но, задержанные в проходе отчаянным сопротивлением врага, они так и не смогли достичь бандитской крепости.

Ликвидировать «грозу сыртов» — банду Аманова — было приказано пограничникам. Ответственным за эту операцию командование назначило помощника коменданта Федорова.

Все лето 1929 года Федоров проводил разведки подступов к бандитской крепости Кой-Кап. Он обследовал в этом районе все тропинки, пе-

репавы через горные реки, перевалы, несколько раз побывал в перестрелке с басмачами в ущелье Кызыл-Капчигай. И чем больше он изучал обстановку, тем яснее для него становилось, что Кой-Кап неприступно.

— Не взять силой — надо взять хитростью, — часто говорил Федоров и снова брался за карты, за схему участка, снова выезжал на местность.

Однажды вечером у коменданта собрались командиры на совещание для обсуждения предполагаемой операции. Федоров, обычно сдержанный и замкнутый, сегодня — возбужденный, словно был осенен какой-то удачной мыслью. И в самом деле, он первый попросил слова и сказал:

— Если нам нельзя пробиться в Кой-Кап, то можно бандитов выманить оттуда и одним ударом покончить с ними.

— А как? — слышались голоса.

— Я предлагаю использовать для этого торгующие организации: побольше завезти в наши лавки самых дорогих товаров и выдвинуть их поближе к границе. Не может быть, чтобы не клюнули басмачи на такого живца...

— А, пожалуй, это стоящая мысль, — промолвил комендант после некоторого раздумья.

И вот по осени среди населения пограничной полосы пошли разговоры о богатствах одной из торговых точек. Местные жители многих окрестных селений приезжали сюда, чтобы полюбоваться роскошными коврами, дорогими тканями, разнообразнейшим ассортиментом промышленных изделий.

Скоро слухи о сказочных богатствах кооператива донеслись до бандитов, но хитрый Кочеганов проявил большую осторожность и не торопился пойти на приманку.

Наступил декабрь. Близился традиционный праздник — день ВЧК, и подразделение начало готовиться к нему. Однако в отличие от прошлых лет в этом году пограничники особенно широко готовились отметить свой день: украшали помещения, вывешивали лозунги, закупали продукты. Все они, казалось, были заняты подготовкой к празднику, даже часовых не было заметно у казармы.

Но подразделение жило другой, внутренней жизнью, скрытой от постороннего взгляда. Каждое утро Федоров, суровый и требовательный, проверял боеготовность пограничников. Он осматривал снаряжение, оружие, заглядывал в переметные сумки и патронташи, интересовался ковкой коней. Впрочем, даже его придиричивый взгляд не мог обнаружить недостатков: пограничники знали о предстоящих боях и настойчиво готовились к ним. Вечерами же Федоров высылал усиленные наряды, часто проверял их по ночам и всякий раз требовал: побольше бдительности!

И вот однажды декабрьским утром в подразделение прискакал чабан-киргиз. Не слезая с коня, он взволнованно рассказал о том, что Кочеганов с шайкой вышел из Кой-Капа, напал на соседний кишлак, разогнал сельсовет и теперь собирается ограбить магазин.

— Ага, клюнуло,— улыбнувшись, проговорил Федоров.

Через несколько минут подразделение выступило по боевой тревоге.

А в кишлаке хозяйничали бандиты. Группами и в одиночку они разъезжали по улице, толпою сгрудились у магазина, и для них было полной неожиданностью, когда на окраине села завязалась частая перестрелка.

Сломив сопротивление бандитского заслона, пограничники ворвались в селение. С обнаженными клинками они неудержимо неслись мимо кибиток, преследуя обезумевших от страха басмачей.

На другом конце кишлака несколько десятков басмачей во главе с самим Кочегановым пытались организовать сопротивление. Засев среди камней, они открыли огонь по атакующим. Но уже ничто не могло удержат стремительного натиска бойцов.

— За мной! Ура!— крикнул Федоров, отдавая поводья своему коню.

— Ур-р-а-а-а! — дружно подхватили наступающие пограничники.

С перекошенными от ужаса лицами басмачи бросились врассыпную. Напрасно звал их охрипшим голосом Кочеганов, напрасно грозил им своим новым английским винчестером — басмачи бежали, не оглядываясь, к горам, надеясь уйти от преследования. Но их нагоняли пограничники.

На Кочеганова направил коня рослый красноармеец Васильев. Бандит, припав на колено, выстрелил. Пуля попала в плечо лошади, а в этот момент другой пограничник налетел на главаря банды и на полном скаку раскроил ему череп.

В стремительной атаке пограничников основные силы банды Джантая Аманова были разгромлены. Но не дал отдыха своим бойцам помощник коменданта Федоров: он решил сейчас же, не теряя времени, идти на Кой-Кап.

Много трудных походов видели пограничники, а в таком они были впервые. По оледенелым кручам, через занесенные снегом перевалы пробирались они в басмаческое логово. Наконец, впереди показались отвесные скалы Кызыл-Капчигая. Здесь, в узком проходе, устраивали обычно басмачи свои засады.

Федоров выслал дозор в составе двух пограничников. Медленно, осторожно двинулись они вперед, но вдруг откуда-то из расщелин скал затрещали выстрелы.

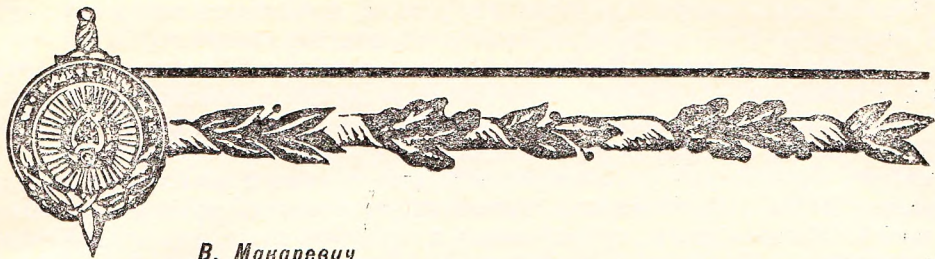
— Так и есть: засада,— нахмурил брови Федоров.

Пришлось выделять штурмовую группу. Шестеро бойцов во главе с командиром отделения, спешившись, начали пробираться вперед. Рискую каждую минуту сорваться в пропасть, они карабкались по кручам, цепляясь за колючие кусты можжевельника, и упорно ползли. Каждый метр пространства давался им ценой огромных усилий. И вот они вплотную приблизились к тому месту, где засели бандиты. Пара гранат — и засада уничтожена.

Банда уже потеряла свои главные силы, и все-таки пограничникам в узком ущелье Кызыл-Капчигая пришлось выбивать семь вражеских засад.

На третьи сутки обрывистые горы как бы расступились, и пограничники вышли в долину Кой-Кап. Здесь произошло еще несколько ожесточенных стычек, в результате которых банда «грозы сыртов» Джантая Аманова была окончательно ликвидирована. Только жалким ее остаткам удалось бежать в Китай.

За блестяще проведенную операцию коллегия ОГПУ наградила помощника коменданта Федорова почетным оружием, а все бойцы, участвовавшие в походе в Кой-Кап, были отмечены ценными подарками.

В. Манаревич

РАСПЛАТА

Это была пятнадцатая годовщина Октября. Золото осени сливалось с кумачом знамен и транспарантов. Между древней башней минарета и новым зданием клуба — трибуна с портретом Ильича. Улица запружена народом. Идет митинг. По сторонам трибуны замерли ряды колхозников — пионеров победившей коллективизации. Здесь и из Мирза-Аки, и из Джелянды, и из Кара-Дехкана, и тозовская беднота из «Союзкошчи». Улица и парк не вмещают всех, кто пришел и приехал из ближних и дальних аулов. Дувалы и плоские глинобитные крыши прилегающих домов оккупировали любопытные мальчишки. Осмелевшие дёвчушки и молодухи, смеясь и перешучиваясь, толпятся за ветками айвовых деревьев.

Улица бурлит. Празднично рокочут барабаны, весело поют флейты. В хрустальной синеве неба, уносясь до седых горных вершин, победно плывут торжественные звуки карнаев. С трибуны летит здравица героям-доблестцам. Раздаются рукоплескания. Своих любимцев мальчишки встречают понятным на всех языках возгласом: «Доброваны!.. Едут доброваны!» Ряд за рядом, стремя в стремя, проходят доблестцы Жукова и Осташкова: киргизы и русские, узбеки и украинцы, татары и уйгуры, разгромившие последний оплот баев и духовенства — басмаческие шайки.

Три года назад, в 1930 году, воскресным мартовским днем кучка фанатичных приверженцев Гаипа, провоцируя выступление народа против коллективизации Советов, волокла по этой же улице с петлей на шее представителя Киргизского обкома партии. Сухо трещали выстрелы, переполошенно гудел и в панике разбежался базар. Хлопали за перепуганными людьми калитки. У здания райисполкома бушевала толпа подстрекаемых духовенством разъяренных фанатиков. По улицам текло страшное и понятное всем: «басмачи». Но провокация не удалась. Не удался и заранее подготовленный захват оружия. Малочисленная погранзастава, на которую предательски напал Гаип-пансат, отбила налёт шайки. Потерпев неудачу, озлобленный курбаши увел банду в горы.

После бессмысленного злодейства и разбоя, длившегося около двух лет, Гаим-пансат и его подручные ушли за кордон. Но вскоре...

...Еще не растаяли на темно-буром темени горы Туячи наносы снега, а долина и предгорье только-только запестрели свежими полосками пашни, как в село вновь пришла тревога. Оставив свежие борозды, добротрядцы взяли за оружие. Говорили, что с гор получен тревожный кабар¹. Проводники и охотники, живущие высоко в горах, передали в долину весть о неожиданном появлении на перевале крупных сил басмачей. Обмороженные, проваливаясь в глубоком снегу, они черной гаденой ползли по хребтам к темнеющим проталинам джайлоо. Занятых весенней страдой дехкан тревожил отчаянный переход бандитов. Много было догадок, кривотолков о том, какие новые беды несет с собой голодная шайка Гаипа.

А добротрядцы готовились к встрече «гостей».

Пробившаяся к верховью Читты, к заброшенному дому бая Абдулабека, банда напоминала истощавших стервятников. Запылали яркие арочные костры, забулькали котлы и чайдоши, потянуло аппетитным запахом поджарки. Шайка пировала. А когда перед восседавшими в пустой и неудобной мейман-хане перед курбашами предстали разведчики и рассказали, что им-де противостоит всего 26 добротрядцев, курбаши Айтмерек запальчиво заявил, что он не притронется к мясу забитой кобылицы, пока не прикончит доброванов. Измотанный неудачами, Гаип под напускным раздумьем скрыл свою неприязнь к Айтмереку, который никогда не упускал случая показать свою самоуверенность и превосходство. Он, не скрывая, считал себя хозяином Алай-Ку с прилегающими землями по рекам Тар и Кара-Кульджа. Но... Сто сорок джигитов, вооруженных винтовками и пулеметами, против двадцати шести — заманчиво!

Банда двинулась навстречу отряду.

Вход и выход из Читтинского ущелья охраняются неприступными воротами из отвесных скал. Об этих скалах ходили страшные слухи. Рассказывали, что с их головокружительной высоты Джаныбек Казы сбрасывал свои жертвы.

Счетч лицо холодный с дождем снег. Оползшими за зиму горными тропами спешит отряд. Где-то внизу, в провале, гремит река. И люди, и лошади на ощупь, по памяти, находят каждый поворот, каждый выступ. Руша щебень, в темноте бормочут всполошившиеся саи. Тревожна и беспокойна темень ночи. Надо спешить. Надо успеть закрыть бандитам ворота. И цокот копыт, и сорвавшийся камень, и чуть слышный оклик поджидавших проводников — все сливалось и тонуло в гомоне непогодной горной ночи.

Попав в западню, басмачи применили все, чтобы уstrate добротрядцев и пройти ворота, но старания оказались напрасными. Не помогли и впустую выпущенные дорогостоящие пулеметные очереди, следы которых и по сей день сохранили камни.

¹ Кабар — известие, сообщение.

К полудню, сменив в Мирза-Аки загнанного коня, посланный в Узген добротрядец на ходу бросил, что убит Иван Ткаченко, не уточнив в спешке, который. И сразу в двух семьях тезок и однофамильцев — командира отряда добровольной милиции и воина из отряда Жукова — Ивана Серафимовича Ткаченко — поселилось безысходное горе.

Бешено билась о камни вода, еще бешеной завязывался бой в тесном ущелье. Упав на камни с раздробленными пулями ногами, командир взвода Василий Прищепа отстреливался до последнего патрона. Шайка отступила.

Чтобы выйти в долину, басмачи попытались перейти перевал Сурташ. При выходе в урочище Донгуз-Тоо басмачей встретили подоспевшие отряды ГПУ и пограничников. В тылу басмачей вновь появились шедшие по их следу добротрядцы. Это и решило исход боя. Разгромленная шайка распалась.

Айтмерек ушел в свою вотчину (нынешнее село Советское), где и был убит взбунтовавшимися джигитами. Гаип метался до осени, пока не был зажат в выжженных августовским солнцем наукатских горах. Короткой, но жестокой была последняя схватка. Почуввав пришедшую расплату, он как одержимый гнал иноходца среди падающих под пулями бандитов. Пули, казалось, щадили его. Но кольцо сжималось, выдыхался белый иноходец. Вдруг мелькнула страшная догадка: значит, его умышленно щадят, чтобы судить перед народом!.. Значит, он вновь встретит ненавидящие взгляды дехкан, от которых леденеет сердце! Как загнанного иноходца пансата забила дрожь.словно во сне, видел он мчавшегося к нему с красными во всю грудь нашивками начальника пограничников. Глядя на красиво стелющегося в галопе жеребца, Гаип встрепнулся. Не слушая, что ему кричали, он всем видом старался внушить пограничникам, что напуган и сдается. Совсем рядом красные нашивки. Вскинув маузер, Гаип со злорадством выпускает в них всю обойму. От неожиданности все оцепенели. Гаип, бросив иноходца, вскочил в опустевшее седло вороного жеребца. И тогда без всякой команды грохнул залп. Стреляли все: пограничники и добротрядцы...

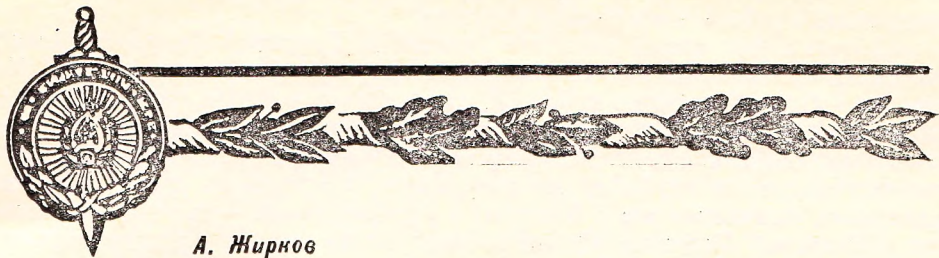
Так кончил свой путь Гаип-пансат, один из самых кровожадных курбаши.

Страшно было рядиться Маматбаю в шкуру преданного басмача. Не доверял Айтмерек сыну непокорного бедняка Дуйшемби. И если бы удачно для Айтмерека окончился тот бой, не носил бы головы засланный разведчик. Давно отошли годы басмачества, и, может, в эти дни вспоминает старый разведчик Маматбай тот последний бой в Джолгуре, где и был положен конец шайке Айтмерека. В горах, где шли бои с басмачами, живет поседевший командир добротрядцев Дмитрий Жуков.

Многим доброотрядам довелось бить и немецких захватчиков. Среди них был и Кохар Шарипов, первый, кто повязал красный галстук пионера. Бывший маленький разведчик доброванов партизанил в лесах Белоруссии. Как дорогую реликвию, свято хранит и Иван Яковлевич Шевченко простой пожелтевший тетрадный листок, на котором от-

печатана Почетная грамота райисполкома за активное участие в разгроме басмачества.

На старой базарной площади, где был сорван с трибуны бандитской петлей представитель Киргизского обкома партии Борокбаев, теперь раскинулся огромной строительной площадкой хоздвор передвижной механизированной колонны. Идет строительство. Строим сегодня свое завтра.

А. Жирнов

СЕРП И САБЛЯ

Погожим весенним днем, будто сойдя со старого снимка, собирались в доме по улице Буденного, 57, на своеобразную пресс-конференцию бывшие добровольцы, боевые друзья Осташкова. Годы берут своё — уже не на боевом коне, а на тихоходном ослике подкатил к крыльцу Джумабай Мурзаев, лихой боец шестидесятого Туркестанского полка в незабываемом 1919, помощник командира добротряда в поворотном 1929 году. На Джумабае подчеркнуто скромный серый чапан, теплая шапка. Ссутулился, высох старый солдат, но по-прежнему живы его зеленые, хитровато прищуренные глаза, по-прежнему готовы они заискриться в ответ на каждую удачную шутку.

Не спеша, с достоинством здоровается с хозяином дома седобородый аксакал в ватной стеганке и шапке, отороченной мехом. Это Тулембай Машрабов — один из организаторов отряда самообороны в Мирза-Аки, старый партийный работник, а ныне персональный пенсионер. С веселым шумом явился маленький подвижный таджик Камиль Каримов — в последние годы жизни Осташкова он был у него ординарцем. Верхом приезжают рабочие местного совхоза Кожомжаров Токтомбай, бывший отделенный отряда, и его боец Кадыр Джусупов.

Сидим в чистой горнице того самого дома, в котором когда-то размещался штаб отряда и жил Павел Осташков. На полу возятся двое его внучат-близнецов, со стены смотрит писанный маслом портрет Павла Степановича работы неизвестного местного художника. Черные, почти сросшиеся брови, приспущенные книзу усы, прямой тонкий нос, строгий блеск глаз — есть в этом лице что-то от его донского земляка, шолоховского Григория. В горнице я слушаю рассказ бывших добровольцев об их боевых делах, о жизни славного командира отряда.

— Было это в тяжелом 1918 году, — вспоминает Тулембай Машрабов, — когда создавался в Мирза-Аки первый партизанский отряд. По всей Фергане, как черные шакалы, рыскали басмачи Муэтдина, Хал-Ходжи, Джаныбека, Иргаша, Курширмата, Макхам-Ходжи. Кажется, не

было семьи на нашей земле, которую бы они не тронули. Жгли анлы, устраивали резню, насиловали женщин.

В такое вот время сельские активисты Григорий Галушко, Иосиф и Павел Осташковы как-то вызвали меня и Мураталиева Омора. На сходке Григорий коротко сообщил, что уездный комитет партии предлагает мирзаакинцам, по примеру других крупных населенных пунктов Ферганы, создать отряд самообороны от басмачей. Тут же назначили ответственных за вербовку добровольцев. Агитировать среди жителей кыштаків вызвались мы с Омором, в русских селах — братья Осташковы и Григорий Галушко. Скоро костяк отряда числом до девяноста человек был составлен. Командиром назначили Иосифа Осташкова. Вступили в отряд киргизы, русские, таджики, узбеки. В Фергане мы получили оружие и каждый кавалерист-доблестец — по байской лошади. Началась новая, полная боевых тревог жизнь...

А жизнь первых красных партизан была действительно нелегкая. Каждый день, а то и по нескольку раз в день отряд по тревоге снимался и вступал в стычки с врагом. Борьба была жестокая, насмерть, борьба двух миров.

Навсегда запомнился Тулембаю бой у поселка Карчабек. Басмачи обложили тогда этот поселок со всех сторон, начали жечь его, надеясь на скорую расправу. В селе была небольшая группа самообороны. Но, хотя держалась она стойко, участь ее была предрешена. В Мирза-Аки сообщили об этом поздно, и добровольцы спешно выступили на подмогу товарищам. Шли всю ночь через горы, со стороны Ясс. А потом весь день был бой. Поселок отстояли, но ранили тогда первого командира отряда. Ранение пришлось в грудь во время очередной атаки, в которую повел Осташков-старший своих бойцов. Ему бы медпомощь ко времени. Да где найти ее в глухих горах? В простой крестьянской телеге, на домотканной дерюге поверх терпкого, пахнущего детством и летом сена, умирал отважный партизан Иосиф Степанович Осташков...

Вот тогда-то, получив еще один безжалостный урок классовой борьбы, решили стать коммунистами Павел и Тулембай. В партию вступили в один и тот же памятный день 1920 года. Жизнь продолжалась, а с нею продолжалась и борьба. И не только на военном, но и трудовом фронте. Уехал Тулембай в Акджарскую волость секретарем комячейки. Павла назначили председателем сельского ревкома за ясный, преданный революции ум и твердую, справедливую руку. Вместе с другими сельскими коммунистами ездит он по отдаленным горным аилам, помогает созданию комитетов бедноты, налаживанию новой жизни, разъясняет дехканам политику Советов, большевиков, обеспечивает «выкачку», как тогда говорили, излишков хлеба у баев. Потом он работает в районном союзе «Кошчи», в земельно-спорной комиссии, назначается политруководителем по составлению статистических материалов по землеустройству. И где только он не работал — этот двужильный бесстрашный человек из орлиного племени Корчагиных!

Скоро после гибели брата Павел стал командиром обновленного добровольческого отряда. К этому времени беднота коренных нацио-

нальностей воочию убедилась в полной враждебности ей басмачества, верхушка которого всегда стремилась играть на национальных чувствах. В добротряды усилился приток молодежи киргизской, узбекской и других национальностей. Предревкома сразу оценил это обстоятельство. Позднее он писал, что организовал небольшой отряд из бедняков коренных национальностей, который впоследствии получил наименование коммунистического, что этот отряд многократно принимал участие в боях против различных банд басмачей, а национальный и пролетарский состав его оказывал сильное психологическое воздействие на местное население.

Павел, хорошо знавший киргизский язык, быстро сходилась с новичками, умно и терпеливо воспитывал в них сознательных борцов за народную власть. Школа этого воспитания по-своему проявилась в одном любопытном эпизоде, который случился с Джумабаем Мурзаевым.

...Осенью двадцать девятого года мирза-акинский добровольческий отряд вместе с подразделением красноармейцев из Ташкента под командованием Притулы вел поиск одной из банд Гаип-пансата. Остановились в ложбине у местечка Пычан Тогуз-Тороуского района. Здесь ущелье раздваивалось, и отряд Осташкова стал осуществлять обходный маневр. Мурзаев с группой добротрядцев остался с отрядом Притулы. Командир красноармейцев решил провести разведку местности. Взяв с собой Мурзаева, они взобрались на взгорье и стали осматривать расстилавшуюся вокруг местность. Притула протянул своему спутнику бинокль, но Джумабай отвел его руку:

— Мои глаза — бинокль, — сказал он.

Обшарили взглядом, кажется, все затаенные ложбинки, хитросплетения скал и зарослей. Ничего подозрительного. Вдруг Джумабай оживился, что-то сказал по-киргизски и ткнул искривленным от прошлого ранения пальцем куда-то вниз, на восток:

— Смотри, командир.

Притула всмотрелся: далеко у поворота ущелья обозначились контуры полудесятка юрт; было видно, как на прибрежной поляне люди, видимо, разделявали тушу барана, а в речушке смутно белели тела купающихся.

Притула равнодушно отвел бинокль от этой картины и коротко бросил:

— Помер, должно, кто-нибудь. Поминки справлять собрались.

Джумабай заволновался:

— Поминок нет, командир, — басмачи...

Заспорили. В сердцах Джумабай двинулся было к юртам самовольно, но Притула не разрешил этого делать. Пришлось подчиниться и уже спокойнее объяснить командиру причину своих подозрений. Оказалось, что острый глаз Джумабая отметил странную малоподвижность полуобнаженного человека у ближней к ним юрты.

— Человек привязан, — еще раз пристально всматриваясь, сказал Джумабай.

Командир задумался, но, чтобы проверить догадку, разрешил Джумабаю с шестью товарищами подобраться к кочевью. С большим риском для себя разведчики добрались до прибрежных камней и залегли в них, как раз напротив стойбища. Скоро они убедились, что за поминки готовились здесь и что за люди должны были участвовать в тризне! Юрты наполняли группы вооруженных людей, кони держались вблизи нерасседланными. Спасла басмачей простая случайность. Чей-то выстрел со стороны всполошил бандитов. Не погасив очага, не одевшись как следует, басмачи бежали. Но трое из них остались лежать навечно. Бойцы подобрали десятки три винтовок, несколько тюков одежды и мануфактуры из разграбленного в соседнем селе кооператива...

Много больших и малых, кровавых и бескровных схваток выпало на долю Павла. Его отряд стал настоящей грозой басмачей в районе Узгена, Куршаба, сел Мирза-Аки и Советское.

Особенно напряженной стала жизнь Павла с началом коллективизации на селе. Сын батрака и сам батрак, Павел был энтузиастом колхозов, понимал, что такое они для бедных, разобщенных крестьян. Даже в самый разгар боевых действий отряда его не оставляла мечта о земле, о труде и счастье землепашца. Собственно, ради этой мечты он забросил свое хозяйство, подвергал лишениям многодетную семью, каждодневно рисковал собой. По самой логике жизни Павел стал организатором первых в районе колхозов, председателем одного из таких первенцев — колхоза имени Буденного. В колхоз этот вошли беднейшие земляки Павла — украинцы, киргизы, узбеки, уйгуры. Большинство из них, в том числе и колхозники-доблестцы, не имели ни лошади, ни плуга. Павел отдал в колхоз все. «Все мое хозяйство от рабочих лошадей, пасеки в 18 ульев, сельхозинвентаря, семенника и фуража до последнего гвоздя и кола было обобществлено в колхозе», — позднее пишет Осташков. Иного решения в тех условиях он принять не мог. Это был очень крошечный колхоз. В первый год своего существования он засеял хлопком всего пять гектаров земли. Но это было началом победы нового на селе.

Позднее хозяйство слилось с колхозом имени Ленина, приняло еще около сотни дехканских дворов, экономически окрепло. Председательствовал по-прежнему Осташков. Тулембай, работавший некоторое время зампредом, вспоминает, что в первые же годы они распустились с долгами, вдосталь запаслись семенником пшеницы, овса, ячменя, кукурузы и риса, завели породистых свиней.

Страшась победы нового в киргизском аиле, вновь подняло голову басмачество. Снова пришлось мирза-акинским добровольцам трубить тревогу, вступить на военную тропу. Кровавые руки многих врагов Советской власти были отведены от народа благодаря отважным осташковцам. Били они бандитов из шаяк курбашей всех рангов — Джаныбека, Гаип-пансата, Ады, Мамасалы, Абдуллы-пансата. Как-то, увлекшись преследованием банды Гаипа в урочище Сары-Бия, отряд неожиданно напоролся на засаду и только благодаря мужеству и находчивости командира избежал потерь. Но самого Павла ранили в обе ноги.

Пришлось отлеживаться в Узгенской больнице, оставив отряд Джумабаю Мурзаеву. Лежал Павел в палате и тревожился: «Как там друзья, не подвели?» Нет, товарищи не подвели. Совместно с красноармейцами они полностью обезвредили банду Ады. Отличившиеся добротрядцы получили в награду верховых лошадей.

В январе 1931 года, когда в Узгене и в смежных районах банды были ликвидированы, ошашковский добровольческий отряд был обмундирован, получил наименование отряда особого назначения и направлен в Гульчинский район. Здесь он сопровождал торговые караваны на приграничных дорогах. А потом — поход к последнему пристанищу басмачей — в Большой Алай, борьба с недобитыми шейками Ибрагимбека.

— Та фотография, которая попала в газету, — рассказывает Джумабай Мурзаев, — относится как раз к этому времени. Из Алтын-Мазара мы получили известие об убийстве двенадцати геологоразведчиков. Тут же выступили. Но басмачей уже и след простыл. Предали земле изуродованные тела погибших. Потом месяца четыре стояли лагерем в местечке Мин-Теке. Отсюда наш отряд отправил в Ош около 500 пойманных басмачей.

Только с гибелью последнего из крупных ферганских головорезов — курбаши Айтмерека — смог Павел вернуться к земле, по которой истосковался, в родной колхоз. Снова бесчисленные хозяйственные заботы, шаги по нетронутой целине, борьба с затаившимися недругами Советской власти.

Теплой мартовской ночью 1933 года шагал Павел по еще не остывшей земле, по задумчиво притихшим улицам. Воздух был весь настоящим на свежих запахах южного марта. Павел жадно вдыхал его полной грудью, и чудился ему приветный шум листвы, ликующее цветение вишен и плывущий пчелиный гул. О чем он думал в эти минуты? О родном хуторе на быстротечной Березовке, где прошло его короткое безрадостное детство? О своих подрастающих сыновьях, для которых у него не хватает времени? Или о завтрашних своих колхозных заботах, об очередных кознях озлобленных кулацких подголосков, о неизбежных, из-за ранней весны заторах в посевной? А может, не думал ни о чем, молча шагал, слушал ночь. Не доходя до своего переулочка, Павел свернул с дороги и пошел напрямиком, огородами, сразу почувствовал под ногами мягкую, податливую только из-под снега землю. Вот он миновал чей-то приземистый баз, деревянный мосток через канаву и едва ступил снова на улицу, как откуда-то сзади, со стороны база, грянул смертоносный кулацкий выстрел...

...Над прахом погибшего героя коммунисты села дали клятву довести до победного конца дело его жизни. Слово свое они выполнили. Сейчас на месте маломощного колхоза имени Буденного, который когда-то создавал Павел Осташков, в районе создан гигантский, раскинувшийся почти на девяносто тысяч гектаров земли мясо-молочный совхоз «Алга». Это передовое современное хозяйство. Далеко за пределами района известны имена его тружеников.

Достойный памятник героям революции в Киргизии создали своими руками алгинцы. Нам, наследникам славы отцов, радостно видеть это, самим участвовать в умножении революционных и трудовых традиций. Имена живых и павших борцов зовут нас к новым свершениям. Беречь их память — наш святой сыновний долг.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Слово к читателю	5
Мальцев Г. Хроника борьбы и побед	8
Кисловский Ю. Границу на замок	14
Лебедев В. Разгром Джалал-Абадской авантюры	22
Чураков Д. В старом Оше	30
Норейко Н. (Литературная запись В. Барбонова)	
Путь к границе	35
Журавлев А. (Литературная запись В. Барбонова)	
Вторая Памирская	44
Семенов В. На линии огня	49
В те далекие годы	56
Камерон П. Ликвидация банд Муэтдина и Рахманкула	62
Яздаускас А. Отважный командир	70
Маргайтис В. (Литературная запись Г. Мальцева)	
Незабываемое	
1. Враги получают отпор	73
2. Мы проводим реформу	78
3. Узгенская авантюра	84
4. Битому нейдет	88
5. В Гульче	97
6. Отпуск откладывается...	109
7. Поход в Тогуз-Тороу	117
Волк	120
Старков Е. До последнего дыхания	122
Конец Кара-Муруна	130
Музипов Г. Схватка	133
Линьков Л. Пост семи героев	137
Григорьев А. Подвиг всей жизни	146
Мухин О.	
Бой ведет Иван Головин	151
Куруленко И. Ключ от Кой-Капа	173
Макаревич В. Расплата	177
Жирков А.	
Серп и сабля	181

ЧЕКИСТЫ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

СБОРНИК

Составитель *Г. А. Мальцев*

Редактор *Э. И. Андрусенко*
Художник *Е. Г. Соколов*
Худ. редактор *А. И. Мисюрев*
Технический редактор *Ж. Сооронкулова*
Корректор *Л. М. Челнокова*

Сдано в набор 5/VII-1975 г. Подписано к печати 4/II-1976 г.
Д—04014. Бумага типографская № 1, формат 70×90¹/₁₆, 11,75 физич.
печ. л., 13,75 условн. печ. л., 13,98 учет.-изд. л. Тираж 50.000.

Заказ № 3259. Цена **77 к.**

ГСП, 72037, г. Фрунзе, Советская 170, издательство «Кыргызстан».

720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.
Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Кыргызской ССР.
Госкомиздата Кыргызской ССР.

